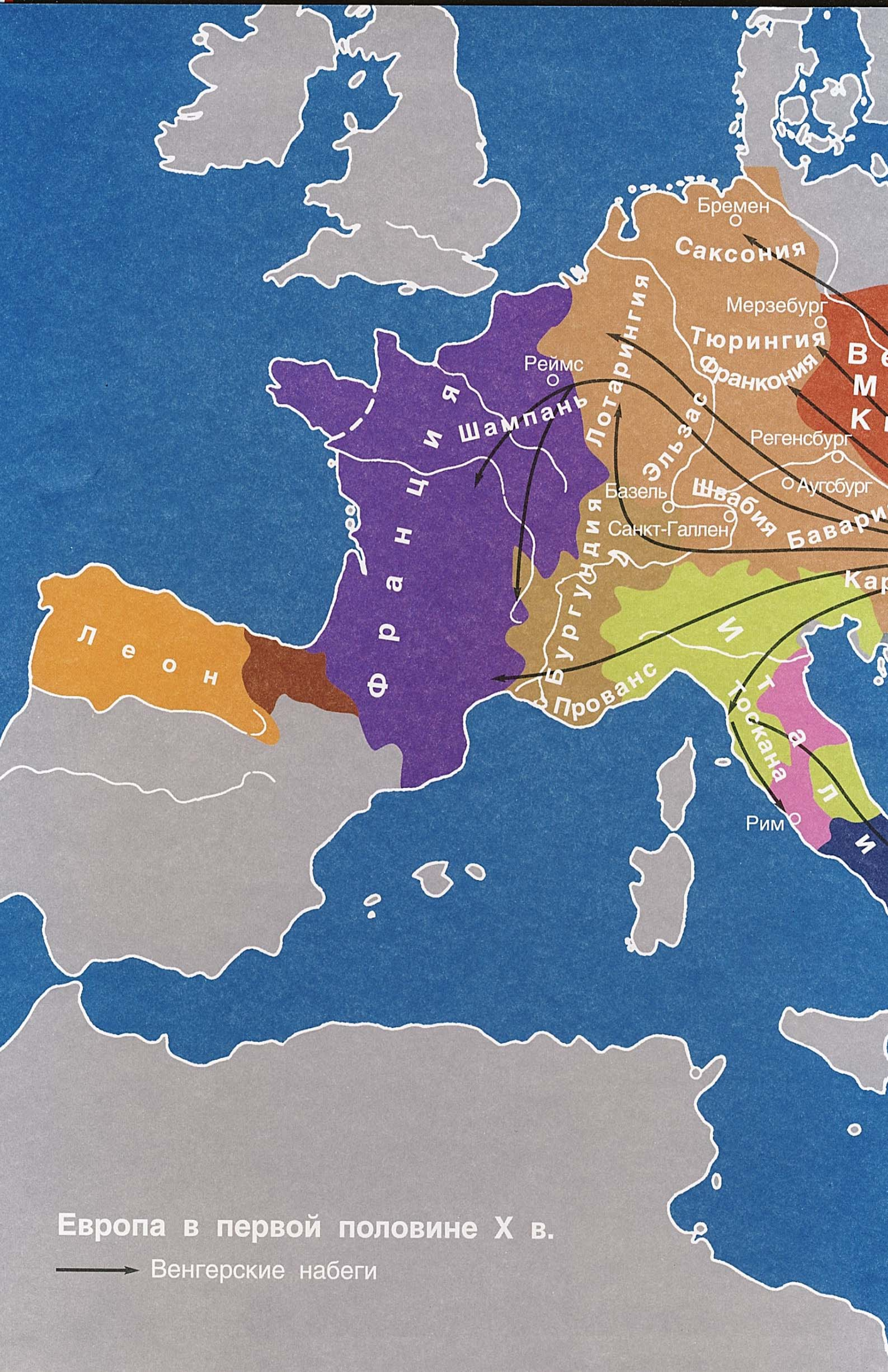

ВИЗАИТИЯ

ГРОЗА НАД ДУНАЕМ

Европа в первой половине X в.

→ Венгерские набеги

ко-
авское
кество

ия
ватия

Сербия

улия

Тиса

Дунай

БОЛГАРИЯ

Константинополь

Фессалия
Аттика

ВИЗАНТИЯ

ВИЗАНТИЯ

ГРОЗА НАД ДУНАЕМ

«Рейтар»
Санкт-Петербург
2009

ПРОЕКТ «ВОЙНЫ ВИЗАНТИИ»

Ранее опубликовано:

«ВИЗАНТИЯ — ШИТ ЕВРОПЫ»
АРАБО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОЙНЫ VII–XI ВВ.

«ВИЗАНТИЯ — ОРЁЛ И ЛЕВ»
БОЛГАРО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ВОЙНЫ VII–XIV ВВ.

«ВИЗАНТИЯ — РИМСКАЯ МЕЧТА»
ЗАПАДНЫЕ ВОЙНЫ ВИЗАНТИИ VI–XIV ВВ.

В. Н. Шиканов

ВИЗАНТИЯ ГРОЗА НАД ДУНАЕМ

Северные
войны
Византии
V-XIV вв.

«Рейтар»
Санкт-Петербург
2009

УДК 82.
ББК 63.3(4)
Ш-59

Шиканов В. Н.

Ш-59 Византия. Гроза над Дунаем: Северные войны Византии V—XIV вв. / Шиканов В. Н. — СПб.: «Рейтар», 2009. — 172 с.: ил.

ISBN 978-5-8067-0044-5

В течение нескольких веков Дунай служил естественной границей между цивилизованным Югом и варварским Севером Европы. Западная Римская империя пала под ударами германцев. Византия столетиями сдерживала натиск кочевников Великой Степи. В упорной борьбе судьба Православной империи Востока не раз висела на волоске, и все же орды номадов исчезли, а духовное наследие Константинополя и сегодня живет в культуре народов, создавших национальные государства в долине Дуная.

Четвертая книга проекта «Войны Византии» рассказывает о Северных войнах Ромейского царства.

Художник: Евгений Емельянов.

ISBN 978-5-8067-0044-5

УДК 82.
ББК 63.3(4)

© Текст, подбор иллюстраций Шиканов В. Н., 2009.
© Дизайн и верстка Панкевич А. В., 2009.
© Издательство «Рейтар», 2009.

Золотые ворота Константинополя. Современное фото

*Читатель, знай, что, следуя писаниям старших,
я собрал с обширнейших лугов лишь немногие
цветы, и из них, в меру ума своего,
сплел я венок для пытливого.*

Иордан. «О происхождении и деяниях гетов»

Константинополь. Богохра-
нимый и богоспасае-
мый царственный град. Второй Рим, благо-
словенная и превознесенная митропо-
лия Востока. Солнце всего царства,
сияющее богатством и славою. Око
земли, украшение Вселенной, блиста-
тельная звезда, светильник мира. Ка-
залось, не осталось эпитетов, каких бы
не удостоилась у современников столи-
ца Ромейской державы. Византийцы
по-настоящему гордились этим горо-
дом и считали вполне естественным,
что нет на всем свете человека, кото-
рый не мечтал бы увидеть его чудеса
и продлить счастье пребывания в пре-
краснейшем центре обитаемого мира.

Действительно, в шумной и пест-
рой толпе на улицах Константинопо-
ля ежедневно слышалась разная речь. Бесчисленны племена, подвласт-

ные царственным василевсам, и боль-
шинство из них носят гордое имя роме-
ев. Для этого нужно исповедовать
истинную веру Христову, то есть веро-
вать во единого Бога Отца Вседержите-
ля, творца неба и земли, всего видимого
и невидимого. И во единого Господа
Иисуса Христа, Сына Божия, Едино-
родного, от Отца рожденного, прежде
всех век, несотворенного, единосущно-
го Отцу, ради людей и их спасения со-
шедшего с небес и воплотившегося от
Духа Святого и Марии Девы и вчело-
вечившегося, распятого, страдавшего
и погребенного и воскресшего и взо-
шедшего на небеса. И в Духа Святого,
Господа, Животворящего, от Отца ис-
ходящего. И во единую Святую Со-
борную и Апостольскую церковь.

Вот каков Символ веры народа пра-
вославного! К чужеземцам же у визан-
тийцев отношение сложное. Считается,

что обитатели северных степей скифы — жестоки, западники-латиняне — надменны, восточные люди персы — порочны, лицемерны и раболепны, армяне — коварны, южане арабы — склонны к предательству и т.д.

При этом, несмотря на столь нелепые характеристики, варвары жадно ловят рассказы о неведомой и оттого еще более манящей столице Византии. Паломники и купцы, искатели чинов на царской службе и послы варварских «архонтов» ежедневно сотнями прибывают во Град Святого Константина. Иссохший человек, весь словно вырезанный из жилистого темно-коричневого дерева, с вытатуированным крестом на лбу, и едва прикрытый одеждой, больше похожей на рубище нищего, оказывается правителем христианского царства Аксум из далекой Абиссинии. Зато армянские епископы, с ног до головы укутанные в ниспадающие черные рясы с высокими капюшонами, являют собой воплощение духовной власти и горделивого, уверенного могущества. Кочевники из-за Дуная с волосами, заплетенными в косицы, и рыжебородые варяги, чья родина где-то далеко на севере, за пределами Ойкумены, одеты в грубо сшитые звериные шкуры, а знатные франки, прибывшие с миссиями западных королей и даже «императоров», носят одеяния из сукна или простой крашеной холстины. Цвета длиннополых шелковых халатов посланцев невообразимо далекой страны сиров (Китая) по-настоящему ярки, но и этим желтокожим людям с прямыми черными волосами и раскосыми глазами, есть чему подивиться в Константинополе.

Уже один только вид мощных городских стен, которые тремя неприступными рубежами вздымаются одна выше другой, создает ощущение несокрушимости ромейского царства, а часто поставленные и вросшие в землю квадратные, шестиугольные, восьмигранные башни делают сию твердыню и вовсе неодолимой. С юго-запада в этот сказочный город можно попасть через громадные Золотые ворота. Их размеры подавляют приезжего человека, а огненно-нестерпимый блеск скульптур,

сверкающих на щедром южном солнце и вовсе ошеломляет. И это лишь начало...

К сердцу древнего Византия ведет широкая главная улица — Меса. Мостовая из мраморных плит и окаймляющие ее портики и галереи сами по себе кажутся бесконечным вестибюлем невиданно прекрасного храма — земного преддверия Царствия небесного.

Акведук Валента.
Современная фотография

Глядя на величественные, в несколько ярусов арки акведука Валента, провинциал думает, да может ли такое сооружение быть делом рук человеческих? Даже специально построенные цистерны для сбора и хранения питьевой воды с их стройными колоннами кажутся настоящими дворцами.

Периодически Меса выплескивается на площади-форумы: Аркадия, Быка, Амастрианский, Феодосия, Константина, Августеон. На их обращенных к небу широких ладонях стоят античные статуи, древние колонны и обелиски, привезенные из разных стран. Происхождение и первоначальное назначение этих изваяний теряется во тьме веков, но все они говорят о наивысшем могуществе василевсов и бескрайности пределов их необъятной державы.

На форумах шумит торговый люд. Ароматный дымок тянется от харчевен-фускарий. Бойко работают лавки медников, ювелиров, кожевников, башмачников, парфюмеров, бра-

добреев, мастеров, изготавливающих свечи, менял-трапезитов, мясников, хлебопеков, кузнецов и слесарей. Нет конца перечню занятий, дающих хлеб насущный жителям Константинополя.

Еще дальше продаются книги и шелковые материи, Особо праздничная атмосфера царит у «Дома ламп». Здесь, эффектно подсвеченные, выставлены дорогие готовые платья, чтобы этим пиршеством для глаз могли насладиться, а потом и приобрести предметы *prêt-à-porter* раннего средневековья, столичные красавицы, доводя до сердцебиения мужей и покровителей (слова спонсор тогда еще не знали), которых вгоняет в холодный пот от неслыханной, запредельной стоимости покупки.

Если же повернуть налево в одну из боковых улиц, то она выведет путешественника к заливу Золотой Рог, вдающемуся далеко в сушу. Весь царственный город, как венком, окружен лазурным морем и сияет зеленью роц, окаймляющих живописные бухты. Береговая линия представляет собой один непрерывный причал — настолько тесно стоят, повернувшись носом к берегу, корабли, доставляющие товары со всех концов света,

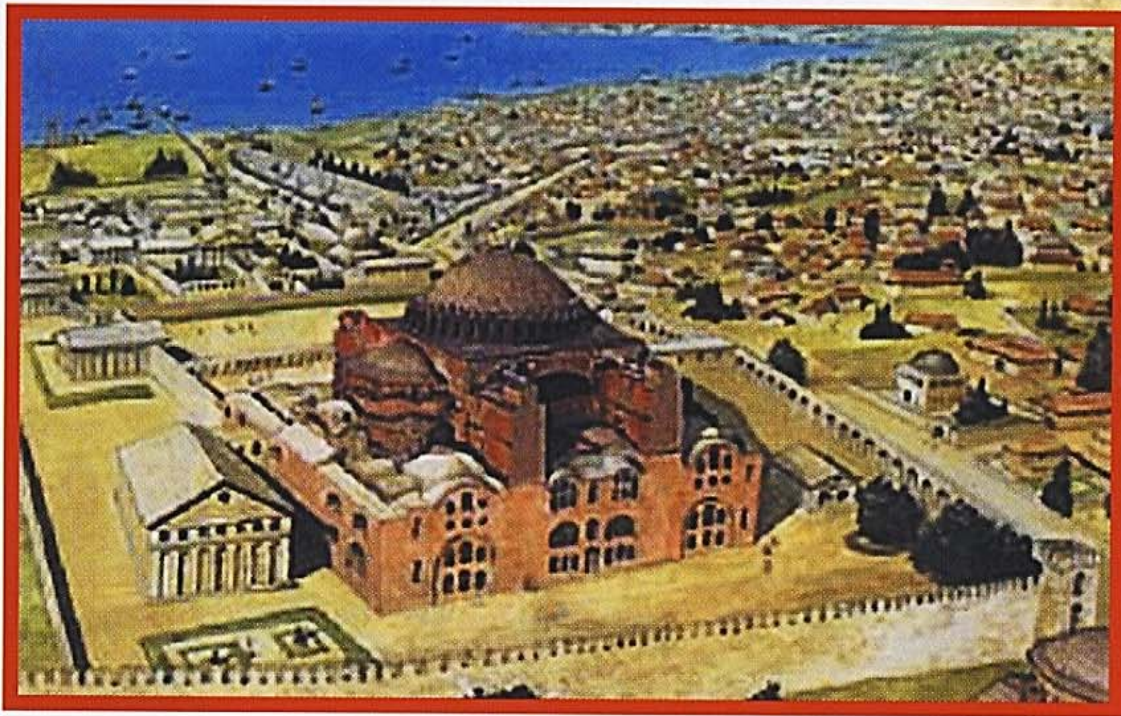
Чего тут только нет! Индийский волос, «вавилонские шкуры» и виссонские изделия из особого, тонкого льна. Невольники-скопцы для услуг в гинее и дикие звери для цирковых игр. Пряности, по стоимости сопоставимые с золотом: нард, мирра, различные виды перца и корицы. Наиболее степенные и невозмутимые торговцы прячут в многослойном ворохе своих странных на вид одеяний кожаные мешочки с драгоценными камнями: смарагдами из Африки и жемчужинами-маргаритами, чей радужный блеск оплачен жизнями нищих ныряльщиков, так и не вернувшихся из зеленых глубин Персидского залива.

Только простое перечисление всех грузов, доставляемых в Константинополь, заняло бы не одну страницу. Но солнце уже замерло в зените, а у нас впереди много дел. Тем более что в столице можно увидеть и более экстравагантные зрелища.

Вот прямо по середине улицы служители дворцового зверинца ведут диковинного *камилонпарда*¹, доставленного из далекой Африки. В другом месте, на углу площади, рыжая дрессированная собачка, которая вместе со своим хозяином прибыла из Италии, показывает удивительные фокусы, отыскивая спрятанные предметы и даже определяя характер людей. Иногда, на потеху присутствующим, демонстрировались какие-то особенные люди. Так, например, настоящий фурор вызвало появление на улицах столицы «женщины-великанши» из Киликии. Объектом живого внимания становились и многочисленные юродивые.

Но пора следовать дальше, ведь мы еще не добрались до центра града Святого Константина. Вдоль дороги стоят дворцы знати, казармы и доходные дома. Есть в Константинополе и учреждения, существование которых невообразимо жителям западноевропейских городов — бесплатные больницы для горожан и приюты для обездоленных.

А десять сороков церквей царственного града — величественных и совсем маленьких! Их все и обойти-то не просто. Молиться же Господу и святым угодникам, перед иконами которых горят неугасимые лампы, можно и во-

Храм Святой Софии с прилегающими кварталами Константинополя.
Современная реконструкция

¹За столь странной, на первый взгляд, помесью верблюда и леопарда скрывается хотя и экзотический, но все же узнаваемый по пятнистой шкуре жираф.

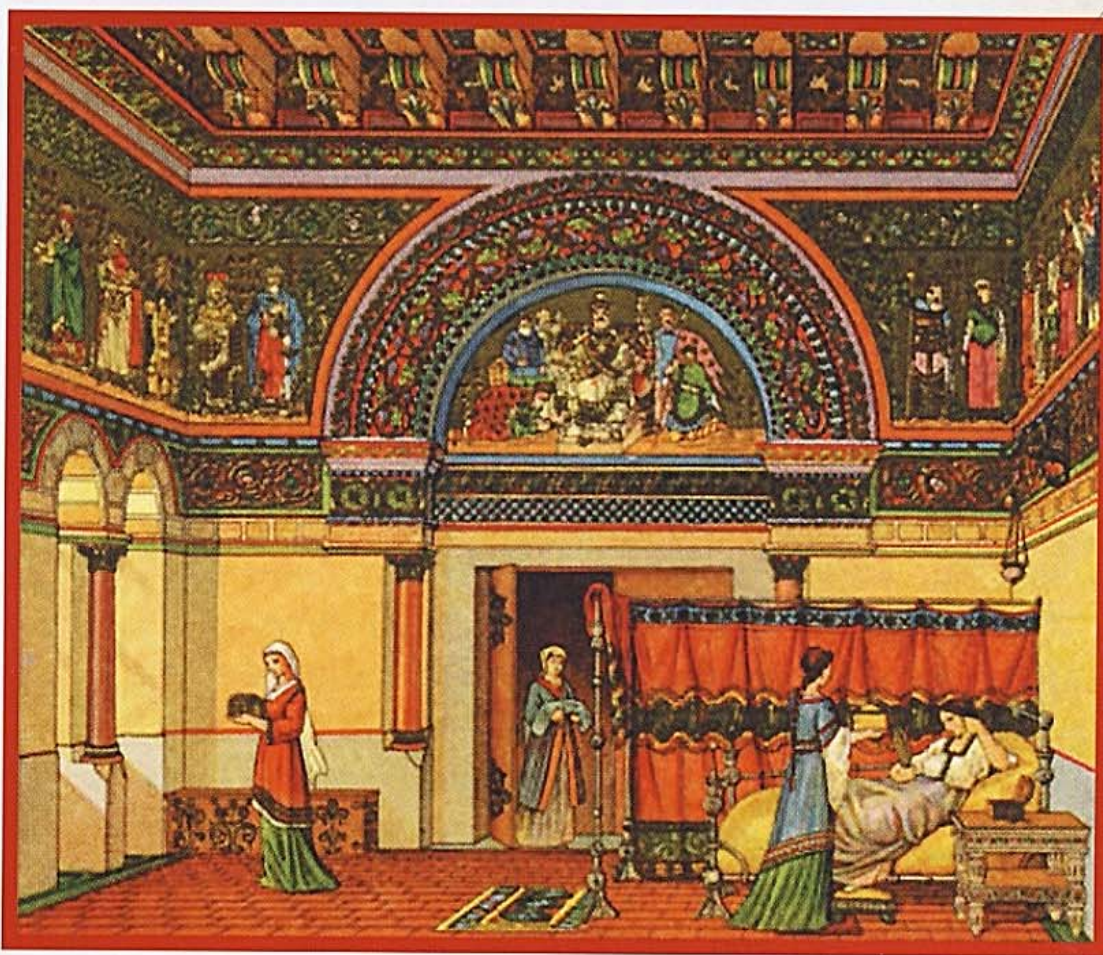
все бесконечно. Наконец, перед путником открывается площадь Августеон со стоящим в центре верстовым столбом — милием, от которого исчисляются расстояния по всей территории империи, и обращенными к ней важнейшими зданиями. Прежде всего, внимание путешественника привлечет закрывающая полнеба громада храма Святой Софии¹ и гигантский комплекс построек Большого Императорского дворца. Неисчислимы царские палаты, террасы, воздушные галереи-переходы, помещения для суетливой челяди, площади-фиалы с прохладными фонтанами, а еще дворцовые церкви, казармы, сады, площадки для конных забав и даже тюрьмы с застенками-подземельями.

А парадные дворцовые залы и личные покои императоров. Человеку простому доступ туда крепко заказан, но мы ведь люди для Византии уже не чужие, так что поможем любопытствующим заглянуть за их высокие стены. Тем более что многие из этих сооружений являют собой пример истинных чудес. Величественная Магнавра, где принимают иноземных послов. Государь восседал здесь на дивно изукрашенном искусными мастерами «Троне Соломона», который мог возноситься вверх с помощью потайного устройства, и тогда владыка православных, казалось, парил в небесах, пока у подножия позолоченные львы били хвостами и рычали, разевая грозные пасти, а на бронзовых позолоченных деревьях, совсем как живые, пели механические птицы. Да еще это, поистине неземное, великолепие дополнялось звуками сладчайшей музыки, струившимися из двух серебряных органов.

Порфирная палата, облицованная плитами темно-красного цвета, давала жизнь будущим василевсам, но именно здесь однажды, по приказу своей коварной матери был ослеплен

¹Следует помнить, что главный храм православного мира был освящен во имя Божественной Премудрости, а не конкретной, хотя и весьма почитаемой, святой мученицы Софии (память 17 сентября).

несчастный автократор Константин VI. Еще прекраснее Золотой зал — Христотриклиний. Когда лучи яркого южного солнца вливались внутрь восьмиугольного в плане помещения, казалось, что сама Благодать Божья, ставшая вдруг осязаемой, сходит с неба на обитателей этого святилища. Воздух становится золотым, осязаемым потоком, который, сгущаясь и отражаясь от убранства стен, зажигает нестерпимым жаром и еще больше усиливает великолепие обстановки, и так уже превосходящей воображение смертного человека. Зато другой триклиний — Юстиниана славился своими превосходными мозаиками и щедро украшавшей его мраморной отделкой. Торжественные императорские обеды устраивались в Зале девятнадцати лож, а неподалеку, в особом покое Сакелле, хранились царские сокровища.

Византийский дворцовый интерьер.
Реконструкция

За многие столетия далеко не каждому жителю Константинополя посчастливилось увидеть хотя бы малую толику всех этих чудесных диковин, зато автократор, не покидая дворца, мог по специально выстроенным воздушным переходам попасть в царскую ложу ипподрома — Кафисму, откуда он наблюдал за ристаниями и внимал

славословиям подданных. Но даже из-за высокой глухой стены комплекс зданий Большого императорского дворца неизменно производил сильное впечатление на зрителя. Уже в XIV веке, когда многочисленные сооружения обветшали и пришли в упадок, русский путешественник заметил о «палате правоверного царя Константина»: «Стены его велики, выше городских стен, великому граду подобны, под гипподромом стоят, при море».

центра Земли, даже гордый вождь германцев воскликнул в порыве наивного изумления: «Без сомнения, император есть земной бог, и кто осмеливается на него подняться, сам будет виновен в пролитии собственной крови».

Конечно, иностранным послам ромеи старались показать парадную сторону столицы империи. Вне поля их зрения оставались кварталы бедноты с их вопиющей теснотой и антисанитарией, узкие улочки, над которыми стояло

Византийские ювелирные украшения

Со временем василевсы перенесли свою резиденцию в северо-западную часть города — во Влахернский дворец. Хотя и не столь огромный, он также поражал роскошью. «Его внешняя красота почти несравненна, — записал капеллан французского короля Одо Дейльский, — но красота внутренняя превосходит все, что я только мог бы сказать о ней».

От таких впечатлений приезжий теряет дар речи, и голова у него идет кругом. Волшебной сказкой, неземным миражом кажется легендарный град на берегах Босфора, и, как писал француз-латинянин: «кто не видел его собственными глазами, не поверит, будто может существовать столь богатый город — верховный над всеми!»

Алчным, завистливым огнем загораются глаза и сердца варваров от этой роскоши и богатств, но Богородица надежно хранит Византий от врагов, и бессильны разного рода мурины навредить Константинополю, как бы не кипела их ярость. Увидев чудеса

невыносимое зловоние от выплескиваемых прямо на мостовую помоев и нечистот, и те страшные, открытые ямы на окраинах, в которые без погребения сваливали трупы казненных преступников. Горе путнику, который заблудится и забредет в такой район, особенно ночью. Да и сам народ православный, зачастую жил отнюдь не по заповедям Божиим. Город кишел притонами разврата, а пьянство являлось повсеместным, бытовым пороком, о чем сохранилось яркое свидетельство удивленных китайских послов, однажды прибывших в Константинополь.

Голодные, завистливые к чужому благополучию и скорые на расправу при выпавшем случае, столичные жители, подобно сухой соломе, вспыхивали в страшные часы мятежей и восстаний. В таких случаях достаточно было любого повода. Как со знанием дела писал Лев Диакон, сам являвшийся современником различных бунтов и переворотов: «лентяи и пролетарии из народа имеют привычку во время подобных

смут обращаться к грабежу имуществ, поджогу домов и убийству сограждан».

И все же, Константинополь, по-прежнему, неудержимо влечет к себе людей. Уровень жизни здесь выше, чем в провинции, да и время тут можно проводить интереснее. Чужестранцы же стремятся не только посмотреть на дивную жемчужину, возросшую на границе земли и моря, выгодно продать свои товары или даже поступить на царскую службу. Очень часто иноземные делегации прибывают, чтобы решить важные политические проблемы. Вне зависимости от тона, которым они разговаривают, всем им что-то нужно: покровительства, плодородных долин для расселения, высоких византийских титулов и связанных с ними внешних знаков отличия, но чаще всего золота, много тяжелого, с маслянистым блеском металла, звон которого кружит голову, а сияние туманит взор.

Говорят, что наследство империй достается варварам. Участь Западной Римской империи полностью оправдала это утверждение, но даже когда на ее развалинах образовались варварские королевства, количество желающих поживиться за счет сокровищ, веками копившихся сначала в Риме, а затем и в Константинополе, не уменьшилось. Окруженной сильными и многочисленными врагами, вынужденной почти непрерывно вести боевые действия сразу на нескольких фронтах, Византии приходилось воевать практически непрерывно, часто сразу на нескольких фронтах: с королями, гер-

цогами, князьями и прочими «риксами» и «архонтами».

Иногда же ее противники и вовсе не имели собственных государственных образований. Такие были опаснее прочих, потому что непонятно, как вести правильную войну с ордами, рассеивавшимися при первом же поражении, но затем сливавшимися из осколков воедино и начинавшими сражаться с удвоенными силами и яростью. Непонятно было также, как и с кем в таких случаях заключать мирные договоры. Даже согласованные, их условия не имели для невежественных дикарей никакого значения. В любой момент они могли напасть снова, что требовало от ромеев постоянной настороженности, так что меч почти никогда не вкладывался в ножны.

Чаще всего беда угрожала Византии с севера — из-за Дуная, где по Великой Степи, волна за волной, из неведомых краев накатывались бесчисленные кочевые племена. В VII-XII вв. именно дунайская граница считалась наиболее опасной. При этом случалось и так, что орды номадов приводили в движение даже оседлые народы, веками жившие на Восточно-Европейской равнине. Тогда они начинали искать убежища в пределах Империи, но никакие договоренности с ними не давали гарантий замирения. Ромеи откупались от неудобных соседей (впрочем, официально Константинополь предпочитал называть эту дань подарками), или смиряли их силой оружия. Эта книга о грозах, приходивших в Византию с севера, из-за Дуная.

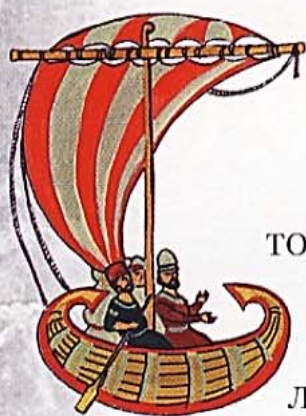

БИЧ
БОЖИЙ

Конница гуннов в бою

толь устрашающее прозвище осталось в истории за вождем племенного союза гуннов Аттилой. Под стать ему современники описывали и подданных этого грозного человека. Согласно готскому историку Иордану, образ гуннов «пугал своей чернотой, походя не на лицо, а если можно так сказать, на безобразный комок с дырами вместо глаз». При этом «их свирепая наружность выдает жестокость их духа: они свирепствуют над потомством своим с первого дня рождения. Детям мужского пола они рассекают щеки железом, чтобы, раньше, чем воспринять питание молоком, попробовали они испытание раной. Поэтому стареют они безбородыми, а в юношестве лишены красоты, так как лицо, изборожденное железом, из-за рубцов теряет своевременное украшение волосами». В общем, «при человеческом обличье живут они в звериной дикости».

Еще один автор Павел Орозий также утверждал, что племя гуннов «самое страшное из всех своей дикостью». Схожего мнения придерживался ученый и солдат Аммиан Марцеллин. «Дикость их нравов безгранична, — писал он о гуннах. — Они похожи на животных, или на грубо отесанные чурбаны». И дальше: «Они вероломны,

непостоянны, увлекаются всякой новой мыслью, следуют внушению минуты. Так живут они, подобно неразумным животным, не понимая разницы между добродетелью и пороком, не имея уважения к религии».

Похоже, людям, жившим более полутора тысяч лет назад, просто не приходило в голову, откуда мог появиться народ, столь свирепый, безобразный и непохожий ни внешне, ни образом жизни на европейцев. Конечно, и в ту давнюю эпоху даже в военных конфликтах между «цивилизованными государствами» совершались неслыханные жестокости, но война — вечный спутник человечества. К тому же, римляне (а под этим именем уже давно понимались самые разноплеменные жители великой империи), пограничные германцы, и даже персы не слишком сильно отличались друг от друга своим обликом и научились считаться с обычаями соседей по Ойкумене, пусть самыми экзотическими. Здесь же, из неведомых глубин Азии, пришел народ многочисленный и непонятный, который нес только зло и бедствия, и договориться с ним о принципах взаимного существования вовсе не представлялось возможным. Оставалось думать, что сам Господь послал это наказание за тяжкие грехи людские.

Тот же Иордан приводит весьма не тривиальную версию происхождения гуннов. Оказывается, когда-то давным-давно, король готов выявил среди своего народа женщин-колдуний и изгнал их в степь. Там «в объятиях соитий» они сошлись с нечистыми духами и породили это свирепейшее племя — малорослое, отвратительное, сухопарое, понятное как некий род людей только лишь в том смысле, что оно обнаруживало подобие человеческой речи.

К счастью, современный исследователь располагает бóльшим объемом информации и может более рационально судить об этногенезе гуннов. На рубеже I-II веков новой эры кочевой народ хунну, обитавший у северных границ Китая, потерпел поражение от восточной империи Хань и ее союзников, после чего значительная часть хуннских родов откочевала в Приуралье, где смешалась с уграми и сарматами. Этот союз положил начало новому этносу — гуннам, о которых вскоре узнает вся Европа, и означать это слово будет то же самое, что «злые и жестокие дикари».

А начиналось все так. В середине III столетия между гуннами и их соседями по Великой Степи вспыхнул острый военный конфликт. Тогда этот «подвижный и неукротимый народ» обрушился на алан, «воспламененный дикой жаждой грабежа, двигаясь вперед среди грабежей и убийств».

Подлинные причины столь глубинного тектонического сдвига до сих пор неизвестны. Говорят о борьбе за контроль над обширными пастбищами данного региона, но во все времена войны могли начинаться и из-за менее значимых причин. Как бы то ни было, гунны двинулись в нижневолжские степи и дальше на запад. Они «обрушились на аланов, аланы на готов, готы на тайфалов и сарматов». В результате разразилась катастрофа. Аланы потерпели поражение, а гунны, не встречая сопротивления, «аки по суху» переправились через обмелевший Боспор Киммерийский¹ в Крым.

Пришельцы нанесли полуострову колоссальный урон. Засеянные

поля вытаптывались, сады вырубались, поселения предавались огню и мечу, а их жителей убивали. Уничтожив боспорские города, гунны затем нанесли удар с юга в тыл союзникам аланов готам. И пришла тогда беда великая в роды германские. «Побежденные были истреблены гуннами и большинство их погибло. Одних ловили и избивали вместе с женами и детьми, причем не было предела жестокости при их избиении; другие, собравшись вместе, обратились в бегство», — писал автор V века Евнапий.

Теперь наступление гуннов было просто некому остановить. Они, подобно дьявольским аспидам, «закишили надвое раздвоившейся свирепостью к народам», и от первого мощного импульса, словно круги по воде, потянулась длинная цепь событий, перемещающая сотни тысяч разноплеменных людей на огромные расстояния.

Нам это явление известно как «Великое переселение народов». Остготы покорились гуннам, их западные родичи, переправились через Дунай и вскоре нанесли тяжелейший удар по Римской империи, уничтожив армию императора Валента при Адрианополе (378 г.). Пройдет не так уж много времени, и вестготы Алариха овладеют Римом. Затем они образуют собственное королевство в юго-западной Галлии и Испании. Вандалы обоснуются в Северной Африке, а бургунды на Рейне.

Ну а что же гунны? Их «кочевая империя» (а по сути, племенной союз, состоявший

**Кочевая империя гуннов
на фоне карты современной Европы**

¹Керченский пролив.

из различных народностей) будет охватывать пространство от Каспия до Рейна. В 394-395 гг. гунны опустошат Сирию и Каппадокию в Малой Азии, но главным их обиталищем станут земли Паннонии в среднем течении Дуная. В какой-то момент гуннская проблема станет главной головной болью не только Запада, но и Востока Римской империи, агонизирующей под ударами варваров.

После Адрианопольского погрома обе части некогда великой державы остались без войска. Феодосий Великий (379-395 гг.), в последний раз объединивший государство под единым скипетром, вооружал жителей городов, но воинами они оказались довольно слабыми. В Римской империи, где на протяжении почти пяти веков армия являлась наемной, воинская служба не входила в число гражданских добродетелей. Приходилось нанимать все новые отряды варваров, но теперь их опасались больше, чем самых жестоких внешних врагов. Поэтому гунны помогали империи в борьбе с готами, но затем они отправились в грабительский набег к границам Галлии. Избежать вторжения Западу удалось ценой выплаты немалых отступных. Войдя во вкус легкой добычи, гунны зимой 394-395 гг. переходят Дунай и разоряют Фракию.

Преемники Феодосия Великого думали только об обороне, рассчитывая на силу спешно возводимых оборонительных сооружений и искусство дипломатии. В годы правления, названного в честь деда, Феодосия II (408-450 гг.) Константинополь был обнесен с суши новыми мощными стенами, которые почти на 800 лет обеспечили безопасность Второго Рима. Жителям провинции повезло значительно меньше. Они ока-

зались беззащитны перед вторжениями многочисленных и жестоких врагов.

В 408-409 гг. орда гуннов снова опустошила Фракию. С 422 г., после очередного появления варваров за Дунаем, Византия начинает выплачивать гуннам дань, и в дальнейшем эти унижительные приношения будут только возрастать. Особенно

тяжелые времена настали, когда в 433 г. племенной союз гуннов возглавил молодой вождь Атилы. Талантливый, смелый и жестокий, он, казалось, не видел пределов ни своим желаниям, ни возможностям.

«Был он мужем, рожденным на свет для потрясения народов, ужасом всех стран, который неведомо по какому жребию, наводил на все трепет, широко известный повсюду страшным о нем представлением», — такой портрет Атилы оставил потомкам уже упоминавшийся выше Иордан.

Чтобы спасти Галлию от обосновавшихся там бургундов, видный военный и государственный деятель Западной империи Аэций

в 436 г. обратился за помощью к Атиле. Вдумчиво подойдя к поставленной задаче, вождь гуннов в кратчайшие сроки сократил численность этого германского племени до управляемых размеров. Зато в 441 г., воспользовавшись тем, что главные силы византийской армии сражались на востоке с персами, Атила огнем и мечом прошел по Иллирику. Ему не понравилось, что в Константинополе вздумали предъявлять претензии по поводу резни, которую гунны устроили ромеям на ярмарке в одном из приграничных городов. Теперь их полчища разорили такие важные придунайские центры, как Сингидун и Сирмий¹.

Пришлось императору Феодосию II идти на попятную и удовлетворить все требования варваров. Но и это замирение оказалось

Портрет Атилы, отчеканенный на итальянской медали в XVI в., конечно же, не имеет ничего общего с реальными чертами вождя гуннов. Скорее это концентрированное олицетворение ирреального зла и жестокости

¹Современные сербские Белград и Сремска Митровица в 70 км к северо-западу от Белграда.

недолгим. В 443 г. последовало еще одно нападение, и балканские провинции империи были жестоко опустошены. Действуя столь устрашающим образом, Атила хотел запугать ромеев и заставить их снова откупиться ради завершения войны, раз уж византийская армия не смогла остановить это нашествие.

Действительно, когда Константинополь согласился выплатить ему 6000 фунтов единовременно, а позднее ежегодно вносить еще по 2100 фунтов, «Бич Божий» согласился завершить поход. Да еще выторговал немалый выкуп за захваченных ранее пленных.

В 447 г. Атила выразил крайнее недовольство нарушением сроков уплаты дани и непрекращающимся бегством его подданных в Византию. Большое войско гуннов вторглось на Балканы. На берегу светлой реки Ута¹ они разбили византийское войско и после одержанной победы наводнили всю Фракию. Собственно на этом полевая кампания и закончилась. Имперские гарнизоны пытались отсидеться в крепостях, но и там не было укрытия от страшного врага.

Построив с помощью пленных ромейских мастеров осадные машины, Атила штурмом взял Наисс (современный Ниш) и дотла сжег его. Затем он с боями прошел по долине реки Марица и овладел Филиппополем и Аркадиополем. А всего гунны опустошили не менее 70 городов. Отдельные мобильные отряды варварской конницы добрались даже до Фермопил в Средней Греции. Наконец, у Херсонеса Фракийского близ берега Геллеспонта византийцы потерпели еще одно поражение, и для продолжения войны у них просто не оставалось войск.

Положение осложнялось тем, что как раз накануне нападения гуннов, в январе 447 г. сильное землетрясение нанесло серьезный урон недавно построенным укреплениям Константинополя. Десятки башен и большие участки стен были разрушены, так что столица Византии не смогла бы выдержать напа-

дения орд кочевников. Понимая всю степень возникшей опасности, власти приняли неотложные меры для восстановления фортификационных сооружений. Эпарх города Флавий Константин привлек для этих работ до 16000 человек, выставленных цирковыми партиями — *димами*. Два месяца напряженного труда в несколько смен позволили не только восстановить валы Константинополя, но и значительно усилить их. Помимо основной крепостной стены, на некотором расстоянии от нее была возведена еще одна, внешняя стена, несколько ниже первой, а пространство между ними — *периволос*, позволяло оперативно и под прикрытием перебрасывать войска на угрожаемые участки.

Стены Константинополя. Современная фотография

Когда Атила подошел к Константинополю, он увидел перед собой практически неприступную твердыню и счел за лучшее отступить, тем более, что в Священном дворце были склонны в очередной раз откупиться от наводившего неодолимый страх врага. Император Феодосий II пошел на заключение унижительного мира. Византия в три раза увеличивала размер выплачиваемой золотом дани, возвращала Аттиле гуннов-перебежчиков и обязалась не принимать

¹Современный Вид в Болгарии.

их впредь. Империя даже вносила деньги за собственных солдат, бежавших из плена (или должна была вернуть их гуннам на верную гибель). «Римляне показывали, — свидетельствует Приск Панийский, — будто принимали эти условия по доброй воле; но одна необходимость, чрезвычайный страх, объявший их правителей, и желание мира заставили их принимать охотно всякое требование, как бы оно ни было тягостно».

Что же представляли собой гунны как воины, если именно их отряды вершили в ту эпоху судьбы мировой истории?

Буквально в нескольких словах позднеантичные авторы набрасывают пор-

tret этих кочевников, улавливая главные их особенности, производившие на европейцев неизгладимое впечатление. Согласно приводимым ими сведениям, гунны «очень сильны в верховой езде». Их кони выносливы, неприхотливы и быстроходны, а сами всадники, настолько привычны к седлу, что сидя верхом не только сражаются, но также могут вести переговоры, заключать разного рода сделки, есть, пить и даже спать¹. При этом гуннский всадник управлял лошадей только движением ног, а руки оставались свободны для оружия.

Еще гунны «хорошо обучены лукам и стрелам». Народ этот вообще «придает

Знатные гуннские воины. Первая половина V в.

Вопрос о технологических возможностях и масштабах изготовления холодного оружия в условиях кочевой жизни до настоящего времени остается дискуссионным.

Богатые гунны могли располагать им, скорее в качестве военных трофеев или дипломатических даров.

По-настоящему национальными элементами снаряжения первого из воинов являются: копье со значком в виде конского хвоста, лук и колчан со стрелами, кожаная бармица, носившаяся под шлемом, а также... халат, надетый поверх пластинчатого панциря (возможно, византийской работы). Ранг воина подчеркивает шлем, инкрустированный полудрагоценными камнями. Второй воин, несмотря на традиционный халат кочевника, выглядит еще более «по-западному». Грушевидный шлем сегментно-клепаной конструкции является настоящим произведением искусства. Длинные мечи, кольчуги и особенно щиты, по видимому, были заимствованы гуннами в ходе боевых контактов с европейцами. Кинжалы также не были особо распространены среди степных народов, предпочитавших вести бой, используя, в первую очередь, метательное оружие. В данном случае богато украшенные кинжалы свидетельствуют о привилегированном статусе своих владельцев.

Иллюстрация Е.Ю. Емельянова,
© В.Н. Шиканов

¹Особое отвращение у римлян вызывала привычка гуннов питаться кониной.

очень большое значение данному оружию». Их искусство стрельбы непревзойденно, а благодаря сложной конструкции самого лука, составленного из нескольких кусков дерева, усиленного сухожилиями и накладками из рога и кости, его поражающая способность чрезвычайно велика. Эффективная дальность такого оружия составляла более ста метров, причем на этой дистанции костьяные наконечники стрел — «острые и убийственные — как железные», пробивали даже достаточно прочные доспехи.

Стандартный боекомплект гуннского всадника состоял из 30 стрел, но он мог достаточно быстро пополняться из возимых запасов. Иногда уже само только ожидание залпа вызывало у противника панический ужас. Потому что в такой ситуации не представлялось возможным ответить ударом на удар.

Если же большой отряд гуннов давал залп, а затем продолжал поддерживать темп ведения стрельбы со скоростью примерно пять выстрелов в минуту, то их стрелы на какое-то время буквально «повисали» в воздухе. Позднее ромеи заимствовали у степняков это грозное оружие. Считается, что именно вооруженные луками гуннского типа конные лучники составили главную ударную силу византийской армии императора Юстиниана и внесли решающий вклад в победоносные кампании империи против варварских королевств Запада, а также против персов на Востоке.

В бою гунны стремились нанести противнику максимальный урон, не вступая в рукопашную схватку. Именно лук и стрелы подходили для этого наилучшим образом.

Вот как описывал тактику действий гуннов уже упоминавшийся нами Аммиан Марцеллин:

«Атакуя, они иногда вступают в правильное сражение. Затем, приготовившись к бою колоннами, они наполняют воздух разнообразными и визгливыми криками. Чаще, однако, они сражаются, не соблюдая регулярный боевой порядок, но, будучи исключительно быстрыми и неожиданными в своих перемещениях, они рассыпаются, а затем бы-

стро соединяются вновь в свободном порядке, сея панику и перелетая через оборонительные валы, они грабят лагерь противника почти прежде, чем тот узнает об их приближении. Следует признать, что они самые страшные воины, потому что сражаются на расстоянии, используя метательное оружие и заостряя кости, что чрезвычайно убыстряет полет стрелы».

Но если дело все же доходило до ближнего боя (как правило, это происходило в ходе нанесения решающего удара по врагу, уже деморализованному предварительным обстрелом и не способному оказать серьезное сопротивление), то гуннские всадники использовали мечи: как длинные (около 90 см) с обоюдоострыми клинками, так и более короткие (50-60 см) однолезвийные (тесаки). Если же атака не удавалась, то гунны применяли такой излюбленный прием любой кочевой конницы, как притворное отступление с внезапной стрельбой из луков, обернувшись назад из седла.

«Когда они сражаются мечами в ближнем бою, — продолжает Аммиан, — они не заботятся о собственной безопасности, и, пока их противник готовится отразить удар меча, они бросают на него сеть¹, опутывая его руки и ноги, так что он теряет способность ходить или ездить верхом».

Защитное вооружение не являлось среди гуннов особенно распространенным. В силу простоты и дешевизны изготовления, всадники могли использовать небольшие и легкие деревянные, обтянутые кожей щиты. Немногочисленные металлические шлемы и панцири (кольчуги), скорее всего, принадлежали знатным воинам и имели иностранное происхождение (его покупали, или захватывали в качестве трофеев).

Войско гуннов, совершивших великий поход из глубин Центральной Азии к Днестру

Гуннское войско в походе

¹В данном случае имеются в виду длинные арканы, которые также применялись в ходе преследования отступающего неприятеля.

и Дунаю, было конным. Низкорослые и невзрачные на вид степные лошади отличались исключительной выносливостью, могли переносить самый суровый климат и самостоятельно добывать себе корм. При наличии у каждого воина нескольких запасных лошадей, даже очень большая масса кочевников могла покрывать за день огромные расстояния — до 160 км.

Позднее, войдя в боевой контакт с регулярными армиями европейских государств, да еще на ландшафтах, затруднявших действия кавалерии (лесная, горная и вообще сильно пересеченная местность), гуннский племенной союз обзавелся и собственной пехотой. Как правило, ее набирали из подвластных германских племен (остготов, гепидов, скиров и т.д.). Общая численность армии Атиллы, вступившей в битву на Каталаунских полях в Галлии (451 г.), вполне могла достигать 100 000 человек.

Точно так же, в силу изменившихся условий ведения боевых действий, гунны позаимствовали у чужеземцев основы военно-инженерного дела. Пленные или перебежчики

научили их строить осадные машины, при помощи которых гунны брали даже сильно укрепленные города. Впрочем, захват новых территорий уже почти не интересовал гуннов. Главная задача их набегов состояла в захвате добычи, поэтому все, что было невозможно увезти с собой, уничтожалось. Такая безжалостность имела и еще одну цель. Гунны знали, что устрашение противника может сыграть важную роль при проведении последующих переговоров, чтобы заставить его платить максимальную дань и хоть на какое-то время откупиться от угрозы новых нападений. Впрочем, это почти не помогало. Какие бы страшные клятвы не давали гуннские вожди при заключении мирных договоров, они легко нарушали их, снова и снова предпринимая разбойничьи набеги. Раньше основой их жизни служило пастбищное скотоводство. Позднее все средства к существованию гуннам доставляли исключительно рейды на земли оседлых соседей. Даже зерно они получали в качестве дани от побежденных.

Ряд историков считают, что гунны не стремились в ходе своих набегов целена-

Византийские дипломаты на пиру у Атиллы

правленно уничтожать местное население, и их якобы интересовал только захват добычи. Судьба многих городов и бесчисленных селений, сожженных и стертых с лица земли, противоречит этому утверждению. Но даже если варвары «всего лишь» грабили людей, имевших несчастье оказаться на пути у этой орды, то судьба последних оказывалась незавидной. Они обрекались на голод, болезни, нападение других воинственных пришельцев, от которых уже нечем было откупиться — т.е., в конечном итоге, тоже на смерть, только более медленную и мучительную.

Как же строить отношения с таким диким племенем? Не имея возможности победить гуннов на поле боя, императоры, как Запада, так и Востока слали в ставку Аттилы дипломатические миссии с богатыми дарами и тайными поручениями. Вождь гуннов и сам не прочь был продемонстрировать умение решать возникающие спорные вопросы цивилизованным способом. Вот только свою позицию он подкреплял не банальными взятками, а угрозой применения силы, или прямой агрессией. Аттила настаивал на передаче ему паннонских земель, лежавших к югу от Дуная. Правда, на этот раз в Константинополе заупрямились, но, не выражая открыто недовольства требованием территориальных уступок, решили завербовать гуннского посланца, чтобы тот убил своего повелителя. Дело вроде бы сладилось, но несостоявшийся убийца выдал заказчиков, и пришлось ромеям бесславно возвращаться назад.

Новый виток политических осложнений оказался для властей империи полной неожиданностью. Однако следует признать, что интрига этих странных событий завязалась не в стане гуннов, а в императорском дворце августов Запада в Равенне. Случилось так, что жившая там внучка Феодосия Великого Гонория ужасно заскучала и завязала роман с одним из придворных. Чтобы погасить скандал, того попросту казнили, а принцессу поспешно выслали в Константинополь на перевоспитание. Но и под строгим присмотром родственников неугомонная Гонория не успокоилась. Она нашла способ переслать Аттиле послание, в котором предлагала себя в супруги, и в залог серьезности своих намерений отправила ему кольцо. Надо сказать, что жен у Аттилы было множество, и все время прибавлялись новые, но политические перспективы такого предложения были

несомненны. В качестве члена императорской семьи, вождь гуннов мог претендовать на увеличение денежных поступлений, новые территориальные приобретения, а возможно и на нечто большее.

Реакция Аттилы последовала незамедлительно. Он потребовал от Византии прислать ему невесту. Да еще распорядился, чтобы император подготовил для него в столице резиденцию. Столь наглое заявление вызвало

Встреча Папы Льва I с Аттилой

на Босфоре приступ паники. Гонорию немедленно вернули назад в Равенну, тем самым переложив ответственность за дальнейшее развитие событий на правившего там брата Гонории Валентиниана III. Конечно, такой шаг не давал Восточной империи никаких гарантий на будущее, но в целом расчет византийцев оказался верен. Теперь Аттила переадресовал свои требования к императору Запада. Что поделаешь? Хотя Валентиниан тоже не чужой человек (он приходился Феодосию II двоюродным братом), но своя держава, несомненно, ближе к телу.

К тому же, в Константинополе произошли большие перемены. 27 июля 450 г. Феодосий II во время охоты упал с коня, повредив себе позвоночник. На следующий день он скончался. Его место на троне занял волевой и решительный сенатор Маркиан. На требования Атиллы очередной уплаты дани, новый император, а в прошлом боевой офицер, ответил весьма достойно: «Золото у меня для друзей, для врагов — железо»¹. И вождь гуннов проглотил это, еще совсем недавно казавшееся немыслимым оскорбление. Он повел свою огромную армию на запад — в Галлию. Здесь его ожидало кровавое поражение на Каталаунских полях. Правда, потом было еще вторжение варваров в Италию, но и там Бич Божий не задержался. Папа Лев I сумел убедить Атиллу не штурмовать Вечный город, так что, получив с Рима большую дань, он вернулся в Паннонию, а в 453 г. внезапно скончался в ночь своей очередной «свадьбы».

Чем больше раболепствуют слуги перед жестоким хозяином, тем сильнее они его ненавидят. И уж если представится случай, то обязательно беспощадно отплатят за прежние унижения. Так произошло и с державой Атиллы. Некогда покоренные гуннами племена восстали и в 454 г. в битве на реке Недао в Паннонии разбили своих угнетателей. Один из сыновей Атиллы погиб. Другие увели немногочисленные остатки некогда грозных орд в низовья Дуная.

Теперь гуннов уже не боялись. Тем более странными выглядели попытки их вождей предъявлять к империи новые претен-

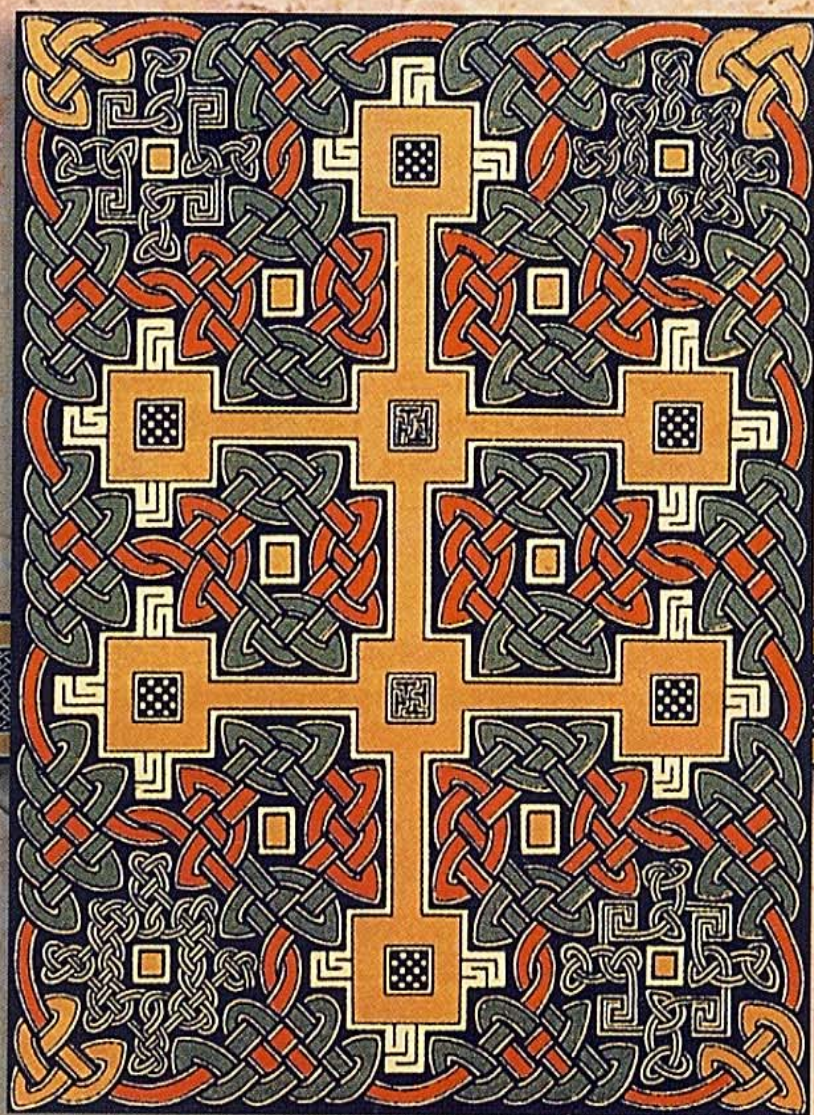
зии. В 468 г. сын Атиллы Динтцик обратился к императору Льву I, желая, чтобы Византия открыла для его соплеменников рынки на Дунае. В просьбе было отказано, но Динтцик не сделал нужных выводов. В следующий раз он уже потребовал от Льва земель и денег. Возможно, до варвара дошли какие-то сведения о том, что недавно крахом закончилась военная экспедиция ромеев против вандалов, и этот разгром основательно подорвал силы Византии. Но вообще то, люди такого типа сначала совершают поступки и лишь потом думают, насколько они были обоснованы. Вот и Динтцик переправился на правый берег Дуная. Как вскоре выяснилось, лишь для того, чтобы погибнуть с большинством своих воинов. В 469 г. византийская армия нанесла гуннам во Фракии сокрушающий удар. Да такой, что спастись бегством удалось лишь немногим. Зато отрубленную голову неудачливого сына Атиллы долго носили по улицам Константинополя, а затем водрузили на шест в цирке на потеху толпе.

Примерно шесть лет спустя какие-то гунны опять совершили набег во Фракию, но по своим масштабам это нападение даже отдаленно не напоминало мощные социальные потрясения, которые четверть столетия назад едва не сокрушили Восточную империю. «Так отступили гунны, перед которыми, казалось, отступала Вселенная», — подвел итог их истории летописец. Византия избавилась от тревожного наследия Атиллы. Но еще очень долго ромеи называли гуннами различные племена и народы, кочевавшие в Северном Причерноморье.

¹Впрочем, Маркиан был готов вести переговоры с Атиллой, но, в качестве условия отправки даров, он, в свою очередь, требовал гарантий, что гунны не нападут на империю. Принятие на себя такого обязательства Атила счел оскорбительным и просто отложил наказание Византии на более поздний срок.

АВАРЫ

Паннонская равнина. Современная фотография

Северная граница Империи никогда не оставалась спокойной. С давних времен из-за Дуная приходили орды варваров. Мелкие набеги с целью грабежа в Константинополе просто не успевали подсчитывать. Хуже, когда многотысячные племенные союзы всерьез и надолго обосновывались близ рубежей Римской державы, требуя выплаты постоянной дани или даже земель для расселения. Так было с готами и с гуннами, а когда ценой невероятного напряжения всех ресурсов Византии все же удавалось избавляться от столь беспокойных соседей, на их место приходили новые, и все начиналось сначала.

В лето Господне 558 в Константинополе прибыло посольство от вождя племени невиданного. Жителей царственного города трудно было чем-либо удивить, но даже одна только внешность членов этой делегации вызвала настоящую сенсацию. Византийцы толпами сбегались на улицы, по которым верхом на лошадях следовал дипломатический кортеж. Смуглые от палящего солнца, важные гости выделялись

длинными, откинутыми за плечи волосами, искусно заплетенными в косы и перевязанными бечевками. То были какие-то новые, особенные «гунны», но сами себя они именovali аvarами.

Об обстоятельствах возникновения данного этнонима до сих пор спорят ученые. А вот путь авар с востока к границам Византии прослеживается вполне достоверно. Когда-то их предки обитали в Центральной Азии. Причем существует мнение, что жили они вполне оседло. Таким народам всегда приходится трудно рядом с кочевниками. Враг налетит вдруг, неся смерть и разрушения, а затем столь же внезапно исчезнет в никуда. Вот и приходится налаживать жизнь из пепла, зная, что рано или поздно весь этот ужас повторится, а надежной защиты от него нет, ведь в степи везде дорога, и лютые разбойники могут нагрянуть с любой стороны. В VI веке аварам нанес страшный удар Тюркский каганат — кочевая сверхдержава раннего средневековья. И как не раз бывало, десятки тысяч людей покинули родные места и в поисках лучшей доли двинулись в даль-

ную дорогу, не представляя, где и как она закончится.

По дороге авары вступали в контакты с другими племенами, перемешались с уграми, и вот теперь вождь этих новых «гуннов» Баян направил к императору Юстиниану послов, прося его о покровительстве и союзе. Государь ромеев отнесся к поступившему предложению с большим вниманием. Усмирять одних варваров силой других — это был один из краеугольных принципов внешнеполитической доктрины Византии. Вот и сейчас прагматичный Юстиниан использовал новых федератов для разрядки обстановки на Дунайской границе, где с каждым годом неуклонно нарастало давление из Великой Степи.

Отрабатывая полученные дары, авары разгромили сабиров, утургуров и кутургуров (все это предки болгар) и разорили земли, на которых обитали различные славянские колена¹. Помимо этого, в союзе с лангобардами они нанесли сокрушительное поражение германцам-гепидам, и когда лангобарды сами вскоре двинулись в Италию, авары обосновались на «освободившейся» придунайской равнине в Паннонии. Все это время Баян продолжал поддерживать с империей, как правило, дружественные отношения. Трудно представить, что пройдет совсем немного времени, и окажется, что это племя «самое вероломное и ненасытное», а Аварский каганат в какой-то момент станет доминирующей военно-политической силой в Центральной Европе.

Извилистый этногенез авар отразился и в особенностях их военной организации. В отличие от типичных кочевников, осев на постоянное место жительства, они довольно скоро построили в Паннонии множество укрепленных поселков и даже деревянных крепостей — хрингов. Эти опорные пункты обеспечивали им контроль над вновь приобретенными территориями. Вместе с тем, как и у большинства степняков, глав-

ную ударную силу аварского войска составляла конница.

Начиная очередную кампанию, авары стремились нанести противнику максимальный урон, как в полевом сражении, так и уничтожая его хозяйственную инфраструктуру. Посевы вытаптывались, поселения сжигались, люди угонялись в полон, или, чтобы не замедлять передвижения войска, уничтожались на месте. Примерно так вели себя все завоеватели. Хотя существует теория, согласно которой авары проявляли чудовищную жестокость к иноплеменникам, так как в силу своей малочисленности, просто не могли иными средствами удерживать в своей власти покоренные народы².

Обычно бой начинали конные лучники. Град стрел, выпущенных ими из дальнобойных сложносоставных луков, расстраивал боевые порядки противника. Вслед за этим, не давая врагу опомниться, следовал таранный удар конницы, вооруженной длинными пиками. Считается, что именно авары познакомили Европу со стременами. Этот важнейший элемент снаряжения всадника позволял ему уверенно держаться на коне, вышибая при столкновении неприятеля из седла, и наносить мощные рубящие удары. Если первый натиск все же не приводил к победе, авары могли использовать ложное отступление, чтобы затем внезапно нанести новый удар и решить исход битвы в рукопашной схватке. Одним из излюбленных тактических приемов являлись внезапные нападения под прикрытием ночной темноты. Кроме того, византийцы отмечали, что, обратив врага в бегство, авары упорно преследуют его до полного поражения.

В бою воины использовали как традиционные мечи, так и относительно новый вид оружия — длинные и прямые палаши с клинком, остро отточенным вдоль одной кромки. Применялись также разнообразные кинжалы и боевые ножи. Защитное вооружение состояло из различных видов

¹В дальнейшем, подчинив себе ряд славянских племен, авары использовали их в своих походах против Византии, так что порой трудно определить, кто именно вел в тот или иной момент войну с империей — авары или славяне. В дальнейшем мы постараемся рассмотреть эти конфликты в соответствующих главах, хотя зачастую грань между ними можно провести лишь весьма условно.

²В русской летописи приводятся сведения, что авары использовали славянских женщин в качестве тяглого скота, запрягая их в случае необходимости в свои повозки.

пластинчатых доспехов и кольчуг, а также металлических шлемов (иногда довольно сложной конструкции). В то же время, использование наручей, поножей и щитов, по-видимому, носило ограниченный характер. Византийцы заимствовали у авар пики с ремennыми петлями, которые позволяли всаднику в ходе боя подвесить оружие на плечо и оставляли обе руки свободными для стрельбы из лука. А еще в ромейской кавалерии были введены матерчатые «щитки» аварского типа для прикрытия шеи всадника, и «аварские» же металлические или вой-

лочные нагрудники, составлявшие часть защитного снаряжения боевых коней. Практичными в полевых условиях оказались также аварские плащи и палатки (кроме того, считалось, что они еще и «нарядны»).

Впрочем, не стоит забывать, что, как и у других народов, полный комплект наступательного и оборонительного вооружения могли позволить себе только представители знати и воины их личных дружин, которых они содержали и экипировали за свой счет. И все же, даже при относительной малочисленности воинских контингентов авар, удар-

Аварские воины VII в.

Как и все кочевые народы Великой степи, авары были, прежде всего, конными лучниками. У первого из воинов лук изображен в боевом состоянии, а у всадника в походном положении — распрямленный и со снятой тетивой, он убран в узкое кожаное налучье. Оружием ближнего боя является длинный палаш с легким изгибом клинка.

Пеший воин имеет более серьезное вооружение (возможно, появившееся в результате контактов с европейскими народами). Помимо лука и палаша в комплект входят боевой нож, каркасный стальной шлем, надетая под кафтан кольчуга и переброшенный за спину трофейный деревянный щит. Главным изобретением авар, заимствованным у них европейцами, стали стремени, позволяющие всаднику уверенно держаться в седле, как во время скачки, так и в ближнем бою.

Иллюстрация Е.Ю. Емельянова,
© В.Н. Шиканов

ные отряды их конницы часто решали судьбу сражений в первой же атаке. Пехоту на поле боя составляли вспомогательные силы союзных или покоренных (что в данном случае почти одно и то же) племен. В ее массе вязли контратаки противника, что позволяло аварам удерживать боевую инициативу в своих руках на протяжении всего сражения.

В отношениях ромеев к аварам отразились традиционные взгляды Византии на варваров. Появившийся на рубеже VI-VII вв. военный трактат «Стратегикон» сообщает, что авары «в высшей степени порочны, изворотливы и очень опытни в войнах». Последнее замечание не случайно. Ромеям приходилось считаться с лучшими боевыми качествами этого противника. Тот же «Стратегикон» признавал, что авары одни из немногих, кто заботится о боевом порядке (т.е. сражается не толпой) и искуснее, чем остальные «скифские народы», действуют в ближнем бою. А еще они мужественно переносят страдания и лишения. Вместе с тем, византийцы были уверены, что авары «скрытны, порочны и ненадежны, одержимы алчностью к деньгам, пренебрегают клятвой, не соблюдают соглашений, не пренебрегают подарками, но даже раньше, чем примут даруемое, уже замышляют козни и отказ от того, что согласовано».

Вот такие соседи появились у Византии. Пока был жив Юстиниан, отношения с ними оставались равными. С вступлением на престол в 565 г. императора Юстина II ситуация резко изменилась. Новый государь полагал, что грозная слава его дяди автоматически будет защищать от варваров богохранимое царство ромеев. Но Юстин не знал, или не мог понять, что именно многочисленные и почти непрерывные войны Юстиниана подорвали военный и экономический потенциал державы.

Буквально на седьмой день царствования Юстина к нему явились послы аварского кагана, чтобы «по обычаю нагрузиться дарами». Они шли по бесконечным дворцовым переходам «как тигры, когда их выпускают из клеток в цирке», дивясь великолепию царских покоев и сами привлекая к себе всеобщее внимание.

«Дай нам, как давал умерший царь, — сказали они, — и отпусти нас идти к своему царю». Такое начало разговора очень не понравилось императору. «Вы

больше ничего не получите и уйдете ни с чем», — ответил Юстин. А дальше разыгралась и вовсе некрасивая сцена. Когда послы попробовали настаивать, вспыльчивый самодержец взорвался: «Вы, дохлые собаки, угрожаете царству ромеев? Так знайте, что я обстригу у вас волосы, а потом сниму и головы». А закончил Юстин, совсем уже не сдерживаясь: «Если я увижу кого-нибудь из вас здесь, или вообще в моем государстве, тот не останется живым» На этом прием завершился, но то было лишь начало грядущих бед. Авары затаили злобу и только ждали случая, чтобы нанести империи удар в самый неподходящий момент, когда руки у Византии будут связаны многочисленными войнами, в которые она вскоре оказалась втянута сразу на нескольких фронтах.

Аварские конные воины.
Современная реконструкция

После разгрома королевства гепидов объединенными силами лангобардов и аваров, каган потребовал от империи уступить ему крепость Сирмий в низовьях Савы. Дело в том, что гепиды передали свою столицу Византии в надежде получить военную помощь против общего врага. Юстин II ввел в Сирмий ромейский гарнизон, но вмешиваться в распри между варварами не стал. Теперь Баян претендовал на этот город в качестве гепидского наследства. Император решил уладить конфликт дипломатическим путем, но на сей раз уже с его собственными эмиссарами варвары обошлись без всякого

почтения. Каган заточил ромейских посланников и, вторгнувшись в пределы Византии, осадил Сирмий. Тем не менее, гарнизон крепости стойко держался, и каган, разорив Далмацию и удовольствовавшись незначительным денежным подношением, увел свои орды обратно. Какое-то время стороны еще продолжали переговоры, но их позиции не сблизились ни на шаг. Тогда Юстин решил положить конец спору военной силой. Он двинул против авар армию во главе с комитом экскувитов Тиверием. В решающей битве варвары рассеяли ромейское войско, и в 573 г. Византии пришлось заключить с каганом, скажем прямо, невыгодный мир — ценой ежегодной уплаты 80 тысяч золотых солидов. Зато яблоко раздора — Сирмий остался за византийцами.

Сремска Митровица. Современная фотография. На месте этого тихого сербского городка стояла грозная крепость Сирмий, за которую византийцам неоднократно приходилось вести тяжелые бои в ходе Балканских войн Империи

Четыре года спустя Тиверий, ставший зятем Юстина II, а затем и сменивший его на престоле, использовал авар, чтобы расправиться с терроризировавшими империю славянскими племенами, но в целом отношения с каганатом от этого не стали более искренними. Как писал историк: «состоять в дружбе с аварами — кочевниками и пришельцами более тяжело, чем враждовать с ними, тем более что дружба эта гнилая».

В конце 579 г. каган Баян снова задумал завладеть Сирмием. Воспользовавшись тем, что главные силы византийской армии сражались далеко на Востоке с персами,

большое аварское войско подошло к Саве, и хотя до открытых военных действий дело пока не дошло, но все последующие действия кагана носили откровенно враждебный характер, несмотря на предпринятые им отвлекающие меры.

Случилось так, что еще раньше по просьбе кагана император послал к нему искусных архитекторов и инженеров для строительства дворца и бань в его ставке. Прошло время, и Баян заставил этих специалистов навести мост через Саву у Сирмий. Когда ромейский комендант крепости потребовал объяснений, в чем причина такой странной активности на пограничной реке, Баян ответил, что собирается предпринять экспедицию против славян, как это уже бывало в прошлом. Для этого ему придется пройти через окраинные владения

Византии, но это не принесет Империи никакого ущерба. В подтверждение своих слов он поклялся на мече и прибавил: «Пусть я с народом моим погибну от меча; пусть небо обрушится на нас, поразит гром, покроют горы и леса, пусть воды Савы потопят нас, если мы сделаем какое зло императору!» Затем каган с не меньшим воодушевлением поклялся и на Евангелии. На это византийскому офицеру возразить было нечего.

Едва лишь мост был построен, как Баян заговорил совсем по-другому. Он отправил в Константинополь гонца со следующим заявлением: «Известите императора, что Сирмий окружен со всех сторон. Посоветуйте ему вывести оттуда жителей, вывезти их имущество и отказаться от обладания городом, которому уже нельзя оказать ни помощи, ни защиты». Вот какова оказалась цена аварских клятв. На это Тиверий ответил, что скорее отдаст варвару одну из своих дочерей, чем эту важную крепость. Похоже, Баян прекрасно понимал, какую подлость он устроил ромеям. Во всяком случае, когда византийский уполномоченный зачитывал ему послание императора, приближенные кагана держали перед своим повелителем щит, прикрывая его лицо и грудь от возможного удара. Переговоры закончились провалом, но, видимо, Баян добивался именно такого результата.

В 581 г. варвары осадили Сирмий. Более года византийский гарнизон оказывал врагу мужественное сопротивление, но, несмотря на столь длительный срок, помощь из Константинополя так и не пришла¹. Исчерпав все ресурсы обороны, город сдался. Тиверий заключил с каганом мир на довольно унижительных условиях. Признав утрату Сирмия, василевс подтвердил уплату аварам дани в прежнем размере. Но и этого оказалось мало. Пользуясь положением победителя, каган не переставал куражиться.

Узнав, что в царском зверинце живут дикий звери — *слоны*, «удивительные по росту и величине тела», Баян возжелал взглянуть на это чудо природы. И очередной император (в 582 г. на престол взошел зять Тиверия Маврикий) не осадил наглеца, а послал ему самое красивое животное. Сотни миль прошагал заморский великан по дорогам Фракии, Иллирика и Паннонии, но, едва взглянув, Баян приказал отослать его обратно. В следующий раз варвар захотел уже, чтобы из столицы Византии ему прислали ложе, да не простое, а царское — из чистого золота. И опять его уважили, в кратчайший срок изготовив и отправив ценный дар, которого варвар явно не заслужил. К тому же, история повторилась. Баян вернул и этот подарок, считая, что ему пытаются всучить слишком дешевую и неискреннюю поделку. Да еще прибавил, что присылаемая дань совсем невелика, и в следующий раз он желает получить не восемьдесят, а все сто тысяч золотых.

Но тут уж автократор ромеев оказался неуступчив. А каган будто только этого и ждал. Летом 583 г., «подняв трубу, любезную битвам», он начал против империи новую войну. На этот раз силы врагов Византии возросли неизмеримо, так как авары заключили военный союз со славянами и лангобардами. Перейдя Саву, варвары с ходу захватили Сингидун. Затем они огненным смерчем, сея смерть и опустошения, прошли вдоль Дуная на восток, вступив во Фракию, повернули на юго-восток и вышли на востоке к Черному морю.

Гарнизон приморской крепости Анхиал² проявил настоящую отвагу, сражаясь на сте-

нах, но, благодаря подавляющему численному превосходству, авары легко восполняли потери, а ромеям взять новых воинов было просто неоткуда. В конце концов, сопротивление ослабло, и, пробив бреши в укреплениях, авары ворвались в Анхиал. Город был предан потоку и разграблению. Кагану достались пурпурные императорские одеяния, ранее принесенные в дар местному храму. Облачившись в них, вождь авар сказал, не скрывая самодовольства: «Желает этого царь ромеев или не желает, но вот, царство его отдано мне!»

**Император
Маврикий**
(582-602 гг.).
Золотой солид

Униженному Маврикию пришлось просить о перемирии. Для этого его послы прибыли в Анхиал. А каган, казалось, вовсе не собирался оттуда уходить. Речи царских посланцев, требовавших очистить владения империи, настолько не понравились Баяну, что «от ярости все его лицо стало пунцовым», а глаза «шафранного цвета». После этого каган велел надеть на главу дипломатической миссии оковы, а ноги забить в колодки. Не сносить бы ромею головы, но на следующий день приближенные уговорили повелителя не доводить дело до крайности. Поразмыслив, Баян отправил послов обратно в Константинополь. Однако и после этого положение Византии не улучшилось. Год спустя Маврикий сам просил кагана направить делегацию для продолжения переговоров. В результате Ромейская держава была вынуждена увеличить размер дани аварам до ста тысяч золотых. При этом особо оговаривалось, что любая задержка в ее выплате будет автоматически означать

¹Главные силы византийской армии, по-прежнему, находились на Востоке. Кроме того, тогда же, прорвав северную границу, в империю вторглись большие массы славян, о чем речь пойдет ниже.

²Современный г. Поморие в Болгарии

возобновление военных действий. Только после этого каган вывел свои полчища за пределы империи.

Но и это не принесло Византии и ее народу долгожданного спокойствия. Варвары принимали дань как должное, а сами продолжали грабительские набеги во Фракию. В 585 г. каган натравил на империю полчища подвластных ему славян. Набег удалось остановить только под Адрианополем.

Год спустя Баян прибег к открытому военному вмешательству. Он заявил, что ромеи предоставили на своей территории убежище его личному врагу. Оказалось, что какой-то обнаглевший шаман соблазнил жену аварского владыки, и теперь он, из-за козней константинопольских властей, не мог отомстить обидчику, как того требовали обычаи предков. Авары предприняли ряд налетов вглубь византийских владений и, что выглядело совсем уж странно, в очередной раз потребовали уплаты дани.

Терпению Маврикия настал предел. Он велел арестовать аварских послов, прибывших в Константинополь, и распорядился содержать их под строгим надзором на одном из островов. Отпустили их только через полгода, и сразу вслед за этим каган начал против империи большую войну (586 г.). Его орды совершили опустошительный рейд вдоль южного берега Дуная. Как написал историк: «Словно из каких-то темниц бедствий каган выпустил на ромеев огромное войско». В то же время своих славянских подданных Баян двинул на Фессалонику¹.

Немало усилий потратил Маврикий, чтобы отмобилизовать новую армию. И все равно, по признанию византийского хрониста, почти половина воинов «из-за трусости и душевной негодности были небоеспособны». Возможно поэтому, боевые действия во Фракии между ромеями и аварами продолжались с переменным успехом. Весной 587 г. византийцы нанесли аварам ряд поражений. «Словно из бездны моря предстала перед варварами смерть», и каган в панике бежал из-под Томи-

са². Затем, придя в себя и собрав новые рати, он перешел в наступление и загнал стратигов Маврикия за Длинные стены — передовой оборонительный рубеж Константинополя.

Сохранившийся фрагмент Длинной стены.
Современное состояние

Противники совершали марши и контрмарши, пытались выйти друг другу в тыл, но в открытый бой вступать избегали. Часто проигрывал тот, у кого не выдерживали нервы. Сохранился рассказ, как однажды ромейское войско предприняло ночной марш, чтобы внезапно обрушиться на врага. Однако этот замысел сорвался из-за сущей нелепицы. У одного из выючных животных съехал набок тюк с грузом. Сразу несколько голосов стали звать назад погонщика, чтобы он поправил выюк. И вот эти крики «Назад! Назад!» вызвали в походной колонне настоящую панику. Не видя в темноте, что происходит, многие воины решили, что подверглись внезапному нападению и бросились бежать, давя тех, кто шел за ними. В результате на какое-то время армия утратила боеспособность, и командирам на следующий день долго пришлось приводить людей в чувство³.

Авары в очередной раз опустошили Фракию и, построив осадные машины, даже ходили на штурм Адрианополя. Однако здесь удача окончательно им изменила. Осенью византийцы разбили варваров и вынудили

¹Об этом см. далее в главе «Славяне».

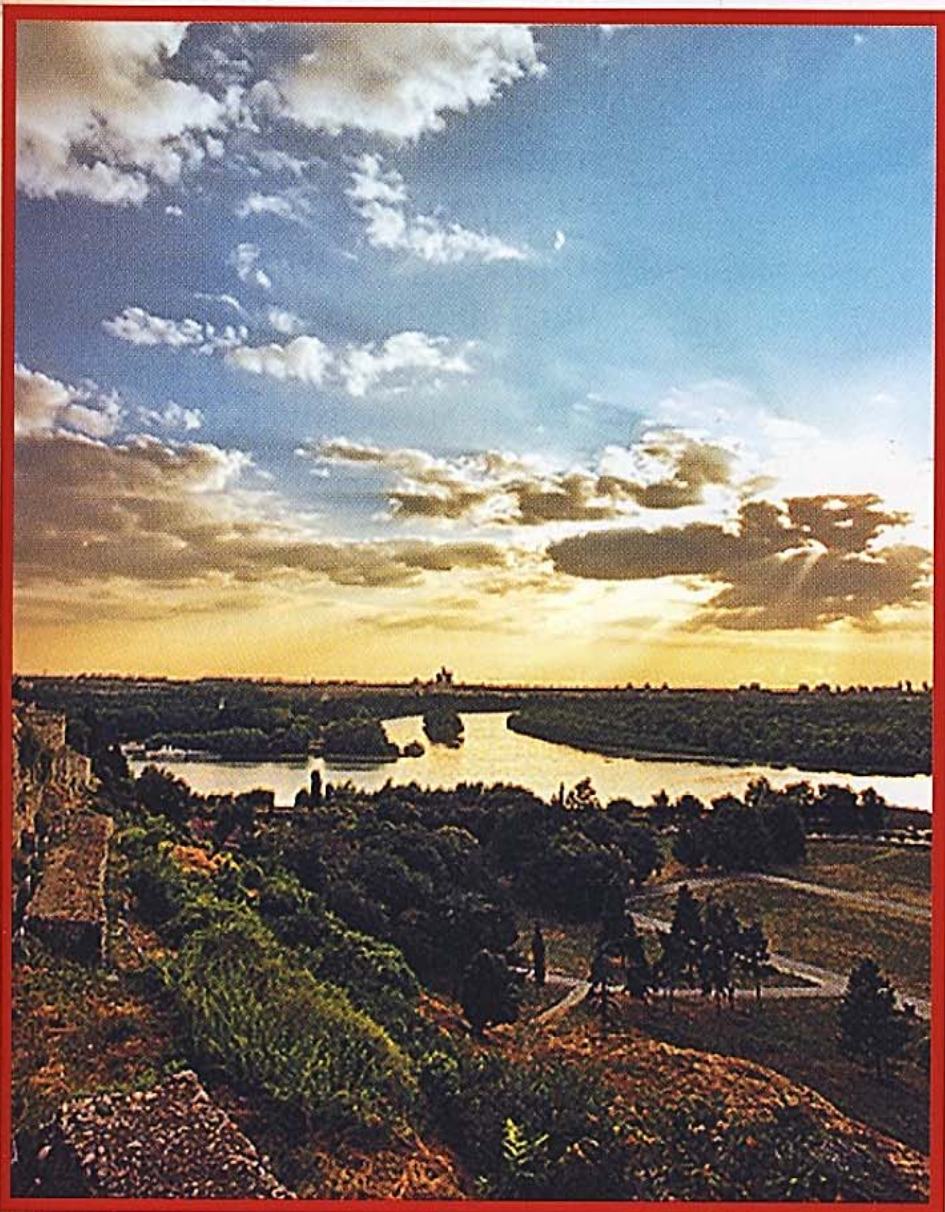
²Современная Констанца в Румынии.

³Впрочем, встревоженные ночным шумом, авары и сами бежали с поля так и не состоявшегося сражения.

их убраться за Дунай. Этот успех позволил ромеям победоносно завершить войну, начинавшуюся столь неблагоприятно. Правда, в следующем году кагану еще удалось организовать очередной набег славян на фракийские земли, но это был уже последний толчок затухающих тектонических колебаний. Ближайшие несколько лет балканские провинции оставались в относительном покое, и империя смогла хотя бы частично прийти в себя от минувших потрясений.

К этому времени наметился перелом и в ходе боевых действий с Персией. В Иране развернулась ожесточенная борьба за трон, в ходе которой Маврикий оказал поддержку сыну свергнутого шахиншаха Хормизда IV Хосрову Парвизу. Взойдя на престол, законный наследник заключил выгодный для Византии мир, оказавшийся для империи весьма своевременным. После его подписания оказалось возможным перебросить в Европу лучшие, закаленные в боях ромейские части, что должно было привести к коренному изменению в соотношении сил на Балканах.

Место впадения реки Савы в Дунай.
Современная фотография.
Когда-то именно отсюда начинались
аварские вторжения на территорию Византии

Каган также понимал, что временной фактор работает против него. В 592 г. он в очередной раз потребовал от Маврикия увеличения выплачиваемой дани, но теперь василевс ощущал себя хозяином положения и даже не ответил на наглые речи варвара. Получилось, что каган сам себя загнал в ловушку, лишившись свободы маневра. Отказаться от прежних требований значило признать собственную несостоятельность. В этой ситуации предводитель авар прибег к единственному из оставшихся в его распоряжении средств — он предпринял военную авантюру, перейдя Саву у Сирмия и двинувшись на восток вдоль южного берега Дуная.

Это было грозное наступление. Разрозненные пограничные части ромеев не могли противостоять превосходящим силам противника. Император сам выступил в поход против варваров, но вскоре, устранившись солнечного затмения, внезапной бури и ряда других тревожных предзнаменований, он бесславно вернулся из Анхиала в столицу. Принявший командование комит экскувитов Приск сначала отбил нападение варваров у Балканских проходов, но затем византийцы, дрогнув перед несметностью приближавшихся врагов, все равно отступили. Впрочем, этим дело не кончилось.

Продвинувшись вглубь Фракии, каган увидел, как на равнине «бесчисленные фаланги ромеев» строятся к сражению. Теперь уже авары, не вступая в бой, повернули назад. Зато у Гераклеи на Мраморном море они первым же страшным ударом обратили войско Приска в паническое бегство и загнали его в крепость Цурул. И снова византийцам помогла не сила оружия, а изощренная хитрость. Они сделали так, что в руки кагану попало подложное письмо Маврикия к Приску, в котором сообщалось, что в тылу у авар готовится высадка крупного десанта, переброшенного по приказу императора из Константинополя. Устрашившись такой перспективы, Баян заключил перемирие и ушел со своими ордами за Дунай.

Но даже теперь времени на отдых у Приска и его солдат почти не было. На следующий год им пришлось вести хотя и трудную, но зато победоносную кампанию против славянских племен, обитавших на левом (северном) берегу Дуная. Успехи ромеев встревожили кагана, и он прибег к новым угрозам. У Приска не оставалось иного выхода, кроме

как вступить в переговоры с Баяном. Оказывая психологический нажим, каган, как о чем-то само собой разумеющемся, заявил, что является «владыкой всякого народа» и, в качестве компенсации за то, что Приск «напал на мою землю и причинил зло моим подданным», потребовал, чтобы ромейский военачальник поделился захваченной добычей. Всерьез опасаясь нападения авар на обремененную тяжестью обозов армию, стратиг подумал и уступил. Он передал кагану пленных славян, которые только сдерживали его продвижение. Самолюбие кагана было удовлетворено. Он выразил радость и открыл византийцам проход обратно в пределы Империи.

Узнав об этой договоренности, Маврикий очень рассердился, считая, что безрассудно было отдавать варварам плоды побед ромейского оружия. Кроме того, автократу не понравилось, что решение о выдаче пленных было принято чуть ли не на солдатской сходке. Посчитав, что Приск не может контролировать положение в армии, царь отстранил впавшего в немилость стратига от командования и назначил на его место своего брата Петра. Уже ближайшие события показали, что царский родич напроць лишен полководческого таланта, а византийские воины расплатились за эту ошибку своей кровью.

Действия Петра против славян в кампании 594 г. оказались неудачными. Он потерпел ряд чувствительных поражений и, как бы не хотел того император, но ему

пришлось возвращать в армию Приска. Весной 596 г. под его началом армия снова перешла Дунай и, совершив марш вдоль северного берега до прохода Железные ворота, вернулась обратно на правый, южный берег. Почти сразу же в ставку Приска прибыли посланцы Баяна с традиционными упреками в нарушении мирного договора. Но мы уже знаем, что и авары и ромеи соблюдали условия трактатов, по своему усмотрению. Поэтому стратиг велел передать кагану, что пребывал на северном берегу реки, поскольку эти места очень хороши для охоты, удобны для выпаса конницы и богаты водою, а теперь он и его части и вовсе находятся на ромейской территории. Тогда начались довольно нудные прения относительно того, кому принадлежит эта земля, и варвар прямо заявил, что «оружие и законы войны отняли ее у ромеев». После этого и Приск допустил сознательное оскорбление, сказав, что каган вообще является «беглецом с востока». Так и препирались они некоторое время, пока византийскому военачальнику не сообщили, что авары осадили Сингидун, и крепость вот-вот падет. Это был прямой акт агрессии, и Приск должен был на него отреагировать. Вместе с войском он отправился вверх по течению Дуная.

Недалеко от Сингидуна у него состоялась встреча с Баяном. Они снова долго спорили, кто имеет больше прав на эти владения, да так и не пришли ни к какому соглашению. «Ты, милейший совершаешь несправедливость», — примирительно сказал Приск, но каган в гневе удалился в свой шатер, пригрозив, что еще возьмет много городов, а стратиг, не мешкая, провел сопровождавшие его войска корабли дальше к Сингидуну и, сломив сопротивление занимавших крепость болгар, являвшихся данниками авар, выбил их оттуда. Ромеи начали восстанавливать укрепления, а каган в ответ официально объявил о расторжении мира и начале новой войны с империей.

В дальнейшем кампания свелась к боям местного значения в Далмации. Здесь ромеям удалось истребить крупный аварский отряд, и каган отвел главные силы за Дунай. Затем в течение восемнадцати месяцев

Железные ворота на Дунае.
Современная фотография

противники вообще избегали решающих столкновений¹. Только летом 597 г.² каган вновь подступил к рубежам Византии. Форсировав Дунай, он вторгся в провинцию Нижняя Мезия, сметая все на своем пути, подступил к причерноморскому Томису и осадил город. Сюда же, следуя форсированными маршами, привел армию Приск. Но ни авары, ни ромеи не горели желанием истреблять друг друга. На Пасху 598 г. каган даже снабдил оголодавшее войско Приска продовольствием, а стратиг поделился с Баяном запасами ценных индийских пряностей. После этого авары ушли вверх по Дунаю. Часть византийской армии двинулась следом за ними.

И все же ромейские военачальники явно недооценили боевые качества противника, а дисциплина в их собственных рядах была подорвана тяготами минувшей зимы (даже южной), так что солдатское недовольство в любой момент могло взорваться открытым бунтом против командования.

Имея такие войска, очень трудно рассчитывать на победу. 20-21 апреля 598 г. авары неожиданно повернулись к врагу лицом и в устье дунайского притока со светлым названием Янтра нанесли византийскому ипостратигу Коментиолу страшное поражение. Почти не оказав сопротивления, ромеи позорно бежали.

Каган немедленно перешел в общее контрнаступление и практически беспрепятственно добрался до окрестностей Константинополя. В городе началась паника. Всерьез обсуждалась возможность перенесения столицы на азиатский берег

Босфора в Халкидон. Император спешно выслал для обороны Длинной стены гвардейцев-экскувитов, подразделения армейской пехоты и даже ополченцев-горожан, но на самом деле только вспыхнувшая в войске кагана эпидемия чумы помешала Баяну выиграть кампанию. В те дни он потерял сразу семерых сыновей.

Воспользовавшись карой небесной, пораженной варваров, Маврикий снова обратился к их вождю с мирными предложениями. Каган долго упирался, говоря, что «дары врагов не есть дары, и нет пользы в них», но затем все же смягчился. Чувствуя себя победителем, он сам продиктовал условия нового

Аварский каганат на рубеже VI-VII вв.

¹В это время аварам пришлось воевать на западе против франков и их германских союзников.

²В исторической литературе встречается и другая датировка этих и нижеследующих событий.

договора. Вина за последнюю войну целиком и полностью возлагалась на Византию. С ее завершением граница между империей и каганатом устанавливалась по Дунаю. Кроме того, Константинополь обязался дополнительно выплатить 20 000 золотых монет. Маврикий был искренне рад, что ему, наконец, удалось замирился с варварами. Эта передышка позволила ему сформировать новую армию и весной 599 г. двинуть ее на северный берег Дуная.

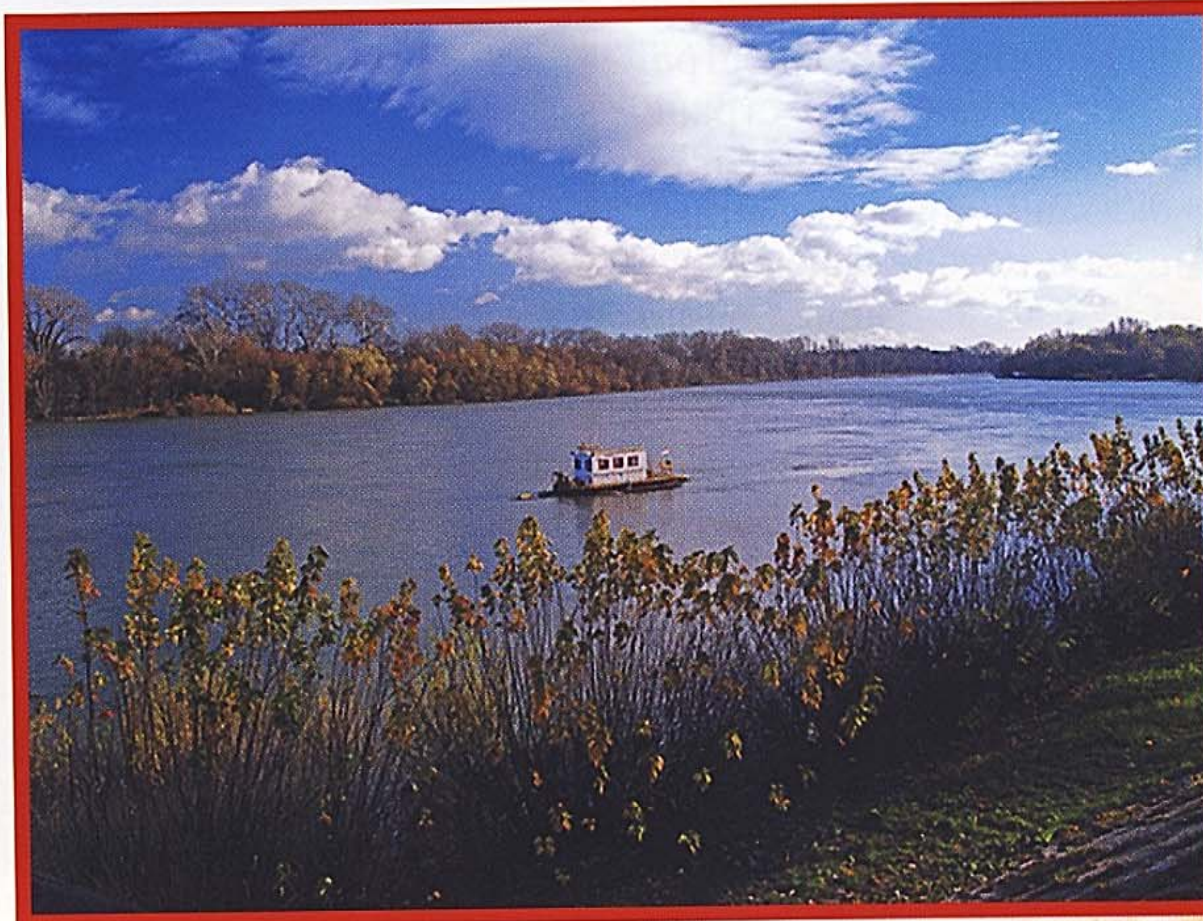
Возглавить ее было поручено Приску, хорошо зарекомендовавшему себя в предыдущих кампаниях. Форсировав полноводную реку, ромеи разбили на северном берегу укрепленный лагерь. За десять дней Приск трижды выводил войска в поле и каждый раз отражал все атаки варваров, нанося им большой урон. В первый раз его солдаты выдержали лобовой удар противника и, перейдя к вечеру в контратаку, длинными копьями перекололи до 4000 врагов. При этом урон византийцев не превысил 300 человек. Через три дня Приск вступил в бой, разделив свои войска на три части. Сковав авар с фронта, он охватил их фланговыми отрядами и устроил врагу, попавшему в окружение, кровавую баню, истребив уже до 9000 человек. Наконец, на десятый день, стратиг занял удобную позицию и, постепенно тесня врагов, загнал их в озеро, где многие утонули. На этот раз погибло до 15 000 аваров. Это была блестящая победа. Сам каган едва спасся, бежав к берегам Тисы. Здесь он набрал из подвластных ему славян и гепидов новое войско, но Приск в очередной битве нанес ему еще более тяжелое поражение.

Дальнейший ход боевых действий оказался столь же удачен для византийцев. Сначала отборный отряд из 4000 воинов, направленный Приском в карательный рейд за Тису, устроил в поселениях гепидов жуткую резню. Каган в последний раз попытался переломить ход войны и сам вышел с армией на левый берег Тисы. И вот здесь-то «варвары, разбитые, так сказать, наголову, захлебнулись в речных потоках».

Тысячи пленных в тяжелых оковах отправили в Томис, и теперь уже каган просил императора о возобновлении переговоров.

Возможно, что дальнейшие события во многом носят легендарный характер, но другими источниками мы просто не располагаем. Согласно «Истории» Феофилакты Симокаты, каган оказал на Маврикия жесткое давление, угрозами требуя вернуть своих людей. При этом, возможно, что царь не имел сведений о реальном положении дел за Дунаем. Как бы то ни было, но автократ приказал освободить всех плененных авар, которые к этому времени уже прибыли под конвоем в Томис. После этого византийская армия ушла за Дунай, хотя формально кампания так и не завершилась каким-либо договором (считалось, что продолжает действовать соглашение, подписанное в 598 г.). Гораздо хуже, что император вновь отстранил Приска от командования и опять поставил на его место Петра, который, как мы уже знаем, не блистал талантом стратега.

Такая доброта (а по существу слабость характера) дорого обошлась не только Византии, но и самому императору. Из-за непоследовательной политики этого государя его популярность неуклонно падала. Еще после провала кампании 598 г. Маврикий отказался выкупить у аваров 12 000 плененных ромеев, хотя каган несколько раз снижал сумму выкупа. В конце концов, терпение варвара иссякло, и все пленные были казнены. Много и истово молился император, пытаясь искупить грех, взятый на душу, но авторитет Маврикия в войсках оказался безнадежно подорван. А послед-

Дунай в нижнем течении. Современное фото

нее царское повеление и вовсе лишило его сторонников во Фракийской армии.

Ожидая новое нападение авар, император летом 602 г. приказал армии перейти Дунай для нанесения удара по славянам¹. Поход оказался успешным. Ромеи «острием меча погубили полчища врагов», но одержанные победы странным образом положили конец царствованию Маврикия. Император повелел легионам остаться за Дунаем, самостоятельно изыскав средства для предстоящей зимовки. Маврикий и не скрывал, что хочет дать передышку государственной казне. На беду в это время начались затяжные ливни, а затем их сменили ранние заморозки. Перед солдатами пугающе реально встала перспектива провести зиму с пустыми желудками в варварской, холодной стране и во враждебном окружении. Они подняли открытый мятеж, и «души их были опьянены величайшим гневом». Бунтовщики провозгласили своим вождем гекатонтарха (сотника) Фоку. В столице также росло недовольство. Год выдался неурожайным, и в городе начались перебои с хлебом.

В ответ Маврикий развернул репрессии, но ситуация уже вышла из-под контроля. Не удалась и предпринятая им попытка бежать. На азиатском берегу Босфора, в Халкидоне неудачливый император был умерщвлен по приказу вступившего в Константинополь Фоки. Причем, чтобы продлить мучения несчастного, сначала у него на глазах, одного за другим, резали пятерых сыновей. Затем им отрубили головы, а тела выбросили в море. И лишь после этого Маврикия лишили жизни. Жители столицы ликовали, полагая, что свершилось справедливое возмездие, и что вскоре коронованный Фока станет отстаивать интересы простого народа. Как же ошибались эти люди...

Царствование Фоки оказалось эпохой дикого произвола и Большого террора. В Константинополе и других городах империи вершились казни над настоящими и мнимыми противниками режима, и никто не чувствовал себя в безопасности. Сегодня человек рукоплескал смерти очередных заговорщиков, а завтра сам всходил на эшафот, или погибал от изощренных пыток. Людей вешали, топили в море, зашив предваритель-

но в мешок, расчленяли, или использовали в качестве живых мишеней для упражнений лучников.

В такой обстановке властям было уже не до защиты внешних границ, и в империю со всех сторон хлынули враги. В Европе возобновились масштабные вторжения славян из-за Дуная и Савы, а на востоке в 602 г. началась новая война с Персией, в которой византийцев преследовали неудачи. Восточный фронт требовал все больше подкреплений, и, чтобы иметь возможность перебросить их из Фракии, Фоке пришлось пойти на увеличение аварской дани, но варвары все равно регулярно совершали грабительские набеги, а отражать их было некому. Пленных ромеев угоняли в Паннонию, а на их землях расселялись славянские племена.

**Император
Фока
(602-610 гг.).
Золотой солид**

Византийский историк Феофилакт Симокатта, описавший те далекие события, однозначно оценивает правление Фоки, называя его свирепым тираном и даже «кентавром». К тому времени, когда в 610 г., в результате очередного переворота, Фока был низложен и казнен, а бразды правления Римской державой взял в свои руки сын экзарха Африки Ираклий, прекративший расправы и заботившийся о благе государства, империя практически утратила контроль над большинством европейских провинций. При этом официально между двумя странами продолжал действовать мирный договор, но он представлял собой ничемный клочок пергамента. Аварский каганат являлся сильнейшим государством Восточной Европы, и одно только осознание этой

¹Возможность экспедиций против славянских племен прямо предусматривалась аваро-византийским договором 598 г. и не должна была рассматриваться обеими сторонами в качестве повода к войне.

мощи подталкивало правящую верхушку этой державы к агрессивной внешней политике. В северо-восточной Италии авары нанесли поражение лангобардам, в низовьях Дуная покорили обитавшие там славянские племена.

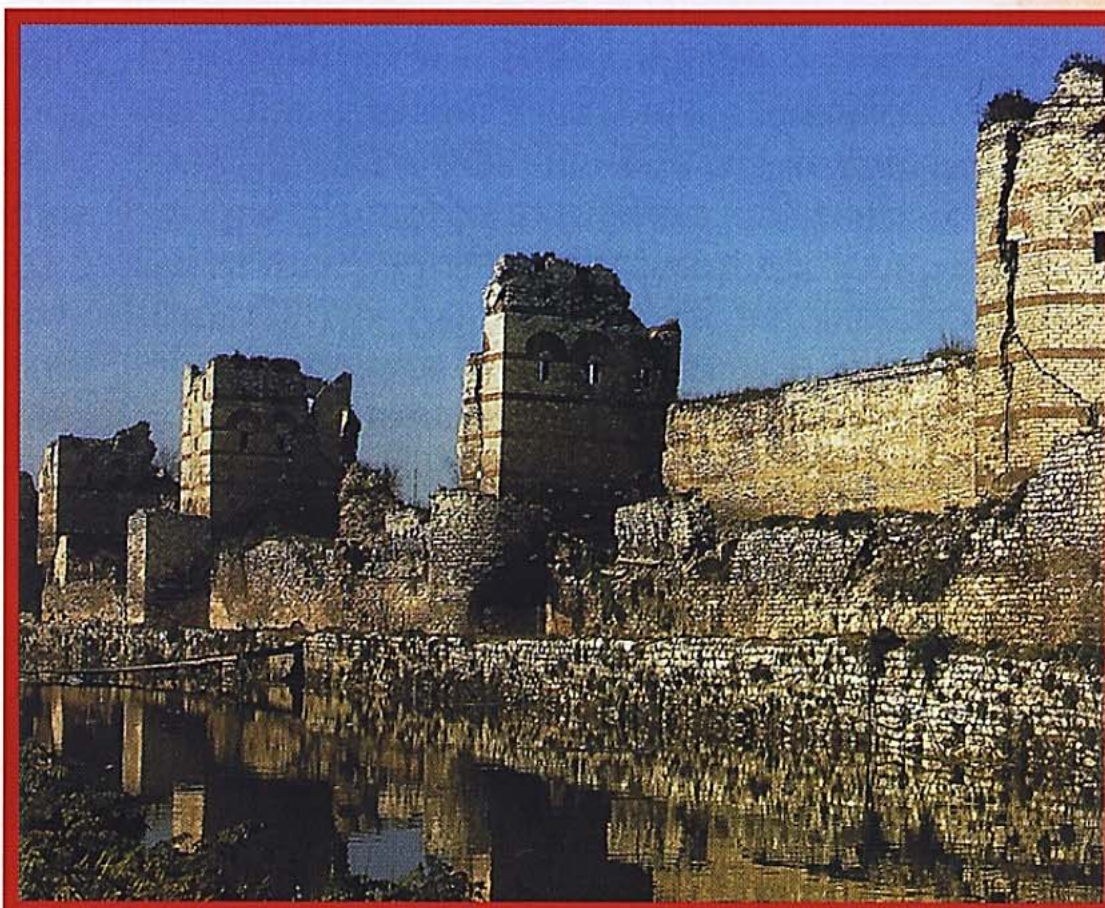
В 615 г., воспользовавшись тем, что славяне наводнили Далмацию, каган присоединил их дружины к своему войску и приступил к главному опорному пункту ромеев на побережье Адриатики Салоне¹. Несмотря на упорное сопротивление гарнизона и части жителей, крепость была взята и разорена, а Византия полностью утратила контроль над Далмацией.

Три года спустя, сменивший Баяна во власти в каганате его сын и наследник лично возглавил очередную осаду Фессалоники, предпринятую в основном славянами, но и на этот раз город выстоял. А еще каган узнал, что византийцы заключили договор о военной взаимопомощи с болгарами, так что ему волей-неволей пришлось самому просить Константинополь о мирных переговорах. Для ромеев также оказалось весьма кстати попытаться нормализовать отношения с соседями, которые причиняли империи одни лишь беспокойства.

В 619 г. к аварам прибыла дипломатическая миссия с богатыми подношениями. Причем далеко ехать дипломатам не пришлось. Вождь варваров со свитой и войском находился в ромейских пределах, неподалеку от столицы. Переговоры прошли вполне успешно, договор подписан и скреплен дарами. А чтобы добрые отношения между каганатом и Византией окончательно восторжествовали, была достигнута договоренность о встрече на высшем уровне между главами двух держав.

С учетом честного слова кагана вести себя прилично, принимающая сторона готовила в Геракле праздничные ристания и другие увеселения, но действительность превзошла все ожидания. Новый предводитель авар оказался достойным преемником своего лукавого отца. Когда 5 июня Ираклий со свитой отправился на долгожданное полити-

ческое свидание, каган взмахнул нагайкой, и по этому сигналу авары устремились на царскую свиту, словно перед ними была беспомощная полевая дичь. Василевс едва успел спастись бегством, а варвары, прорвавшись за Длинную стену, достигли Константинополя и разграбили окрестности столицы, осквернив Божьи храмы. Уходили они беспрепятственно, с богатой добычей и тысячами захваченных невольников.

Стены Константинополя.
Современная фотография

Впоследствии каждый год 5 июня у стен Константинополя православная церковь проводила крестный ход «в память об избавлении от нашествия варваров». Однако, если судить по большому счету, то праздновать было особенно нечего. Империя получила звонкую пощечину, а отвечать на нее было нечем. Ираклий опять отправил посольство к кагану, и тот, выразив формальное «раскаяние» в допущенном коварстве, заключил, наконец, полноценный мирный договор. Достался он дорогой ценой. Размер дани, выплачиваемой аварам, увеличивался до 200 000 золотых монет, а в качестве гарантии своевременности внесения очередных платежей им даже были выданы высокопоставленные заложники. Правда, при этом, в официальных документах император называл кагана «сыном», а тот его «отцом и благодетелем».

¹Близ современного хорватского города Сплит. Поскольку решающую роль во взятии Салоны сыграли именно славянские отряды, более подробно об осаде этой крепости см. в главе «Славяне».

Уступчивость Ираклия объяснялась стремлением обеспечить себе прочный тыл, прежде чем он отправится на войну с персами. Уезжая в 622 г. на фронт, он даже поручил кагану опеку над своим наследником-сыном и царством. Как и следовало ожидать, доверие, оказанное варвару, не принесло ничего хорошего.

Летом 626 г., в то время когда армия Ираклия находилась на восточной окраине империи, его грозные противники объединили усилия и предприняли совместную попытку овладеть Константинополем. Штурм столицы Византии стал кульминационным пунктом Аварских войн.

Ромеи, по-видимому, располагали информацией о готовящемся наступлении противника и предприняли ряд мер для подготовки царственного града к предстоящей обороне. Патриарх Сергей служил всенародные молебны и совершал всенощные бдения. На воротах сухопутных стен по его распоряжению поместили образы Богородицы с младенцем, призванные защитить своих чад. В то же время под руководством главного военного специалиста, патрикия Вона, имевшего титул магистра, гарнизону при активном участии населения удалось немало сделать для укрепления оборонительных сооружений. В северо-западном квартале Влахерны заранее была возведена новая, гораздо более мощная, по сравнению с уже имевшейся, крепостная ограда, а на остальных участках расчистили подступы к стенам. Углублялись рвы, спешно ставились палисады, строились метательные машины и заготавливались снаряды к ним, снаряжались боевые корабли. Последняя мера имела особенно важное значение. Ведь в войске кагана находилось большое количество славянских лодок-однодревок¹, и с помощью этих судов в ходе осады можно было обеспечить совместные действия авар и персов.

И все же появление врага у стен богоспасаемого града не могло не смутить сердца ромеев и заронило в их души тревогу. Еще в июне на востоке взметнулись языки пламени, и

высоко вверх, в ярко-синее южное небо потянулись маслянисто-черные столбы дыма. Это неисчислимое войско персидского полководца Шахрвараза, пройдя всю Малую Азию, разоряло предместья столицы, лежащие за Босфором, сжигая Божии храмы и монастыри, небольшие города и селения, поместья знати и царские дворцы дивной архитектуры, которые веками строили лучшие зодчие Византии.

Еще более страшные вести приходили с запада. Тридцать тысяч авар (передовой отряд кагана) подошли к Длинной стене. Это сооружение долгое время не ремонтировалось, и теперь варвары преодолели его, не встретив сопротивления. Кавалерийское прикрытие ромеев отступило, а вождь авар «наполнил море и сушу дикими племенами, для которых жизнь — война». За этой цветастой фразой кроется тот факт, что орды, состоявшие из авар, славян, «гуннов»-протоболгар, гепидов и прочих варваров, нахлынули в окрестности Константинополя, да так, что никто из жителей столицы не смел показаться за городскими воротами. Аварские разъезды с высот на северном берегу Золотого Рога подавали огненные сигналы персам, и те отвечали союзникам.

Для начала каган послал узнать, какую дань готов внести город, чтобы избавиться

Вторые военные (позднее Белградские) ворота Константинополя.
Современная фотография

¹Не следует думать, что эти «моноксилы» представляли собой примитивно выдолбленные древесные стволы. На самом деле, ствол дерева служил килевой основой для каркаса, к которому крепились остальные части набора такого судна, достигавшего довольно внушительных размеров.

от нашествия, но ромеи устроили впечатляющий смотр своей тяжелой кавалерии и крестный ход во главе с патриархом и высшим священством, которые пронесли вдоль сухопутной стены иконы Богоматери и Спаса Нерукотворного. И весь народ православный смотрел на святыни и иерархов, твердил знакомые каждому с детства слова молитв, истово крестился, клал земные поклоны. Крепла в людях вера, что Господь не оставит верных своих, защитит их в тяжелый час и не допустит, чтобы варвары загасили светоч Веры Истинной, разрушив оплот небесный на Земле.

Попытка оказать на византийцев психологическое давление провалилась, но то было лишь начало предстоящей драмы. 30 июля отряды бесчисленного воинства кагана стали занимать позиции вдоль крепостной стены. У варвара хватило наглости даже потребовать у ромеев продовольствия для своей 80-тысячной орды. Самое же удивительное, что от имени сына и соправителя Ираклия молодого василевса Константина III оно было предоставлено¹.

На следующий день авары расставляли метательные машины и собирали из заранее заготовленных комплектующих материалов двенадцать осадных башен, высота которых равнялась зубцам городских стен. А чтобы обороняющимся не удалось поджечь все эти хитроумные сооружения, их прикрывали мокрыми кожами. Наконец, закончив приготовления, каган двинул разноплеменное войско на приступ.

Атакующие приближались к стенам Феодосия двухкилометровым фронтом в плотных боевых порядках, двумя эшелонами. Впереди шли легковооруженные славяне, за ними надвигались авары, болгары и гепиды: все в тяжелой, сверкающей на солнце броне — отборные ударные отряды. Сеча продолжалась до пяти часов вечера. Обороняющиеся отразили натиск и благодарили Господа за дарованную победу, но когда вместо пехоты в дело вступили метательные машины, стало ясно, что до сих пор каган

проводил лишь разведку боем, стремясь выяснить силы защитников Константинополя и степень их готовности сражаться до конца.

Меж тем, гарнизон с честью выполнял свой долг. Ромеи старались всячески вредить неприятелю. Воины обстреливали противника из луков и забрасывали копьями, а на левом фланге, у Золотых ворот, даже предприняли вылазку, в ходе которой перебили множество славян. Несколько каменометов удалось сжечь, другие, построенные наспех и не слишком искусно, просто развалились и вышли из строя.

Морские стены Константинополя.
Современная реконструкция

Но у кагана был заготовлен еще один сюрприз. Он решил нанести удар не только с суши, но и со стороны Золотого Рога, где крепостные стены были не столь высоки. Для этого он 1 августа спустил вниз по небольшой реке, впадавшей в залив, большое количество славянских лодок и сосредоточил их на мелководье, в местах, недоступных византийским кораблям. Тут-то весьма своевременно и вступила в дело эскадра из 70 царских дромонах. Крутобокие красавцы-корабли вошли в Золотой Рог и плотно перекрыли его от южного берега до северного, не допустив прорыва вражеских ладей.

Тогда, вечером 2 августа, каган потребовал прислать к себе византийских послов, чтобы они выслушали последнее слово завоевателя. А уж в своей неизбежной победе авар нисколько не сомневался. Члены ромейской делегации оставили описание этого приема. Они подчеркивали, что в ставке кагана присутствовали, разодетые в шелка,

¹Может быть, регентский совет рассудил, что такая мера убедит кагана в неистощимости запасов, заготовленных осажденными?

знатные персы. Таким образом, союзники продемонстрировали полное единение планов и намерений в предстоящем штурме. С самого начала каган постарался запугать посланцев. Он изъяснялся в ультимативном тоне, заявив, что по его приказанию славяне перевезут на европейский берег Босфора отряд из трех тысяч персов, которые примут участие в решающем штурме. Вождь потребовал безусловной сдачи Константинополя и предлагал жителям, во избежание неминуемой гибели, покинуть город, оставив себе лишь то, что было на них надето. Полагая, что у осажденных нет иного выхода, и судьба их решена, он добавил цветисто: «Вы не можете превратиться ни в рыб, чтобы искать спасения в море, ни в птиц, чтобы улететь в небо».

Несмотря на столь грозную речь, ромеи держались непреклонно и подтвердили готовность вести переговоры лишь о размерах отступного вознаграждения за прекращение осады. Но кагану, уверовавшему, что уже завтра все богатства этого сказоч-

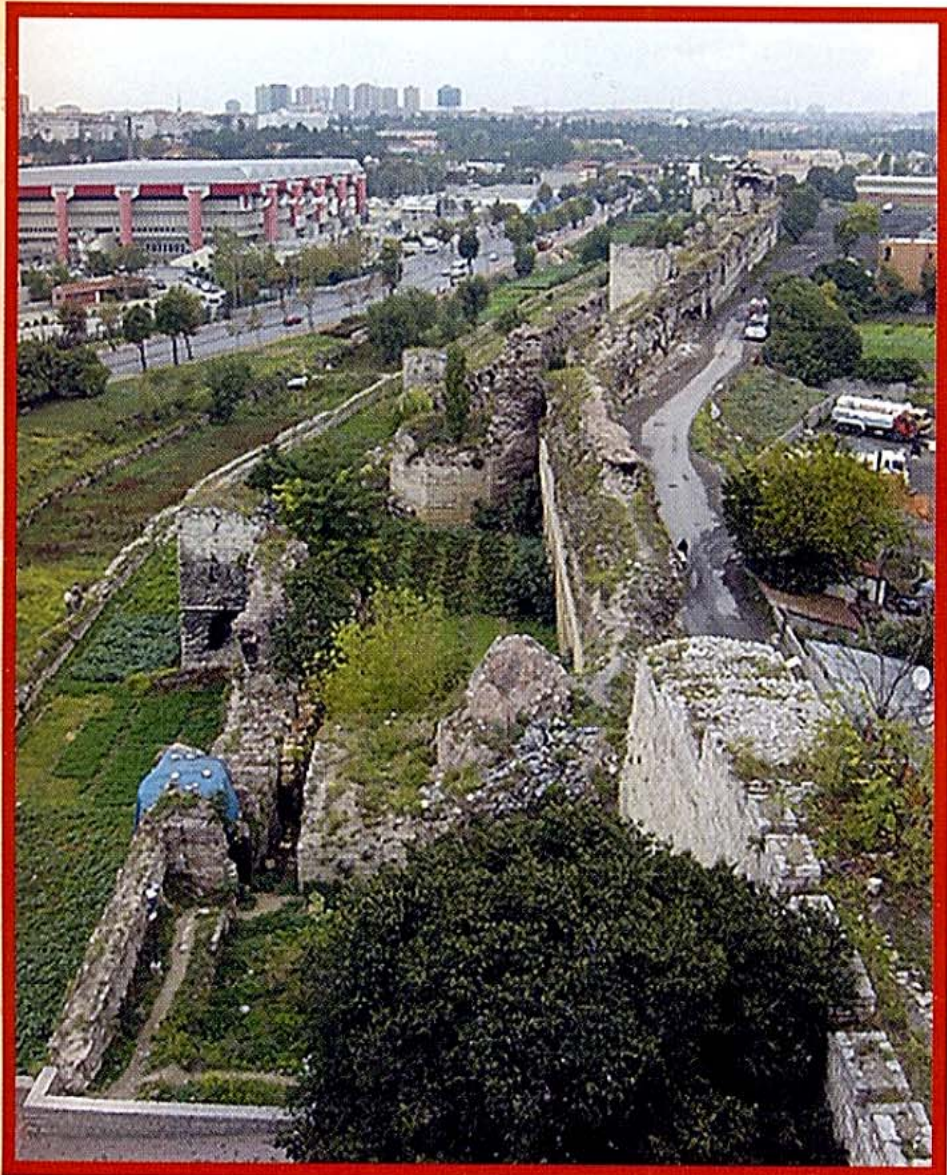
ного города окажутся в его распоряжении, казались оскорбительными столь жалкие подачки. Он вновь потребовал капитуляции, а затем отпустил послов ни с чем.

Ответ византийцев оказался ассиметричным и весьма изощренным. Той же ночью они перехватили лодки с персидскими представителями, возвращавшимися от кагана на другой берег Босфора. Их даже не стали допрашивать, выпытывая некие ценные сведения, а сразу передали в руки палачей, хорошо знавших свое ремесло. На утро голову одного из послов подбросили в персидский лагерь, сопроводив этот жуткий дар пояснительной запиской, в которой говорилось, что каган выдал послов ромеям и заключил с императором мир. Другому персу отрубили обе руки и отправили к кагану, привязав к поясу обезумевшего от боли и ужаса человека голову третьего посла. Что и говорить, нелегка была дипломатическая служба в раннем средневековье...

Остается неизвестным, поверили ли персы в «измену» своих союзников, но славянские лодки бесцельно простояли на Босфоре целый день. 4 августа тяжелые византийские дромоны, несмотря на противный ветер, атаковали легкие челны варваров, нанеся им огромный урон. Шаткие лодки опрокидывались, увлекая в пучину гребцов. Тех же, кто пытался выплыть, сноровисто добивали точными ударами копий. Таким образом, господство византийского флота так и не позволило воинству Шахрвараза принять какое-либо участие в штурме Константинополя. Впрочем, каган не особенно и расстроился. У него было столько людей, что он твердо рассчитывал овладеть городом собственными силами. Оставалось лишь нащупать слабое место в системе оборонительных укреплений.

В течение трех следующих дней авары предпринимали разрозненные атаки на крепостные стены, но главным образом их воины вели перестрелку с ромейскими лучниками. Бой не прекращался даже ночью. Среди византийцев было немало раненых, но потери их врагов, действовавших на открытой местности, или с лодок, оказались неизмеримо выше. Трупы грудami лежали на подступах ко рвам, или, раздувшись, покачивались на волнах.

По-видимому, кагану надоели стычки, не приносившие заметных результатов, и на

Стены Константинополя. Даже сегодня, в полуразрушенном состоянии и на фоне застройки современного Стамбула три пояса фортификационных сооружений столицы Византии производят сильное впечатление. А когда-то они были по-настоящему неприступными, выдержав немало вражеских осад и приступов.

десятый день осады, 7 августа, он назначил общий штурм, как с суши, так и с моря. Именно на воде и решилась судьба столицы Византии.

Замысел кагана состоял в том, чтобы отвлечь силы гарнизона высадкой десанта к подножию укреплений, тянувшихся вдоль Золотого Рога. Ромеям пришлось бы перебрасывать войска на угрожаемый участок и ослабить оборону главных — сухопутных стен, которые также должны были подвергнуться атаке. С этой целью авары собрали в глубине залива большую флотилию из судов и больших лодок с экипажами, набранными преимущественно из славян, а на борту у них находились хорошо вооруженные десантные партии из других «свирепых племен» — прежде всего, болгар.

Предполагалось, что как только атакующие взойдут на стену во Влахернах на северо-западном участке обороны, они зажгут большой сигнальный костер, на свет которого устремится флотилия из сотен моноксил. Ее многочисленность и грозные боевые кличи воинов должны были вызвать панику в городе, воспользовавшись которой, аварские штурмовые отряды смогут ворваться в Константинополь с суши, развивая наступление с уже захваченного плацдарма во Влахернах.

Намеченный план отличался смелостью, нестандартностью положенной в его основу идеи и вполне мог увенчаться успехом. И все же он сорвался. Источники сообщают, что патрикию Вону стали известны намерения противника. Он отдал необходимые распоряжения, и византийцы, перехватив инициативу, были готовы к нападению варваров.

Утром 7 августа каган бросил войска на приступ, но с самого начала события стали развиваться совсем не по сценарию, разработанному накануне в ставке аварского вождя. Ромейские воины встретили атаку врага во всеоружии. Обрушив со стен на наступающих град тяжелых камней и зажигательных снарядов, они смогли разбить или поджечь много осадной техники неприятеля. Обслуживавшие ее расчеты сгорали заживо или убегали прочь, охваченные ужасом. Стрелы и дротики насквозь прошивали аварских пехотинцев, даже в надежном защитном снаряжении. Вскоре у подножия

стен выросли горы трупов. Было их столько, что «варвары не смогли даже собрать и предать огню павших».

Становилось очевидно, что сухопутный штурм провалился. Для того же, чтобы отразить нападение со стороны залива, византийцы приготовили настоящий сюрприз. В быстро сгущающейся южной темноте патрикий Вон скрытно подвел к обоим берегам Золотого рога мощные боевые корабли и, имея от перебежчиков информацию о сигнале, по которому должна была начаться высадка вражеского десанта, сам велел разжечь огонь на портике храма Святого Николая.

Стоило языкам пламени набрать силу, как вода бухты словно вскипела. Множество славянских судов устремились к городу. В бой были брошены главные силы врага. Связанные между собой ладьи и заранее приготовленные плоты, двигались сплошной массой. Казалось, что гладь волн превратилась в земную твердь, а воины заполнили все пространство, которое мог охватить взор человека. Боевой клич, исторгавшийся тысячами глоток, был поистине громopodobен. Казалось, уже ничто не остановит противника.

Устрашенные ромеи дрогнули, и их корабли не смогли помешать стремительно приближавшейся лавине. Совсем немного, и славяне достигли бы южного берега у храма Пресвятой Богородицы. Но как раз в этот, самый критический момент случилось неожиданное. В Золотом Роге поднялось сильное волнение. Не причинив вреда остойчивым ромейским кораблям, оно переворачивало славянские лодки. Нам сейчас невозможно установить точные причины этого явления, но для людей, живших в VII веке от Рождества Христова, было совершенно ясно, что на помощь Богоспасаемому граду пришла Пречистая Дева. «Думаю, что одна лишь Родившая без зачатия, — писал византийский летописец, — натягивала луки и ударяла в щиты и, незримо вступив в бой, стреляла, ранила, раздавала ответные удары мечом, опрокидывала и топила челны, делая прибежищем для всех морскую пучину».

Затем подошли на веслах царские дромоны и, атаковав врага сразу с двух сторон, взяли его в клещи. Установленные на палубах метательные машины обрушивали

Емельянов Е. 2008 г.

сверху тяжелые камни и длинные стрелы. Острые тараны боевых кораблей пробивали борта и топили суденышки варваров, которые гибли сотнями. Очевидец вспоминал, что воды залива, по-прежнему, напоминали сушу, но теперь потому, что слишком много было в волнах перевернутых лодок, трупов и беспомощно барахтавшихся людей. Некоторые пытались притвориться мертвыми, качаясь на волнах. Но они скоро захлебывались и тонули. Прятавшихся за килем судов и на плотках добивали ударами сверху. Алая кровь смешивалась с зеленой водой, добавляла своеобразный привкус в ее горечь.

Но ад еще только начинался. Отборный отряд армянской пехоты вышел из Влахернских ворот столицы, и поджег ограду церкви Св. Николая. И варвары снова поддались на эту хитрость. Те из них, кто еще держался на воде, решили, что свои подадут им сигналы, обозначая участок, где можно безопасно выбраться на берег. Надо ли говорить, что на самом деле их ждала смерть от холодной стали армянских клинков. Отчаянные крики погибавших стояли над местом резни, но затем стихли и они, а прибрежные волны покраснели от крови. Позднее ромей с удивлением обнаружили, что среди убитых оказалось много тел славянских женщин. Подобно легендарным амазонкам, воительницы сражались наравне с мужчинами и разделили их участь. Византийцы долго вылавливали сетями и крючьями мертвые тела и, не различая пола убитых, споро рубили тускло отсвечивавшими мечами головы, чтобы насадить их на копья и выставить как трофеи на крепостных стенах для устрашения все еще сражавшихся врагов.

Не лучше оказалась и судьба тех бойцов, кому все же удалось вернуться и доплыть до берега занятого аварами. Наблюдая за разворачивающейся у него на глазах резней, каган пришел в такую ярость, что повелел умерщвлять всех, кто спасся из потопленных лодок. Гнев плохой советчик. Весть о разгроме с быстротой молнии облетела как город, так и боевые порядки атакующих. Славяне, штурмовавшие сухопутные стены, были поражены жестокостью своего господина, и, прекратив приступ, начали отходить. А ромей произвели вылазку и погнались врага, увеличивая среди варваров и без того немалую панику. Вместе с воинами их истребляли даже женщины и дети.

Каган утратил контроль над ситуацией. Он лишь выставил заслоны, чтобы бегство не сделалось всеобщим, и приказал разобрать осадные машины, «черепахи», башни и палисады, которые так и не помогли его воинству овладеть столицей ромеев. В ночь на 8 августа авары подожгли и свой полевой лагерь. Сполохи жаркого пламени уносились в черное небо южной летней ночи, а персы на другом берегу Босфора обмануто ликовали, думая, что это их союзники жгут захваченный город.

Аварский вождь пытался сохранить хорошую мину. Он еще вызвал из Константинополя послов, чтобы изложить им свои требования, но патрикий Вон объяснил, что не уполномочен вступать в какие-либо переговоры; зато из Малой Азии движутся испытанные в боях с персами ромейские войска под командованием брата императора — куропалата Феодора. Каган понял, что проиграл окончательно, и заявил, что нехватка продовольствия вынуждает его отступить, но он еще вернется и отомстит за неудачу. Уходя, авары оставляли за собой пустыню, а византийцам пришлось сжигать брошенные на дороге и выловленные в Золотом Роге трупы варваров. Вскоре и персы покинули восточный берег Босфора и бесславно вернулись в Сирию.

Так закончилась первая, по-настоящему опасная осада Константинополя. Впереди будут и другие, но именно в память о победе, одержанной в августе 626 г., установилась традиция служить в церквях молебны в память чудесного спасения столицы. Причина этого избавления виделась людям исключительно в заступничестве Божьей Матери. Позднее в ее честь был сочинен праздничный гимн — Акафист Богородицы, который и поныне исполняется в православных храмах в пятницу шестой недели Великого поста. Есть в нем такие строки:

«Я, Город, освобожденный от опасности, обращаю свою благодарность за победу к Тебе, Богородица, неборимая воительница. Поскольку Ты обладаешь силою непобедимой, освободи меня от всяческой напасти, дабы я мог возопить: «Радуйся, невеста невестная»».

Дальнейшая судьба аварского каганата сводится к повествованию о его упадке. Как и любая кочевая империя, это образование

представляло собой рыхлый конгломерат разноразличных племен, между которыми отсутствовали сколько-нибудь прочные связи. Когда господствующий этнос теряет силу, то такая держава неизбежно рассыпается.

В 630-х гг. расселившиеся к юго-западу от Дуная и Савы славяне изгнали авар из Далмации. На западе также восставшие славянские племена создали независимое княжество Само, просуществовавшее несколько десятилетий. Почти в то же самое время, воспользовавшись смутой, возникшей в каганате по поводу престолонаследия, из под его власти вышли протоболгарские племена в Северном Причерноморье. Территория аварского государства сократилась до пределов бывшей римской провинции Паннония на Дунае.

В 670-700 гг. каганат несколько укрепился за счет переселения в этот район нескольких племен, которых обычно называют «новыми аварами». Хотя на самом деле это, скорее всего, были тюрки-оногуры и предки мадьяр. Распад славянского княжества Само привел к возобновлению набегов авар на соседей, хотя и в неизмеримо меньших масштабах. Вместе с тем, в 678 г. аварские послы, прибывшие в Константинополь, поднесли василевсу Константину IV богатые дары и просили «даровать им благодать мира». В 692 г. каганат заключил мирный договор и с франками, установив на западе границу по реке Энс¹. Этот рубеж разделял две державы на протяжении почти ста лет.

Окончательно сгубила авар откровенная военная авантюра. В 788 г., по просьбе баварского герцога Тассило, боровшегося с франками, они вторглись в Южную Германию и Северную Италию. Когда сговор

открылся, Тассило был заключен в монастырь, где и закончил свои дни, а авары узнали, что значит острый меч Карла Великого. Будущий император нанес смертельный удар с запада, а с юго-востока его поддержал болгарский хан Крум. Аварская знать и воинское сословие были беспощадно вырезаны, остальные категории населения, сильно сократившегося в численности, стали подданными франков.

Сами авары так описывали причины своего упадка: «Вначале из-за ссоры, лишившей кагана верных и правдивых советников, власть попала в руки людей нечестивых. Затем были развращены судьи, которые должны были отстаивать перед народом правду, но вместо этого побратались с лицемерами и ворами; обилие вина породило пьянство, и авары, ослабев физически, потеряли и рассудок. Наконец, пошло увлечение торговлей: авары стали торгашами, один обманывал другого, брат продавал брата. Это и стало источником нашего постыдного несчастья». Получается, что, утратив боевой дух, некогда грозные пришельцы перестали вести наступательные войны, а затем уже не могли даже защищаться.

Последние сведения об аварах, как народе, относятся к 823 г., когда их посольство, в качестве вассалов, прибыло к франкам. Позднее и в русских летописях появилась фраза: «Погибоше аки обре, их же нет, ни племени, ни потомства». Для Византии победа над аварами стала важным военно-политическим успехом, имевшим историческое значение, так как у Империи стало еще одним опасным врагом меньше.

¹Правый приток Дуная, впадающий в эту реку восточнее современного Линца в Австрии.

СЛАВЯНЕ

Этническая карта Центральной и Восточной Европы к середине VI в.

Первые упоминания о племенах, которые при известной доле желания можно принять за наших далеких предков, имеются у историков Древнего Рима. В своих работах Плиний Старший и Тацит называют неких **венедов** (*Venedi*, *Venethae*, *Venethi*), живших в Центральной Европе к северу от Дуная. Правда, Плиний относил венедов к сарматам, а Тацит к германцам, но именно немцы позднее в течение долгого времени называли славян *Wenden*, или *Winden*¹.

В VI столетии готский историк Иордан говорит о «многолюдном племени венетов», наименования которых меняются соответственно различным родам и местностям, но преимущественно они называются *склавенами* и *антами*. Казалось бы, что от склавен (склавин) до славян уже рукой подать, но что же все-таки означает само это слово? На первый взгляд ответ напра-

шивается сам собой: славяне (или, согласно одной из форм данного этнонима, словене) это «люди, владеющие словом», т.е. обладающие способностью членораздельно и понятно излагать свои мысли, в отличие от разных там «немцев» (немых). Но не все обстоит так уж просто. Вряд ли случайно, что латинское *slavus* (*sclavus*) означает «раб»². Считается, что склавены были предками южных славян, и именно с ними Византии пришлось вести наиболее упорную борьбу. Не исключено, что в процессе длительного военного противостояния, когда случалось, что в Империю из-за Дуная пригоняли множество пленных, их родовое название (по-гречески *Σκλάβοι*) стало синонимом слова «невольник». Ну а те, кто категорически не приемлет столь обидный вариант, может считать, что имя славян происходит от гордого «слава», издавна широко распространенного в качестве составной части личных имен мужей словенских.

¹Этот этноним дожил и до наших дней. Так финны называют русских *venäjä*, а эстонцы *vene*.

²А также современные английское *slave* и французское *esclave*.

Современник Иордана, крупнейший историк ранней Византии Прокопий Кесарийский оставил немало любопытных свидетельств о внешности, быте и нравах славян. По его мнению, несмотря на то, что язык у них, конечно же, «варварский», но зато все они высокого роста и обладают огромной физической силой. Они «живут вечно в грязи», но при этом все, как на подбор, светлокожие с русыми или даже золотистыми волосами. Племена склавен и антов не управляются одним вождем, но живут в «демократии». Верховный бог у них — творец молний. Ему они приносят в жертву животных. Жилищами склавенам и антам служат простые хижины, «без удобств». Одежда мужчин состоит из штанов, подвязанных широким поясом. В то же время, хитонов и плащей они, как правило, не носят. Идя в бой, славяне сражаются дротиками. Для прикрытия используют щиты, зато столь сложного в изготов-

лении вида доспехов как панцири не имеют вообще. И хотя, как отмечал Прокопий, «варвары эти по существу совсем не плохие и совсем не злобные»¹, в дальнейшем авторам византийских военных трактатов придется специально изучать особенности тактики борьбы с этими врагами империи.

В начале VII в. «Стратегикон», приписываемый императору Маврикию, специально затрагивает вопрос «Как следует приспособливаться к склавам и антам и им подобным». Оказывается, они свободолюбивы и «никоим образом не склонны ни стать рабами, ни повиноваться». Кроме того, они «многочисленны и выносливы, легко переносят и зной, и стужу, и дождь, и наготу тела, и нехватку съестных припасов. Правда, эти склавы и анты жизнь ведут «разбойную», предпочитая внезапно нападать из засад, в лесах, горах и даже из-под воды, где могут скрываться длительное время, дыша через длинные тростинки.

В отличие от других военных сочинений, данный трактат упоминает в качестве оружия древних славян не только щиты

Славянские воины VI в.

Византийские источники описывают общественный строй древнеславянских племен как «военную демократию». В таких условиях в качестве воинов выступали все взрослые мужчины, но их вооружение в течение долгого времени оставалось достаточно примитивным. Встречаются упоминания лишь о дротиках и щитах. «Панцири» не использовались вовсе. Вместе с тем, археологические находки позволяют прийти к выводу о довольно раннем введении в обиход ножей. Позднее, под влиянием соседних народов, в употребление вошли луки, мечи и боевые топоры.

Иллюстрация Е.Ю. Емельянова, © В.Н. Шиканов

¹ Другой византийский автор, Феофилакт Симокатта, писавший свою «Историю» в начале VII в., поведал трогательную историю о том, как однажды в походе к императору привели трех славян, которые ничего при себе не имели, кроме кифар. Свой необычный внешний вид «поселяне» объяснили тем обстоятельством, что «не привыкли облекать тела в железное оружие, и потому мирно и без мятежей проходит у них жизнь, что они играют на лирах, ибо не обучены трубить в трубы». Сказка, конечно, но зато, какая красивая!

и дротики, но также и луки. Не исключено, что этот вид вооружения был позаимствован у кочевников, племена которых одно за другим приходили на восточно-европейскую равнину и в долину Дуная.

В бою славяне не держат правильного строя и в случае неудачи первой атаки «убегают в леса», где регулярной армии трудно их преследовать. Но именно поэтому такое отступление может оказаться ложным, чтобы вынудить противника сражаться на невыгодной местности.

С учетом этих особенностей, автор трактата рекомендует ромейским стратигам ряд тактических приемов, способных принести успех в войне со славянами. Выступать в поход против них предпочтительнее зимой, когда реки становятся преодолимыми по льду, а леса не могут служить варварам убежищем. В противном случае требуются специальные средства для наведения переправ. Совершать марши по территории славян следует с надежным боевым охранением, высылая вперед разведку, чтобы войско не подверглось внезапному нападению из засад, устраивать которые эти противники большие мастера.

Вступать в сражение со славянами желательно на открытой, ровной местности, где на них можно эффективно воздействовать массированным обстрелом из луков, с последующим фронтальным ударом главных сил, либо внезапным нападением отрядов легкой пехоты. Атаковать их нужно не только с фронта, но также совершая обходы и охваты. Если же варвары все-таки сумели занять выгодную оборонительную позицию, то стоит и самим не пренебрегать таким приемом, как ложное отступление, чтобы выманить врага под удар на более удобной местности.

Помимо собственно военных методов борьбы применялись и политико-психологические. Считалось полезным сеять рознь между отдельными славянскими племенами, приручая одних из их предводителей при помощи «речей или даров», а в отношении других использовать силовое давление.

Исторические источники свидетельствуют, что все эти и ряд других правил являлись не просто мертворожденными канонами, но активно использовались в ходе реальных боевых действий. Другое дело,

что теория не всегда успешно подтверждалась практикой. Но об этом речь впереди.

После распада державы Атиллы и еще до появления на Дунае авар, обширные пространства вдоль северного берега великой реки были заняты славянами. Долгое время Константинополь не обращал внимания на этих многочисленных, но, на первый взгляд, не очень-то и воинственных варваров. А когда различные славянские племена все чаще сами стали наведываться в пределы империи в поисках добычи, то оказалось, что противопоставить их вторжениям почти нечего. Византия практически непрерывно вела войны со своим давним и действительно опасным противником — Сасанидским Ираном, а затем оказалась втянута в изнурительную и потребовавшую колоссальных затрат всех видов ресурсов борьбу за восстановление прежних границ Римской империи на Западе. Во многом именно это обстоятельство сделало возможным нападения ее врагов с севера. И было их так много, что даже самим византийцам порой трудно было разобраться, с кем же приходится сражаться на этот раз. Тем более что и за Дунаем, среди варварских племен, шел непрерывный «естественный отбор» в борьбе за выживание и господство. Авары то подчиняли славян, то сами терпели от них поражения. А еще там бродили тюрки-протоболгары и прочие «гунны». И с каждым из их вождей приходилось искать общий язык, подкупая щедрыми дарами, усмиряя силой оружия, или сражаясь друг с другом.

Вскоре после вступления на престол императора Юстина I (518 г.) большое

Юстин I
(518-527 гг.).
Золотой солид.

В относительно
недолгое царствование
этого государя Византия
вступает в период длительных и чрезвычайных тяжелых войн со славянскими племенами, регулярно вторгавшимися из-за Дуная на территорию империи

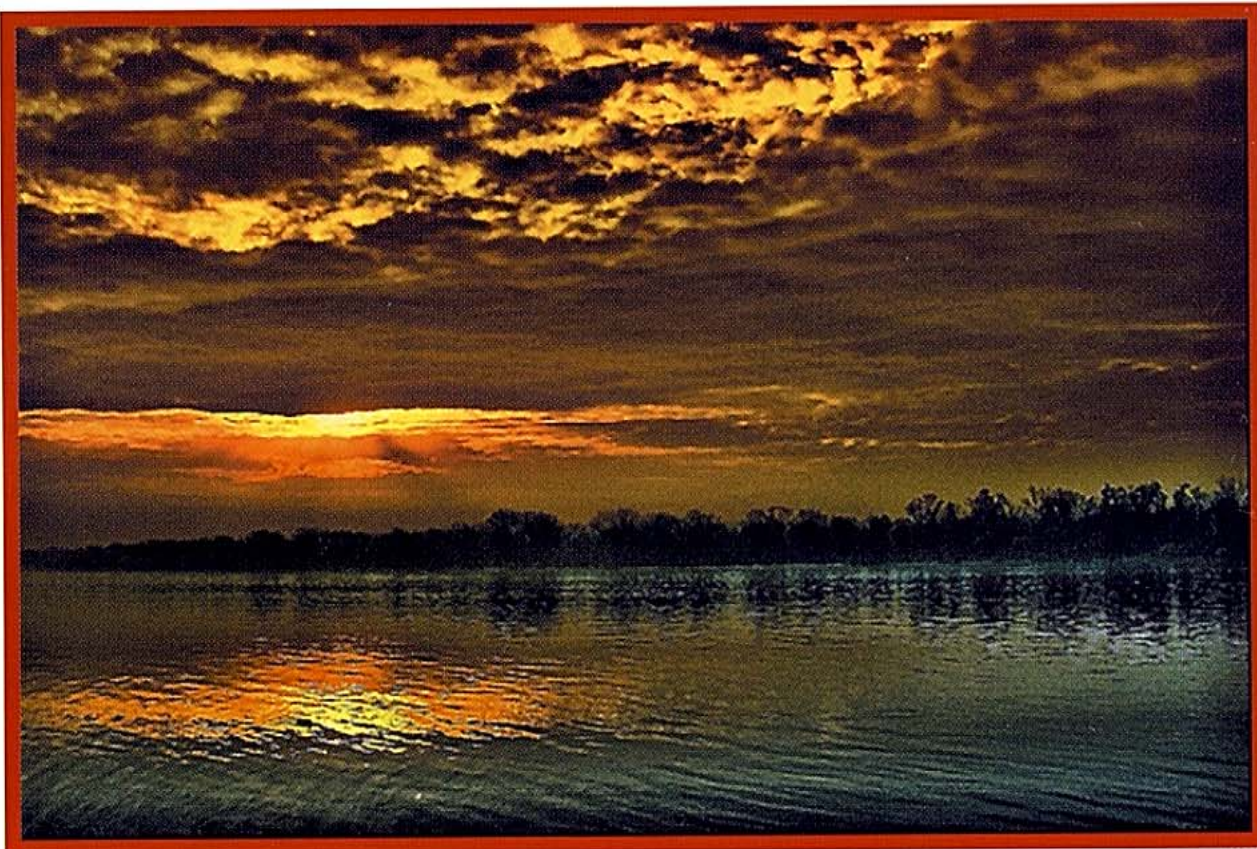
количество вооруженных антов вторглось на территорию Византии. Навстречу им были направлены войска под командованием талантливого военачальника Германа, которые нанесли варварам настолько тяжелое поражение, что до конца царствования Юстиниана они уже не решались проверять силу ромейского оружия. Зато при его преемнике Юстиниане I нападения возобновляются и, повторяясь все чаще, происходят почти ежегодно. Нашествиям подвергаются все европейские провинции: от Иллирика и Фракии, до самых предместий Константинополя и даже глубинных областей Эллады.

Набеги славян столь стремительны, что долгое время остаются безнаказанными. Прежде чем власти на местах или центральное командование в столице успеет принять какие-либо меры, они успевали, «сотворив ромеям ужасное зло», уйти с добычей за Дунай.

Положение несколько изменилось в 530 г., когда Юстиниан назначил стратигом Фракии умного и решительного Хилбуда (возможно, что он и сам происходил из славян). Командующий понимал — чтобы одолеть противника, нужно быть активнее его и наносить упреждающие удары. Хилбуд применил новую тактику. Он неоднократно сам вторгался в славянские земли за Дунаем, дотла разоряя их становища. Но всего три года спустя удача отвернулась от полководца. В одной из стычек он погиб, а его войска были разбиты. После этого северная граница империи практически лишилась прикрытия и стала доступна варварам всех мастей. Дошло до того, что Византия уже не контролировала земли к северу от линии Филиппополь — Адрианополь.

Напомним, что именно в этот период армии Юстиниана вели войны в Северной Африке и Месопотамии, так что ему приходилось изыскивать дополнительные (и, заметим, немалые) средства, чтобы привести в порядок крепости, возведенные на Балканском полуострове еще при Траяне и Константине. На какое-то время эти меры приостановили натиск из-за Дуная, но по-

том славяне научились осаждать и брать штурмом даже сильно укрепленные пункты. Теперь они не просто отправлялись в поход за добычей, но и достаточно долго, иногда годами, удерживали захваченные земли, а у империи не хватало сил для восстановления контроля над утраченными областями. На выкуп многочисленных мирных жителей, угнанных в полон, каждый раз уходили огромные суммы, а варвары, получая их, рассматривали христианское чело-веколюбие Империи как приглашение снова и снова вторгаться в ее пределы.

Солнечный закат на Дунае. Современное фото. Во второй половине VI века часто именно такие «кровавые вечера» предвещали неисчислимые беды жителям Балканских провинций Византии

В первой половине 540-х гг. «анты, обрушившись на области Фракии, многих ограбили и поработили из тамошних ромеев». Осенью 545 г. уже склавены снова разграбили Фракию, и только конница федератов-герулов, расквартированная там на зиму, смогла дать отпор варварам, истребив их в великом множестве. Но на численности склавинов и их желании сражаться понесенное поражение, будто и не сказалось. Всего три года спустя они снова ворвались на Балканы. Убивая и грабя, эта лавина докатилась до Диррахия на Адриатическом побережье. Находившееся в этой провинции византийское войско так и не решилось вступить в бой и только осторожно следовало за варварами, Грозная слава namного опережала продвижение славянского войска, так что уstraшенные гарнизоны не-

скольких крепостей сдали их, не оказав врагу никакого сопротивления.

В 550-551 гг. Империи вела против славян полномасштабную войну¹. Весной из-за Дуная вторглись три тысячи воинов, очевидно составлявших передовой отряд склавинов. Сначала они двинулись по долине реки Марица, несущей свои воды в Эгейское море, а затем разделили силы. Часть пошла на запад, в Иллирик, большинство продолжили наступление на юг, к Адрианополю. Стало очевидно, что оттуда они направятся к Константинополю. Действительно, рассеяв по дороге имперские войска нескольких провинций, склавины появились у крепости Цурул на дальних подступах к столице.

Здесь дорогу варварам попытался преградить занимавший важный пост в императорской гвардии военачальник Асвад, но его отборная кавалерийская часть была наголову разбита и обращена в паническое бегство. Самого Асвада взяли в плен и подвергли мучительной казни: из кожи его спины нарезали ремней, а затем обезумевшего от боли и истекающего кровью человека сожгли заживо.

Участь этого офицера разделили в тот год многие ромеи, причем не только военнопленные. Как писал Прокопий, «гунны, славяне и анты, творили над жителями нестерпимые вещи». Они убивали всех, не разбирая возраста и пола, причем «не мечами и копьями или каким-нибудь обычным способом, но вбив крепко в землю колья и сделав их возможно острыми, они с великой силой насаживали на них этих несчастных, делая так, что острие этого кола входило между ягодиц, а затем под давлением тела проникало во внутренность человека. Вот как они считали нужным обходиться с нами! Иногда эти варвары, вбив в землю четыре толстых кола, привязывали к ним руки и ноги пленных, и затем непрерывно били их палками по голове, убивая их таким образом как собак или змей, или других каких-либо диких животных. Остальных же, вместе с быками и мелким скотом, которых не могли гнать в отеческие пределы, они запирали в помещениях и сжигали безо всякого сожаления». Ужас охватил население Фракии...

Летом того же года Балканы накрыла новая, еще более мощная волна вторжения. Прокопий характеризует врага, как «полчище склавинов, какого еще не бывало». Оказавшись на южном берегу Дуная, славяне вышли к Наиссу и намеревались двинуться к Фессалонике. На этот раз план очередной кампании против остготов действительно был сорван. Юстиниану пришлось отменить отправку войска стратига Германа в Италию и послать его навстречу более опасному врагу. Опасаясь грозной славы полководца, который ранее уже наносил поражения славянам, они повернули в Иллирик, но так и не ушли из пределов Империи, а перезимовали в Далмации, «будто в собственной стране и не боясь никакой опасности». Это была первая зимовка славян в балканских провинциях империи. Отсюда они беспрепятственно разоряли державу ромеев, а весной следующего 551 г., усилившись подкреплениями, возобновили военные действия.

Славянские отряды, разорившие прошлой осенью Фракию, уже находились в окрестностях Адрианополя. По приказу Юстиниана сюда были стянуты крупные силы под командованием евнуха Схоластика. Не такой уж это был крупный специалист в военном деле, но в его подчинении находился ряд действительно способных военачальников. И все же, то ли оттого, что лучшие византийские войска сражались с готами в Италии, или по какой другой причине, но фортуна вновь отвернулась от ромеев.

Обнаружив перед собой императорскую армию, славяне заняли выгодную оборонительную позицию в укрепленном лагере на господствовавшей над окружающей местностью высоте. Византийцы настолько были уверены в победе, что не желали терять время, осаждая стан врага. Солдаты роптали, а когда выяснилось, что запасы провианта в лагере могут иссякнуть раньше, чем у варваров, их командиры, опасавшиеся бунта, двинули войска на приступ. Произошла страшная сеча, в которой все атаки ромеев подобно морским волнам разбились о несокрушимый утес обороны славян. «Многие лучшие воины погибли», а стратиги, «едва не попав в руки неприятеля, насилу спаслись с остатками, бежав, кто куда мог».

¹Обычно считается, что это нападение произошло благодаря союзу, заключенному между славянами и остготами. Таким образом, король Тотила надеялся помешать переброске имперских войск в Италию, где он вел напряженную войну с византийцами.

После этого победители, «проникшись презрением к ромейскому войску», повернули на Константинополь и вышли к Длинной стене. Отсюда до столицы империи рукой подать. Но варваров подвела самонадеянность. Конечно же, славянам было не под силу овладеть первоклассной крепостью. К тому же их продвижение сдерживали большой обоз и пленные, численность которых превышала все славянское войско.

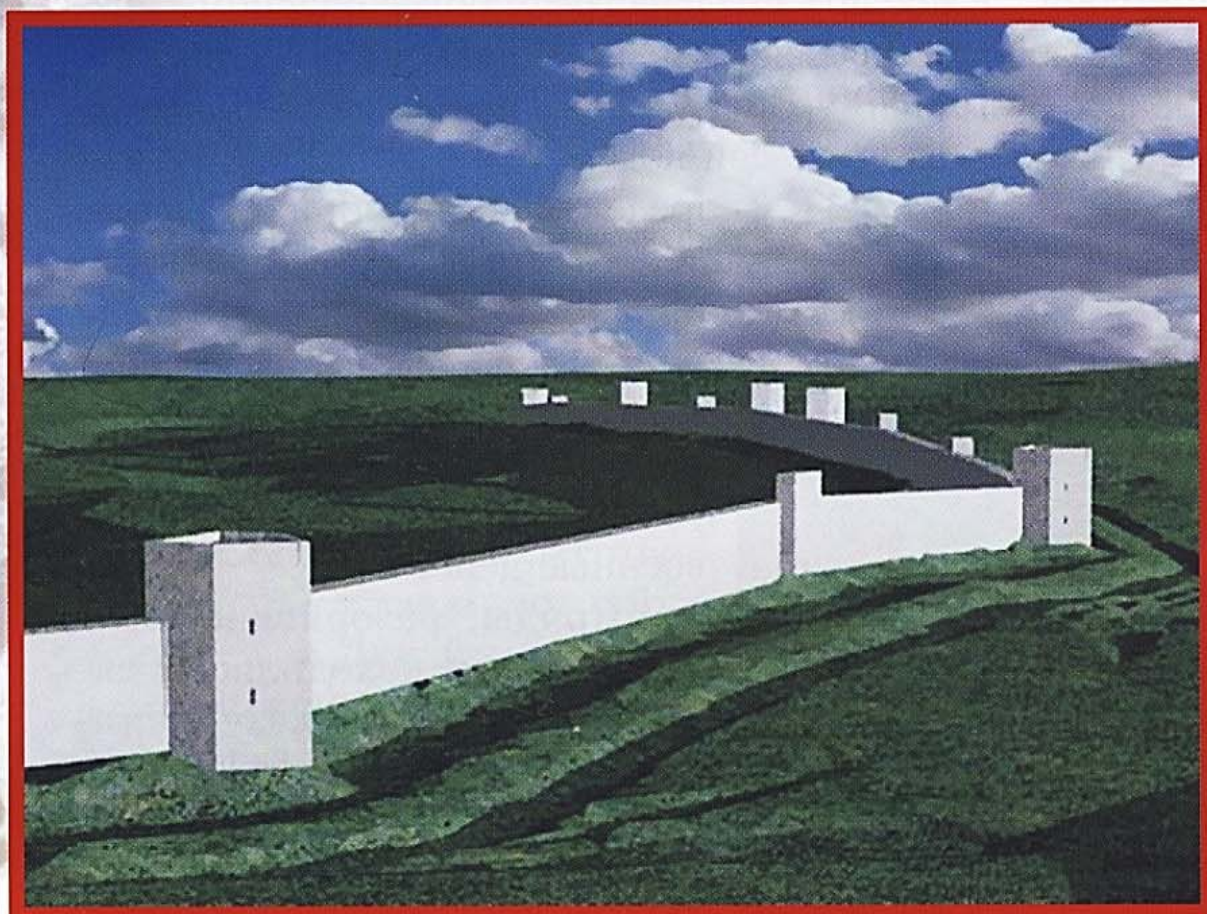
там за неприятелем, не оставляя его в покое его арьергард и не позволяя подолгу задерживаться на одном месте. Тактика весьма затратная, но в конце концов она все же принесла плоды. Склавины, «проведя в разбое значительное время, заполнили все дороги трупами и, поработив бесчисленное множество и разграбив все, со всей добычей вернулись домой» (т.е. ушли за Дунай). Так осенью 551 г. завершилось первое крупное вторжение славян в империю, показавшее неспособность византийской армии справиться со столь грозным противником в открытом бою.

В последующие годы обстановка на северной границе несколько стабилизировалась. Тому способствовали победоносное завершение ромеями Второй готской войны в Италии и их союз с лангобардами, призванный сдерживать неумеренную активность славянских племен, обитавших за Дунаем. Сыграли свою роль и масштабные усилия Юстиниана по укреплению существовавших ранее и строительству новых крепостей в балканских провинциях Византии. Но недаром писал Прокопий о болгарх и склавиных: «их обычай — и вести войну, не будучи побужденными причиной, и не объяв-

лять через посольство, и прекращать без всяких соглашений, и не заключать перемирия на определенное время, но начинать без повода и заканчивать одним оружием».

Действительно, в марте 559 г. нашествие повторилось, причем в еще больших масштабах. На этот раз славянские отряды появились вместе с ордами кутригуров (предков болгар). Для отражения этого нападения просто не нашлось сил, и если бы не полководческий талант постаревшего Велизария, то неизвестно, как сложились бы судьбы Византии¹. Но, даже отступив, варвары нанесли Ромейской державе огромный урон.

Обуздать диких северных пришельцев не удалось и после возведения трех линий крепостей к югу от Дуная. Тогда Юстиниан, признав невозможность справиться со столь опасным врагом, решил одолеть их чужими руками. Для этого он привлек по-

Длинная стена на подступах к Константинополю.
Современная реконструкция

Впрочем, в бой с варварами вступил не гарнизон царственного города (мы уже видели, что гвардейские части являлись парадными подразделениями, которые несли придворную службу и оказались неспособны к ведению настоящей полевой войны). Сильный удар с тыла по арьергарду славян нанесли пришедшие в себя после поражения при Адрианополе армейские части. В результате славяне были разбиты и стали поспешно откатываться к северу и дальше за Дунай. Фракия была спасена, но в Иллирике варвары, по-прежнему, продолжали бесчинствовать, творя «неописуемые беды».

Для отражения этой опасности Юстиниан снова задействовал войска, которых так не хватало в Италии. Но даже теперь, ромеи не могли сравниться по численности с полчищами врага. Все, что оставалось царским стратигам, так это следовать по пя-

¹См. об этом в книге «Византия — орёл и лев».

явившихся в Северном Причерноморье авар. Византийцы рассчитывали с их помощью усмирить своих давних врагов склавинов, но вместо этого, авары обрушились на другое славянское племя — союзных империи антов.

Произошло это потому, что посол антов Мезамер держался в ставке Баяна дерзко и вызывающе. Современник тех давних событий сообщал, что славянский «архонт» «изрекал слова высокомерные и в чем-то даже наглые». Баяна охватил приступ гнева, и Мезамера тут же прикончили. А разразившаяся затем война отличалась особым ожесточением, и в результате «владельцы антские были приведены в бедственное положение». Авары же с тех пор «стали еще больше разорять землю антов, не переставали грабить ее и порабощать соседей».

Константинополь не устраивало такое положение дел. И не то чтобы Юстиниан очень уж был озабочен судьбой антов, Тревогу императора вызвало требование аварского кагана предоставить земли для своего народа на правобережье нижнего течения Дуная в провинции Скифия¹. Вместо этого, государь пожаловал аварам для расселения Паннонскую равнину. Византия ничего не теряла, так как давно утратила контроль над этими землями. Зато имперские власти не без оснований рассчитывали, что новые пришельцы окажутся втянутыми в затяжной конфликт со склавинами и гепидами.

Впрочем, как мы уже знаем, обосновавшись на новом месте, авары вскоре станут и для Империи ее самой сильной головной болью. А славянские племена Паннонии, подчиненные их власти, уже вместе с «обрами» будут совершать набеги на балканские владения Византии. Те же славяне, которые обитали в низовьях Дуная, отстаивали свою независимость и продолжали сражаться на два фронта — как против авар, так и против ромеев.

Натиск варваров на Византию с севера возобновился уже в период правления пре-

емника Юстиниана императора Юстина II (565-578 гг.). Во второй половине VI века шло постепенное «просачивание» более или менее крупных групп славян за Дунай, но с середины 570-х гг. их продвижение в пределы империи стало носить гораздо более масштабный и откровенно силовой характер.

На рубеже 577-578 гг. 100 тысяч склавинов перешли Дунай испытанным способом — по льду и опустошили не только Фракию, но и Элладу, т.е. собственно греческие области. Было ясно, что это уже не набег войска, пусть даже очень большого, а расселение целого народа: с женами, детьми и стариками (хотя до старости в те беспокойные времена человек доживал очень редко).

Восход солнца на Дунае. Современное фото

У императора Тиверия II (578-582 гг.), который вел очередную и очень тяжелую войну с Персией, не было войск, чтобы остановить этот потоп. Он проводил все новые наборы в армию, но боеспособность новобранцев из числа жителей империи оставляла желать лучшего, а варвары-федераты (франки, алеманы, лангобарды) были ненадежны. Приходилось пополнять войска и вовсе уж нестандартными способами. Сохранились приказы Тиверия, предписывающие в качестве наказания за провинности отправлять солдат, проходивших службу в Египте, где

¹Современная румынская Добруджа.

обстановка была относительно спокойной, в действующую армию на Дунайскую границу.

Правда, все эти и ряд других мер помогали слабо. Тогда государь по примеру своего предшественника обратился к аварам, надеясь разжечь их вражду к славянам. Каган неожиданно легко согласился, и «заклятые союзники» осуществили совместную войсковую операцию. Огромное аварское войско (до 60 тыс. чел., т.е. шесть «туменов»), «облаченное в панцири», было переправлено византийцами через Саву, а затем, когда оно вышло к Дунаю, ромеи вновь перевезли его на кораблях Дунайской флотилии на северный берег этой полноводной реки. Здесь они предали огню и мечу селения врагов, уничтожая не только жилища, но и урожай в полях на корню, чтобы обречь склавинов на голод. Мера оказалась действенной. Уже весной, или в начале лета славяне очистили Элладу и поспешно ушли обратно за Дунай. Их второе нашествие завершилось провалом. Империя на время получила передышку, но даже теперь воинственные северные варвары не были побеждены.

Трудно представить, как они могли восполнять огромный урон, который несли в ходе почти непрерывных войн, но в 581 г. «проклятый народ склавины» огромными толпами опять вступили в пределы Империи и уже не вернулись назад. Началось третье, самое мощное славянское вторжение. По выражению византийского автора: «Они стремительно прошли всю Элладу, области Фессалоники и всей Фракии и покорили многие города и крепости. Они опустошили и сожгли их, взяли пленных и стали господами на земле». Последняя фраза говорит о том, что славяне оседали на захваченных землях, переходя к их хозяйственному освоению.

В ходе боевых действий славяне приобрели бесценный опыт. Если раньше они сражались пешими отрядами, да и то, как правило, «не смели показываться из дрему-

чих лесов», то теперь в их войске появились конные дружины, и они смело шли на приступ самых мощных укреплений.

Осенью 581 г.¹ 5000 склавинов, «опытных в военном деле», совершили внезапный налет на Фессалонику. На рассвете 27 октября славянский отряд вышел к городским стенам. Накануне жители праздновали день своего небесного покровителя Св. Димитрия, так что теперь неожиданная атака могла принести нападающим полный успех. И все же послепраздничная расслабленность никак не сказалась на боеспособности горожан. Возле храма Трех мучениц их вооруженные отряды дружно ударили на неприятеля.

Стены Фессалоники. Современное фото. Второй по величине и значению город европейской части Византии пережил за свою историю немало вражеских нападений, и почти все они были отражены, благодаря поясу мощных оборонительных сооружений

Автор «Чудес Святого Димитрия Солунского» объясняет этот феномен тем обстоятельством, что масса народу собралась для тушения вспыхнувшего в церкви пожара, а затем отказалась расходиться. Византийская толпа — опасный, горючий материал. Всегда готова взорваться каким-нибудь мятежом, или банальными погромами. В этой беспокойной обстановке, один из воинов-ветеранов воскликнул: «Горожане, варвары неожиданно появились у стен, выходите все

¹Хронология событий по разным источникам вновь расходится. Часть историков относит это нападение к 584 г.

с оружием за отечество!» И этих слов оказалось достаточно, чтобы, чем попало, вооруженные люди высыпали за ворота и здесь действительно столкнулись с приближавшимися славянами.

Схватка оказалась очень упорной. Противники трижды бросались в бой. Верх, попеременно, одерживала то одна, то другая сторона. Но славянам так и не удалось ни пробиться к стенам, ни расположиться у города полевым лагерем. В результате столкновение завершилось тем, что варвары «отступили в меньшем числе, чем напали».

Итак, набег был отражен, но сам факт, что пришельцы, не раздумывая, решили с ходу овладеть одним из наиболее укрепленных пунктов империи, свидетельствовал об их неустрашимости и готовности щедро проливать кровь, как свою, так и чужую. Потерпев неудачу под Фессалоникой, они все равно «захватили много городов и крепостей; опустошали и жгли, и захватывали в плен». Казалось, вся Фракия превратилась в дымящиеся развалины. Боевые действия шли также в Иллирике и в Нижнем Подунавье. По свидетельству современника, к 583-584 гг. славяне «стали властвовать на земле и живут на ней, властвуя, как на своей собственной, без страха...».

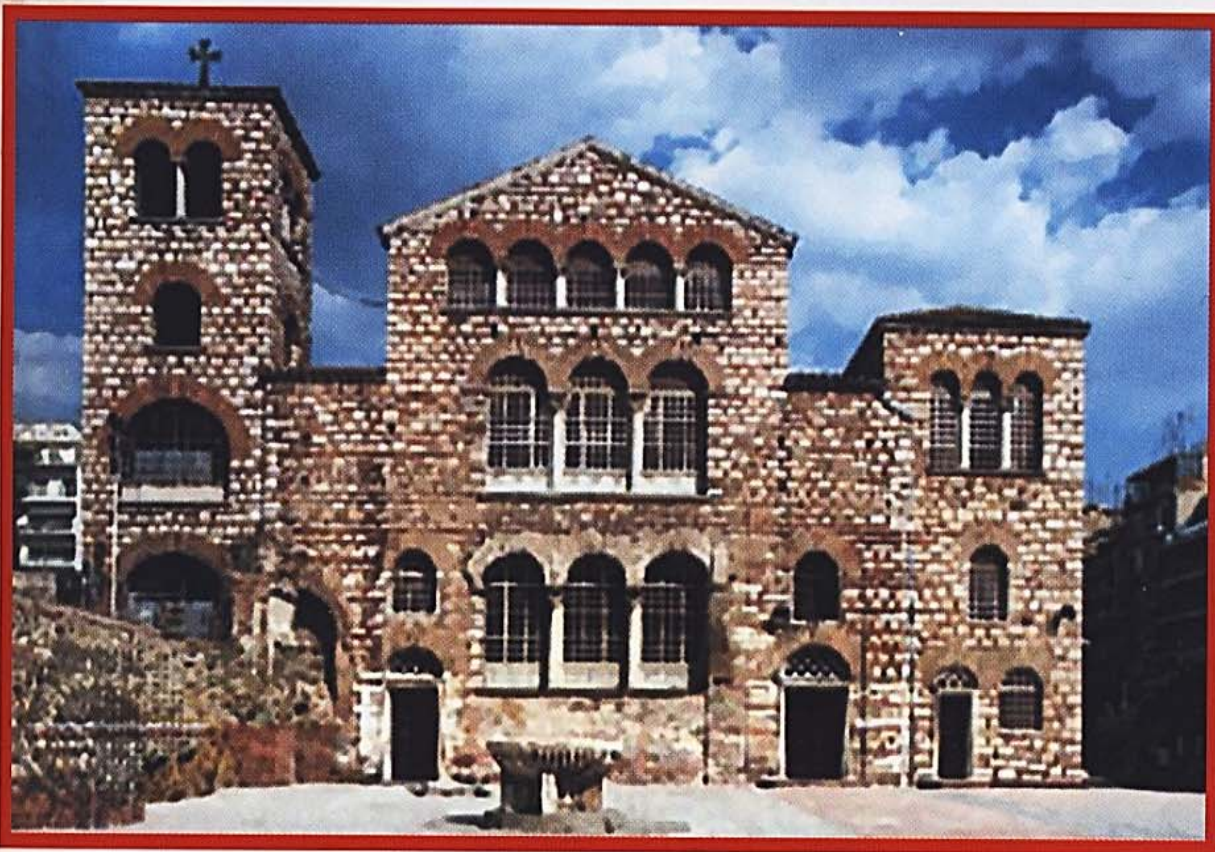
Первоначально выступив в союзе с каганом, склавины затем отделились от авар

и двинулись на юг — в Элладу. Здесь их ждал крупный успех — взятие Коринфа. Город был сожжен. Под угрозой вторжения оказался Пелопоннес, для защиты которого у ромеев не было войск. Правда, император Маврикий сумел натравить на склавинов их кровных родичей антов, но склавины все равно двинулись к Константинополю, а оттуда к причерноморскому Анхиалу, которым овладели совместно с подошедшими туда же аварами. «И обогатились они и приобрели золото, и серебро, и табуны лошадей, и много оружия. И они выучились воевать лучше, чем ромеи».

Пелопоннес и Далмация хотя и избежали вторжения, но оставались, по-прежнему, отрезанными от Константинополя и могли поддерживать сообщение со столицей только по морю. Лишь в 584 г., когда империя заключила с аварами мир на условиях кагана, война закончилась, но склавины так и не ушли из Византии. Всего лишь год спустя, конфликт с ними вспыхнул с новой силой.

На этот раз вождю склавинов князю Радогосту даже не пришлось переходить Дунай. События развивались молниеносно. Разорив «большую часть ромейской земли», его войско, «будто перелетев лавиной», подошло к Длинной стене на подступах к Константинополю. Император Маврикий во главе частей столичного гарнизона сам выступил навстречу неприятелю. На этот раз византийцы действовали энергично и умело. Славяне, не принимая боя, отступили на запад, но когда они попытались закрепиться на рубеже реки Эргиний, военачальник Коментиол решительно атаковал их и «учинил великое избиевание варваров».

Осенью того же, 585 г. года Коментиол, теперь уже в ранге Военного магистра¹ близ Адрианополя напал на главные силы Радогоста, который контролировал значительную часть Фракии. Сражение началось рано утром, и ромеи снова дрались злее. Склавины дрогнули и обратились в бегство, бросив добычу и полон. После этого

Церковь Святого Димитрия в Фессалонике.
Начало V в. с последующими изменениями.
Современное фото

¹Точнее *Magister militum in praesenti* — т.е. командующий армейскими частями, расквартированными в непосредственной близости к столице империи.

разгрома Радогост ушел за Дунай, но в провинциях, лежащих вдоль южного берега реки, все еще оставались славянские отряды, занимавшиеся грабежами. Добить их помешала очередная война с аварами, начавшаяся летом 586 г.

Помимо того, что каган в ходе этого конфликта опустошил на большом пространстве Правобережье Дуная, он еще «призвал к себе все звериное племя славян» и двинул их в поход на Фессалонику. Вождь играл по-крупному. Он знал, что славяне давно хотели захватить этот город, и будут сражаться за него, не щадя ни себя, ни врагов. С другой стороны, каган рассчитывал, что после падения такой стратегически важной приморской крепости сопротивление Византии резко ослабнет, и тогда императору Маврикию можно будет продиктовать новые, более жесткие условия мирного договора.

К этому времени вся Македония обезлюдела от чумы, а славянское войско насчитывало несколько десятков тысяч человек и стремительно продвигалось к Фессалонике, не встречая сопротивления. До столицы диоцеза Иллирик доходили чудовищные, превосходящие воображение слухи, будто бы там, где варвары останавливались на бивак, «иссыкали целые реки и источники», настолько многочисленной и ненасытной была их рать.

В ночь на 23 сентября передовые отряды славян¹ подошли к предместьям Фессалоники. Так скоро их появления здесь не ждали. И, как это обычно случается, сразу выяснилось, что город не готов к обороне. На стенах находились лишь небольшие дозоры. Жителей спасло только то, что в темноте варвары приняли за городские укрепления обширный и хорошо защищенный храм Св. Матроны. Пока варвары готовились к штурму, прошло какое-то время, и лишь с рассветом склавином стала ясна их ошибка. Тогда они, «аки лев хищный и рыкающий», устремились со штурмовыми лестницами на приступ.

И все же, захватить Фессалонику с ходу не удалось. Когда первый славянский воин, поднявшийся по лестнице, уже готов был ступить на стену, византийский солдат нанес ему мощный удар копьем и сбросил вниз. Падая, тот увлек за собой поднимавшихся следом, так что к подножию стены сверзилась целая куча искалеченных людских тел. Тут и в городе, наконец, вспыхнула тревога, и гарнизон занял позиции по боевому расписанию. Славянам показалось, что оцетинившиеся копьями силуэты в стальных шлемах стоят так плотно, что противник подготовился к обороне гораздо лучше, чем ожидалось, а любая попытка внезапного штурма обречена на неудачу. Выходило, что для взятия крепости нужна серьезная подготовка.

На следующий день склавины от моря до моря взяли Фессалонику в плотное полукольцо «сплошной стеной сомкнутых щитов». Остальные отправились мародерствовать в окрестностях и запастись продовольствием. Ведь заканчивался сентябрь, и крестьяне как раз убирали урожай. Теперь собранные ими хлеб и плоды садов достались захватчикам, не говоря уже о добыче, награбленной в пригородных селениях.

Панорама Фессалоникской бухты. Современное фото

Вечером, в быстро сгущающейся южной темноте, славянский лагерь озарился светом бивачных костров. Защитникам Фессалоники казалось, что жуткая огненная река широкой дугой охватила город. А когда склавины издали громоподобный

¹Впрочем, в состав этой армии входили также аварские и болгарские отряды.

Крепостные стены Фессалоники.
Современное фото

боевой клич, то ужас вступил в сердца ромеев. Один из участников обороны вспоминал, будто «земля тряслась и небеса таяли».

Всю ночь и целый день 24 сентября славяне строили осадные орудия и машины для штурма. Сразу стало ясно, что за несколько лет, прошедших с их последнего появления перед стенами Фессалоники, варвары не теряли времени и теперь могли уверенно обращаться с самой сложной боевой техникой. В их арсенале имелись тараны с железными лбами в виде бараньих голов, осадные башни-гелеполы, «черепахи» (искусственные укрытия для пехоты, сплетенные из прутьев и покрытые кожами), камнеметы различных размеров и калибров и другие хитроумные приспособления.

Наступило 25 сентября, и славяне предприняли яростный штурм городских укреплений. На северном и западном участках «более мужественные и самые жестокие», под прикрытием «черепак» и смертоносного града выпущенных стрел и камней, пытались подрывать основание стен ломами и топорами. Вряд ли такая тактика могла принести успех в случае активного противодействия обороняющихся. Действительно, воинам гарнизона и жителям удалось кипящей смолой поджечь несколько «чере-

пах». Охваченные паникой, горевшие заживо, склавины выбегали из укрытий и пытались сбить пламя. О продолжении штурма никто из них больше не думал.

Зато у восточных ворот крепости бой продолжался. Здесь работали несколько таранов, тяжело ухая в каменную кладку блестящими железными лбами. Для борьбы с этим оружием византийцы приготовили металлические крючья, которыми можно было подцепить таран и вывести его из строя. Сам вид такого крюка произвел на атакующих пугающее впечатление. Охваченные паникой, они сами подожгли свои орудия и бросились наутек.

Не удалась и попытка проникнуть в Фессалонику с юга. Склавины надеялись прорваться в гавань на огромном плоту, но волны унесли его от берега, и в открытом море он распался на отдельные бревна, погубив в пучине находившийся на нем десантный отряд.

Сокрушительный провал приступа означал и общий перелом в ходе осады. Горожане с высоты стен насмехались над варварами, а в лагере склавинов вдруг выяснилось, что запасов провианта на длительное время для столь большого по численности войска попросту не хватит. В Фессалонику, один за другим, стали пробираться перебежчики, которые просили только одного — чтобы их накормили. Поев, славяне говорили: «Не надеясь захватить вас, мы решили, что скорее спасемся у вас».

Тем не менее, 26 сентября штурм повторился. Правда, на этот раз он был предпринят не по всему периметру укреплений, а в восточном секторе обороны, у Кассандрийских ворот. Чтобы подобраться к ним вплотную, сначала требовалось разрушить палисад из толстых кольев, врытых в землю. В дело снова были пущены «черепахи», покрытые сырыми кожами. Находясь в них, склавины остервенело орудовали ломами и топорами, но завершить работу так и не смогли. Гарнизон предпринял смелую вылазку и обратил противника в бегство¹.

¹ Любопытно, что когда византийцы вернулись в крепость, то одну створку ворот им так не удалось закрыть. Однако славяне не воспользовались этим обстоятельством. Научившиеся считаться с боевыми качествами ромеев, они заподозрили, что им приготовлена какая-то ловушка, и даже не попытались ворваться в город.

Но даже этот успех не устранил угрозу падения Фессалоники. Всю ночь осаждающие расставляли вдоль линии укреплений множество камнеметов и с утра 27 сентября начали сильный обстрел города. Правда, вскоре выяснилось, что с боевой техникой варвары обращаются все же не очень-то умело. Камни летели почти непрерывно, но в стену ни один так и не попал, не долетая или перелетая, намеченные цели. А когда ромеи подожгли один из камнеметов, остальные сразу пришлось оттащить по-дальше в тыл.

Крепостные укрепления Фессалоники.
Современное фото

На рассвете 28 сентября действие метательных машин возобновились с новых позиций, но с прежней интенсивностью. Камнеметы были покрыты сырыми шкурами только что забитых животных, так что поджечь их не представлялось возможным. Но и обороняющиеся приготовили противнику тактическую новинку. Собрал из всех фессалоникских трапезных мешковину и парусину, которыми в харчевнях покрывались полы, греки натянули полотнища на каркасы из прутьев и использовали эту завесу для смягчения ударов при попадании. Честно говоря, не Бог весть какое прикрытие, но все же лучше, чем ничего...

Один из камней единым махом разнес в пыль толстый зубец крепостной стены.

Трудно сказать, что было бы, если «наводчики» делали свое дело более умело, но главная масса выпущенных снарядов, как и накануне, летела мимо цели. А вот метательные машины, установленные на укреплениях, разили врага наповал, и вскоре темп стрельбы со стороны нападающих стал заметно слабеть. Затем склавины и вовсе отступили в свой лагерь.

Положение для них складывалось критическое. Всерьез встала перспектива настоящего голода, а пополнять запасы продовольствия было негде. Как мы уже знаем, ранее

варвары опустошили всю округу подчистую. Дело дошло до того, что питаться приходилось «прахом земли»¹. И все же на состоявшемся военном совете вожди решили 30 сентября предпринять еще один штурм по всей линии оборонительных сооружений. Теперь это предложение казалось единственным средством спасения от голода.

Такой план, конечно же, не удалось сохранить в тайне. В городе о нем стало известно от новых перебежчиков. У жителей Фессалоники силы тоже подходили к концу, так что людей охватил «ужасный страх». Многим из них наступающий день представлялся последним днем жизни, но реальные события приняли совершенно неожиданный оборот.

После полудня «все варвары, подняв одновременно крик со всех сторон, отступили к вершинам, поспешно покинув палатки вместе со всем приготовленным ими. И таким был испуг, поразивший их, что некоторые бежали безоружными и не одетыми». Затем, «после того, как около трех часов они оставались на вершинах ближайших гор, наблюдая... когда наконец зашло солнце, они снова спустились к своим палаткам, грабили друг друга... так что было много раненых, а некоторые погибли».

На рассвете 30 сентября, толпы славян стали скапливаться у городских ворот, говоря, что главные силы их армии рассеялись. Горожане долго не могли поверить в произошедшее, но в конце концов все же

¹Кстати, интересно, а что это такое?

решились и открыли ворота. Вот что им поведали вчерашние враги:

«Мы прибежали к вам, чтобы не погибнуть от голода и, кроме того, зная, что вы победили в войне. Ибо мы убедились, что вы скрывали до сих пор в городе ваше войско и только вчера в восемь часов внезапно послали его с оружием против нас из всех ворот: тогда вы видели, как мы, побежденные, бежали к горам. Когда, спустившись вечером, мы узнали, что войско вернулось назад через ворота, тогда разделились между собой и грабили друг друга». Затем, «посоветовавшись, они бежали бесшумно всю ночь, ибо заявили, что до рассвета войско опять устремится против них. И вот они бежали, а мы остались».

Немало удивленные, представители городских властей заявили, что минувшим днем никакое войско из города не выходило. Но кто же, по крайней мере, был «во главе его»? И отвечивал варвар: «Муж огненный и сияющий, сидящий на белом коне и одетый в белую одежду». И стало тут ясно жителям и власть предержащим, что был то не кто иной, как небесный покровитель и заступник града Фессалоники — сам святой Димитрий.

Мы привели столь обширные пассажи из «Чудес святого Димитрия» потому, что никакого рационального объяснения случившемуся почти полторы тысячи лет назад просто не существует. И хотя сознание средневекового человека могло объяснить небесным вмешательством еще и не такие диковинные происшествия, но, не имея фактов, все наши современные экспликации (вроде массового психоза и зрительных галлюцинаций) покажутся столь же натянутыми. Как бы то ни было, продолжим...

Мощная армия вторжения в течение нескольких часов превратилась в сброд, неуправляемую толпу, которая в ходе панического бегства от города распадалась на все более мелкие группы и оставляла за собой трупы умерших от голода и погибших в междоусобных стычках. Так бесславно для варваров закончилась первая осада Фессалоники, а с ней пошла на спад и степень славянской опасности. Хотя полностью избавиться от этой угрозы империи так и не удалось.

Склавины расселялись на землях Македонии. Не оставляли они также надежд закрепиться в Элладе. Пока византийские

войска сражались с аварами во Фракии, славянские отряды дотла разорили Фессалию, а затем вторглись в Аттику. Ими были взяты и наполовину разрушены Афины, жестоко пострадал остров Эвбея. Примерно на рубеже 587-588 гг. варварам удалось ворваться в Пелопоннес. Имевшая стратегическое значение крепость Патры даже не стала обороняться. Население было изгнано из города и перебралось в южно-итальянский

**Святой Димитрий,
покровительствующий детям.**
Мозаика из храма в Фессалонике

порт Регий. Та же участь постигла Спарту. Уцелевшие жители бежали еще дальше — на Сицилию. Их место заняли возникавшие повсюду славянские поселения.

Менее чем за десять лет, с 580 по 588 гг., пришельцы из-за Дуная прочно осели на коренных греческих землях. Пройдет немало лет, прежде чем Империя сумеет восстановить контроль над данными территориями. Но даже три с половиной столетия спустя, в середине X века василевс Константин VII с горечью писал, что вся эта страна «ославянилась и сделалась варварской».

Ну а пока, положение удалось несколько стабилизировать только после окончания в 591 г. двадцатилетней войны с шахским Ираном. В 593 г. император Маврикий направил высвободившиеся с Восточного фронта войска в экспедицию против задунайских славян, поставив во главе армии ранее отличившегося в боях с аварами полководца Приска.

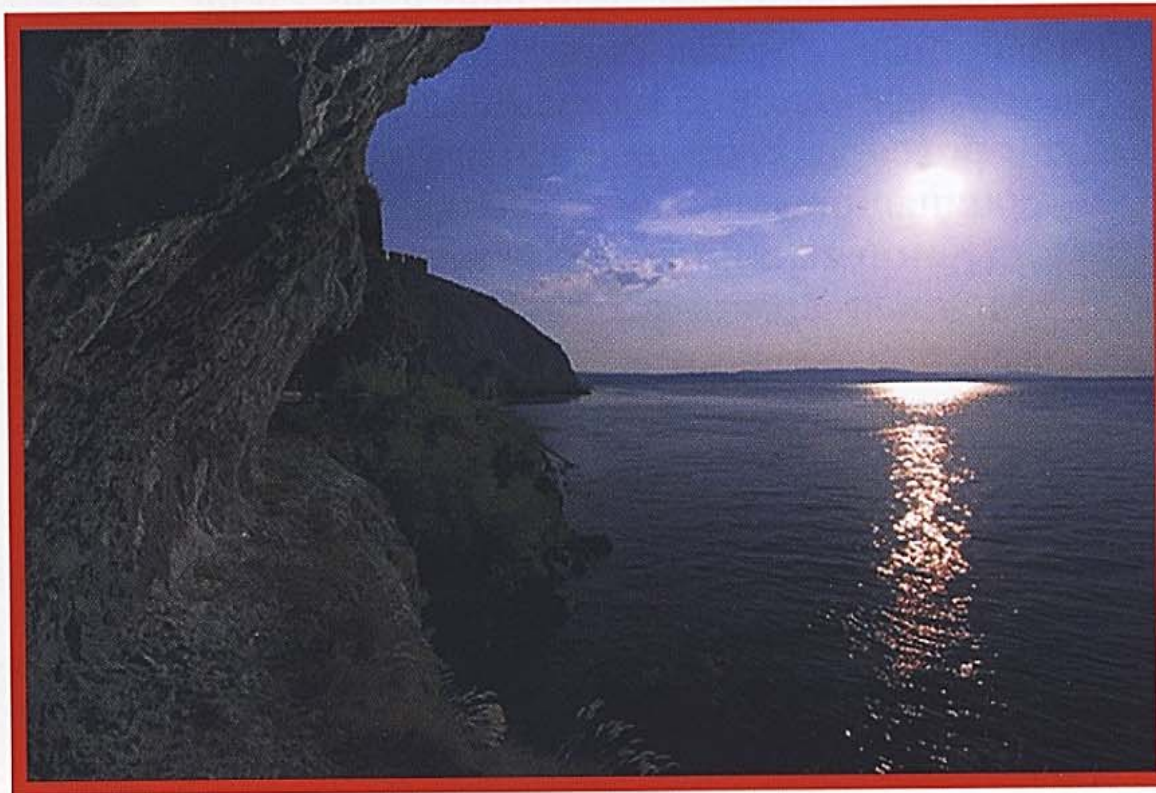
Переправившись через Дунай из Дристра¹, он ночью стремительно атаковал становище склавинов и рассеял их. Князь Радогост едва успел спастись. Но это было только начало кампании. Против ромеев выступил вождь племени дулебов Мусок. Его разведчики столкнулись с передовым византийским отрядом и после короткой стычки бежали, укрывшись «в близлежащих болотах и дикой чаще».

Командир авангарда Приска, таксиарх Александр тщетно пытался выкурить вражеских воинов из убежища. Огонь не брал болотные заросли. Наконец, перебежчик, родом гепид и «приверженец христианской веры», показал тропинку через топь, и славянских лазутчиков захватили живыми.

Их тут же подвергли допросу с пристрастием, применив тяжелые бичи. Одного лишь удара такого страшного орудия было достаточно, чтобы искалечить человека. Но даже теперь «варвары, впад в предсмертное безумие, казалось, радовались мукам, как будто это чужое тело испытывало страдания от бичей». В конце концов, всех пленников убили, а нужные сведения о противнике дал уже упомянутый гепид.

Получив важную оперативную информацию, Приск прибег к хитрости. Он отправил гепида к Мусоку, велел сообщить, что Радогост якобы просит прислать лодки для переправы его уцелевших воинов через реку Паспирий². Попавшись на эту хитрость, Мусок направил около полутора сотен моноксил, которые и захватили ромеи, перерезав беспечно спавших гребцов. Затем они перевезли на другой берег Паспирия около 3000 солдат и внезапно напали на лагерь Мусока.

Справедливости ради, нужно заметить, что победа византийцев в этом ночном бою оказалась во многом случайной и какой-то безалаберной. Дело было вот как. Приск узнал от разведчиков-катаскопов, что Мусок справляет тризну по умершему брату, так что вряд ли он и его люди находятся в сколько-нибудь вменяемом состоянии. Действительно, когда ромеи в полночь напали на лагерь славян, то застали их мертвецки пьяными. Грех было не воспользоваться таким случаем, и солдаты Приска устроили врагу кровавую баню. Дулебов убивали до самого рассвета. Мусок попал в плен. А вот дальше получилось совсем некрасиво. Прошло всего несколько дней, и уже сами ромеи «предались пьянству и наслаждениям». Тут-то и напали на них враги. Плохо бы пришлось недавним победителям, но на их счастье к месту боя подошла византийская пехота. Остается неизвестным, мог ли в это время Приск руководить войсками, но по-

Панорама Дуная. Современное фото

¹Славянский Доростол, современная болгарская Силистра.

²Современный румынский Сирет.

сле того, как нападение было отбито, он велел посадить на кол тех, кто должен был ночью нести караулы, а остальных высечь.

Но и на этом трудности для ромеев не закончились. После успешного окончания кампании Приск получил приказ оставить армию за Дунаем на зимовку, разбив там укрепленный лагерь. Солдаты роптали, говоря, что «морозы здесь невыносимы, а толпы варваров неодолимы». Тогда, опасаясь мятежа, военачальник решил отвести армию в пределы империи и ушел за Дунай.

Кроме того, из-за возможности нападения со стороны аваров, стратиг счел за лучшее поделить с каганом захваченной добычей. Как мы уже знаем, разгневанный отступлением, Маврикий отстранил Приска от командования и поставил во главе армии своего брата Петра. Летом 594 г. его войско перехватило славянский отряд, возвращавшийся из очередного набега. Казалось бы, варвары были обременены добычей, и их неповоротливость должна была оказать им дурную услугу. Но склавины окружили себя повозками и перерезали всех боеспособных мужчин из числа пленников, чтобы они не могли оказать сопротивление в ходе предстоящего боя. Женщин и детей согнали в кучу.

Византийцам ничего не оставалось, кроме как идти на приступ импровизированного укрепления. Противник упорно защищался, забрасывая атакующих дротиками. Но ромеи неуклонно приближались, и вот уже один воин вскочил на повозку и мощным ударом меча зарубил варвара. За первым храбрецом последовали и другие. Оборона была прорвана, а исход боя предрешен, но прежде чем погибнуть, славяне перебили всех еще остававшихся в их руках пленных. Тяжелая то была победа.

Следующие несколько недель командование армии пребывало в состоянии беспорядочной чехарды, порожденной прибытием из столицы, одного за другим, нескольких противоречивых приказов. 6 августа, выполняя волю императора, Петр начал переправу войск через Дунай, а уже 16-го вернулся обратно, так как в Константинополе были получены сведения о готовящемся вторжении неисчислимых славянских полчищ.

Пока брат государя бесцельно водил части вдоль южного берега Дуная в поис-

ках мифических вражеских орд, он успел поссориться с властями города Асим¹, требуя пополнений для армии. Дело шло к правильной осаде крепости, но, в конце концов, военачальник «охолонул», представив себе, какой резонанс эта «героическая» боевая операция будет иметь в столице. После этого Петр вновь форсировал Дунай и, не встречая сопротивления, углубился во вражескую территорию.

Подойдя к некоей реке², стратиг выслал на другой берег разведку, но его катаскопы после ночи, проведенной в прибрежных зарослях, под утро заснули и были врасплох захвачены славянским дозором. Теперь уже для ромеев пришел черед выдержать допрос с пристрастием, и они, «отчаявшись в спасении, рассказали все».

Не дождавшись возвращения разведчиков, Петр послал на другой берег авангардный отряд из тысячи воинов. Славяне атаковали их из засады и перебили поголовно. Начало боя не сулило византийцам ничего хорошего. Варвары, не таясь, выстроились сплошной стеной, но и стратиг ввел в дело главные силы. Еще на переправе, прямо из лодок они забросали противника копьями и обрушили на его войско град стрел. Такой тактический прием принес истине ошеломляющий эффект. Славяне дрогнули и в панике бежали. Их вождь, воевода Пирогост был смертельно ранен стрелой в бок, и больше некому было восстановить порядок в охваченной ужасом толпе. Развернув преследование, ромеи «учинили большую резню», но, из-за нехватки конницы, скоро вернулись и расположились лагерем на отвоеванном берегу.

А вот дальше удача отвернулась от византийцев. Углубившись в землю славян, они попали в безводную местность и, после изнурительного перехода, вышли к неширокой речке. Изнывающие от жажды люди бросились в воду, чтобы напиться, и тут же на них хлынул град стрел и копий. Многие воины погибли на месте. Попытка командиров организовать переправу и сойтись с неприятелем в ближнем бою также оказалась безуспешной. Солдаты выходили на противоположный берег отдельными группами, толком не зная, что делать дальше. Вдруг из-за стены деревьев на них устремились

¹Современный Осим в Болгарии.

²Очевидно, современный Арджеш в Румынии.

плотная масса славян. Они смели растерявшихся византийцев, нанеся им сокрушительное поражение. Только жалкие остатки разбитой армии собрал стратиг Петр и смог уйти с ними за Дунай.

Опыт ведения боевых действий против славян, император Маврикий обобщил в знаменитом памятнике военной мысли, трактате «Стратегикон»¹. Он предписывал применять в борьбе с ними самые жесткие меры: стравливать между собой вождей отдельных племен и в то же время не доверять перебежчикам из-за Дуная. Наступая на селения, нужно брать их в клещи, чтобы никто не мог ускользнуть и предупредить о надвигающейся опасности соседей. Жилища варваров следует подвергать беспощадному разграблению, а их обитателей, в особенности способных оказать сопротивление, уничтожать поголовно. Вполне вероятно, что именно эти теоретические положения византийские полководцы осуществляли на практике в ходе новых задунайских экспедиций.

Императору пришлось возвращать Приска на прежнюю должность командующего, но первая же его экспедиция против славян за Дунай привела к новой войне с аварами (595-598 гг.). Ситуация окончательно запуталась. Приск одержал несколько убедительных побед над разноплеменным вражеским воинством, но потом, уже по приказанию императора, вернул кагану ранее захваченных пленных. А затем Маврикий опять отстранил магистра от командования и снова поставил во главе армии своего брата Петра.

Летом 602 г. ромеи вновь перешли Дунай и начали разорять поселения склавинов. Однако, нежданная победа так и не принесла византийцам удачи. Очередная попытка императора оставить войска на зимовку за Дунаем привела к катастрофе, в результате которой Маврикий лишился не только трона, но

и жизни, а на престол был возведен неграмотный и жестокий сотник Фока. Что и говорить, подчас весьма причудливо складывались судьбы Византийской державы.

Именно в восьмилетнее царствование Фоки началось последнее крупное вторжение славян, причем как раз в то время, когда Византия в очередной раз оказалась втянута в долгую и трудную войну с персами. На Восток были переброшены почти все воинские контингенты империи, а на европейские провинции фактически махнули рукой. Аварам выплачивалась регулярная дань, но никто не мог помешать славянам расселяться на землях к югу от Дуная: в Далмации, Македонии и Элладе. Согласно источникам, первые вражеские отряды пересекли Дунай в районе крепости Бонония². Всего же в столь глобальной миграции приняли участие двадцать пять славянских племен. Часть из них двинулись на восток вдоль южного берега реки, что привело к крушению нижнедунайского участка укрепленной границы империи — *лимеса* и возникновению племенного союза Семи родов, с которым в конце VII придется столкнуться новым пришельцам — протоболгарам.

Вид на Охридское озеро и церковь Святого Иоанна. Современное фото. Появившись в Македонии в качестве безжалостных завоевателей, славяне впоследствии приняли православную веру и оказались интегрированными в Византийское содружество наций

¹В настоящее время большинство авторитетных ученых сходятся во мнении, что именно сам государь является автором этого труда.

²Современный болгарский Видин.

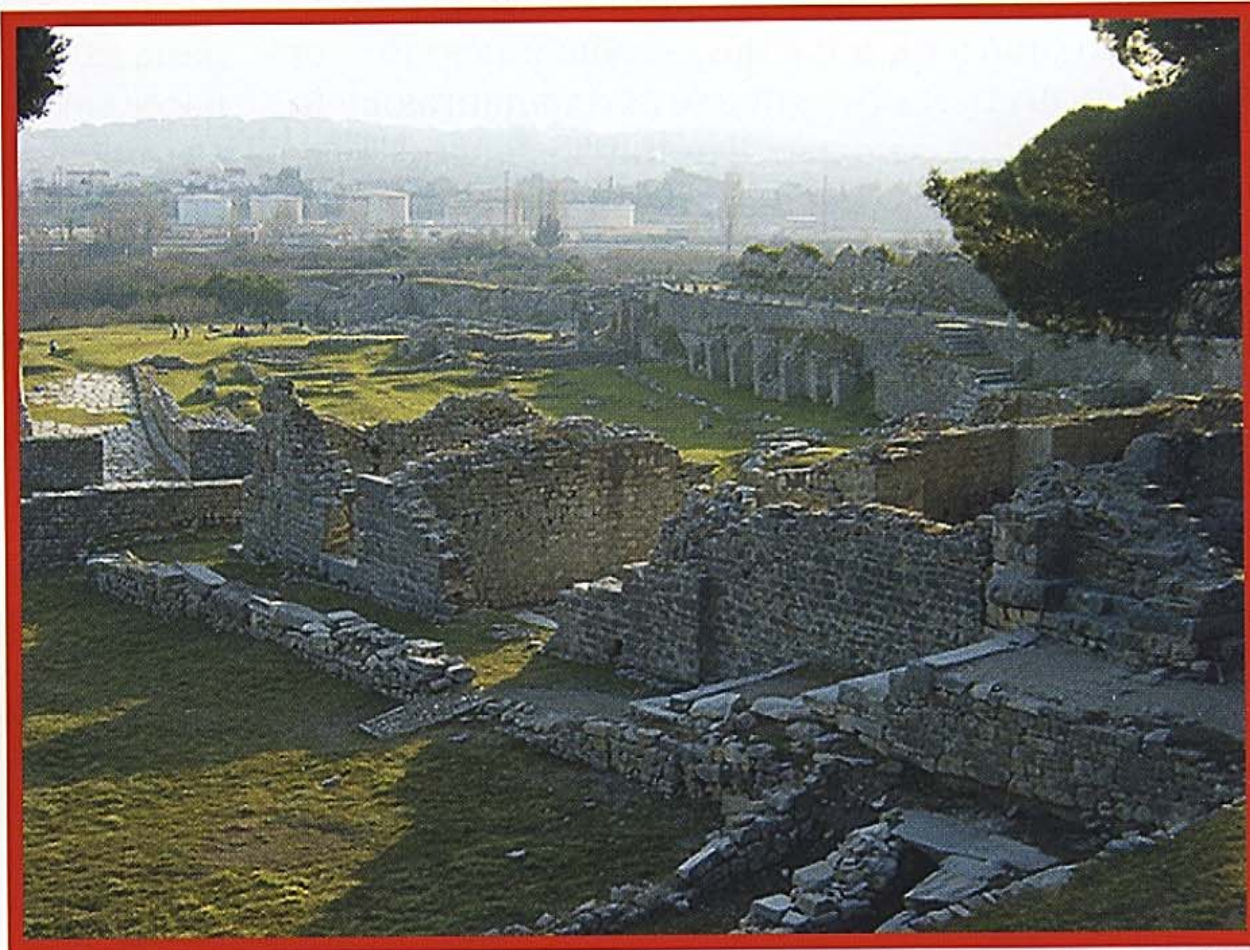
Другие продвигались на юг. Здесь на месте разрушенного древнего города Лихнид, было основано славянское поселение Охрид, а вслед за ним и ряд других. В ряде случаев земли для расселения передавал славянским князьям аварский каган, также воевавший в эти годы с ромеями. Бороться с ними пришлось и взошедшему на престол в 610 г. основателю новой династии василевсу Ираклию (610-641 гг.).

В 611 г. в летописи отмечено страшное опустошение славянами Истрии. Они заселили полуостров, разрушив многие из существовавших там с античных времен населенных пунктов. Язычники не пощадили даже дома Бога — христианские церкви. В 614 г. пала важная приморская крепость Эпидавр на юге Далмации. Город был razoren, жители перебиты, или обращены в рабство.

Следующей под ударами славян оказалась столица византийской Далмации — приморский город Салона. Их вожди считали, что, только овладев еще немногими остававшимися под контролем ромеев крепостями, они гарантируют свою безопасность на осваиваемых территориях. Силы предпринявшего нападение на Салону племени лендзян значительно возросли за счет их военного союза с аварми. Этнический состав объединенной армии варваров оказался настолько пестрым, что три с лишним столетия спустя ученый император Константин Багрянородный описал его несколько неожиданно: «славяне, они же авары». Так что, кого там было больше, утверждать наверняка невозможно.

Как бы то ни было, но когда каган с большим конным и пешим войском подступил к стенам города и обложил его тесным кольцом, незавидную роль пушечного мяса он отвел именно славянам. Защитники крепостных стен подверглись массированному обстрелу из луков и дротиками. А еще, с возвышающихся над укреплениями скал их засылали градом камней пращники. Наконец, осаждающие двинулись на приступ. Чтобы сокрушить городские ворота, славяне тащили за собой крутолобые тараны. Но

когда они приблизились к стене, обстановка резко поменялась. Теперь уже солдаты гарнизона обрушили на атакующих смертоносные снаряды. Тяжко ухающие баллисты и камнеметы то и дело поражали их увесистыми камнями, да так, что в плотно сомкнутом строю варваров то в одном, то в другом месте появлялись безобразные кровавые бреши. Нападающим просто не дали воспользоваться таранами, и они, теряя все новых убитых и искалеченных, бесславно откатились назад.

Руины Салоны, Хорватия. Современная фотография

Конечно, кагану и славянским вождям не привыкать было к обилию жертв, приносившихся их кровожадным богам. Осада продолжалась. День за днем приступы повторялись, а защитникам укреплений ждать смены не приходилось. Их силы и сама решимость сражаться таяли с каждым днем, и вскоре стало ясно, что следующий штурм отразить уже не удастся. А в гавани, словно указывая путь к спасению, спокойно покачивались на синей волне корабли. На их крепких палубах можно было разместить горожан и их имущество, дать возможность выжить старикам, женщинам и детям, столь беззащитным в обреченной крепости. И сердца жителей Салоны дрогнули. Первыми свое имущество отправили в порт на погрузку богачи. Заметив оживление в гавани, туда же хлынули простолюдины. Сразу обезумев, толпа сметала все на своем

пути. Стремясь добраться до судов, люди дрались за место в лодках и просто бросались в воду, вспенившуюся от барахтавшихся в ней тел. Многие тонули. Те, кому удалось добраться до заветной цели, отчаянно цеплялись, карабкались на борт, опасно креня корабли. Но мест хватало не всем. Обреченные метались по набережной, заламывая руки. Кругом царила неопишуемая паника, и тогда не выдержавшие нервного напряжения солдаты тоже стали покидать боевые посты на стенах. Для прекрасной Салона настал ее смертный час.

Воспользовавшись замешательством осажденных, славяне и авары ворвались в город.словно мстя за долгую осаду, варвары не столько грабили, сколько уничтожали доставшуюся им добычу. Дворцы, храмы и простые жилища одно за другим предавались огню и превращались в груды развалин и пепла. Так и погибла Салона, а поскольку погрузка на суда происходила в величайшем беспорядке, то и спастись, укрывшись на окрестных островах, удалось далеко не всем. Множество несчастных погибли: как от огня, так и от меча победителей. Но даже эти драматические события стали лишь прелюдией той трагедии, которую было суждено испытать Византийской Греции.

Славяне перенесли свои усилия в Далмацию. Совершая туда регулярные набеги, они в конце концов вынудили местное население бежать в приморские крепости, в горы, или на острова Адриатики. Как и другие балканские земли, Далмация стала славянской страной. Но даже море не остановило пришельцев.

В 614-615 гг., т.е. практически одновременно с Далмацией, нашествию подверглась и южная часть Иллирика, до самой Ахайи. Славяне пришли сюда из района Охрида. В низовьях македонских рек они построили большое количество лодок-моноксил, вышли в Эгейское море и стали грабить прибрежные и островные территории, все еще находившиеся под властью Византии. В самом скором времени славяне стали хозяевами Фессалии и Эпира, а ромеи во всем диоцезе Иллирике удерживали только Фессалонику. Но скоро пришел и ее черед.

В 616 гг. славяне подступили к стенам этой крепости. Пока высадившиеся на сушу десантные отряды разбивали полевой лагерь, с севера, востока и запада к городу

подходили племенные ополчения драгувитов, сагудатов, велеездичей, ваюнитов, верзитов и прочих варваров. Их общим вождем был избран князь Хотун. Отправляясь в поход, он обратился к жрецам, и те, прибегнув к гаданию, заверили, что в город можно будет войти, но не раскрыли подробностей того, как будет достигнут этот успех. В любом случае, такой ответ князю очень понравился.

Пока охваченные ужасом от рассказов беженцев о жестокостях, творимых славянами, горожане не знали, что предпринять для защиты от многочисленного и беспощадного врага, пришельцы готовились к штурму. Увидев, что в гавани нет византийских боевых кораблей, они решили атаковать город не только с суши, но и с моря. Для этого осаждающие занялись сооружением прикрытий для своих судов из досок, покрытых сверху сырыми шкурами, чтобы защитить воинов от зажигательных снарядов, которые ромеи будут сбрасывать со стен. На сухопутной линии обложения славяне устанавливали целые батареи камнеметов.

На подготовку к приступу ушли три дня. Одновременно славяне высматривали

Крепостные укрепления Фессалоники.
Современное фото

слабые места в обороне. В конце концов, они наметили одновременно нанести два мощных удара в районе гавани. Первый у храма Пресвятой Богородицы, со стороны моря вообще не прикрытого укреплениями, и второй «под башней у церковной лестницы», где имелись небольшие ворота, выломать которые, по-видимому, не составило бы особого труда.

Положение осажденных осложнялось тем, что Фессалоника не имела «способного правителя». И все же, варваров подвела самоуверенность. Пока они готовились к штурму, защитники города успели перекрыть вход в порт цепями, закрепленными на спешно построенных плавучих деревянных бонах, и усилили эту рукотворную преграду острыми кольями и клиньями. За ней вторую линию заграждений образовали сцепленные между собой тяжелые транспортные суда. Слабо защищенный участок местности у церкви прикрыли иным образом. Здесь был вырыт ров и ямы с вбитыми в дно кольями. Все это замаскировали досками, так что, в ходе неизбежного приступа, атакующих тут поджидал неприятный сюрприз. Успели предпринять и еще одну меру безо-

пасности. Чтобы враг не высадил десант прямо на портовый мол, на нем соорудили деревянную стену высотой в половину человеческого роста и разместили за ней сторожевой отряд пехотинцев.

Штурм Фессалоники последовал на четвертый день осады. Рано утром, едва взошло солнце, славяне двинулись на приступ густыми массами и с громким боевым кличем. Дорогу им прокладывала настоящая артиллерийская подготовка. «Как туча, несущая град, так закрыли свод небесный стрелы и камни». Пока они, «подобно снежным облакам», сметали защитников с укреплений, атакующие приставляли к стенам лестницы и бесстрашно карабкались наверх.

Но главный удар наносился со стороны моря. Обнаружив проход в боновом заграждении, команды моноксил устремились через него к храму Богородицы. Правда, фарватер оказался настолько узким, что лодки сгрудились, и в поднявшейся суматохе ритм их продвижения резко замедлился. Одновременной высадки на берег не получилось. С передовых моноксил еще выпрыгивали воины, а сзади им в корму на

полном ходу врезались все новые. От ударов плохо устойчивые суденышки переворачивались, люди оказывались в воде. Многие не умея плавать, тонули, другие хватались за борта соседних лодок, кренили и переворачивали их. Уцелевшие экипажи отбивались, как могли, от своих товарищей. Людей сплеча били копьями, прямо в волнах наотмашь рубили мечами. Но и дальше дела пошли не лучше...

Те, кто оказался на берегу, не заметили замаскированных ловушек и попадали в ров и волчьи ямы, подобно диковинным жукам насадив себя на острые колья. Ожидая новых подвохов, атакующие в нерешительности остановились. В этот самый момент горожане произвели внезапную вылазку, отчего замешательство только усилилось. У малых ворот славяне получили такой отпор, что

Храм Святой Софии. Фессалоника. Современное фото

их предводитель князь Хотун попал в плен, а остальные обратились в бегство.

Воины спешили к ладьям, проклиная злой город и его обитателей. Оставив на берегу темнеющие пятна трупов с кровавыми подтеками, славяне забрались в ладьи, которые уже не так грузно оседали в воду, и взяли курс к выходу из гавани. Но видно само небо в тот день прогневалось на сынов Севера. С моря подул довольно неожиданный в ранний утренний час свежий ветер. Моноксилы безжалостно кидало на камни, разбивало в щепки. Люди тонули во множестве. А море, будто пресытившись, не желало принимать столь обильную жертву. Живых и мертвых выбрасывало на крупную гальку. Уцелевшие суденышки поспешно уходили вдоль побережья к осадным лагерям.

Теперь уже ничто не мешало гарнизону Фессалоники закрепить одержанную победу. Из распахнутых ворот крепости вышел отряд ромейских «гоплитов» в полном вооружении. Стальной лавиной пройдя вдоль берега, они сбросили в воду еще пытавшиеся сопротивляться остатки славянского десанта и сноровисто отсекали головы убитым. Затем впечатляющие трофеи были выставлены на городских стенах, и сразу же павший духом враг отступил от сухопутных укреплений.

Бросив ставшие ненужной обузой осадные орудия и захваченную ранее в окрестностях добычу, варвары покинули свои лагеря и ушли от Фессалоники «в глубокой печали». Умные люди понимали, что нападение может повториться. Поэтому наиболее здравомыслящие горожане осознавали, каким ценным заложником в их руках является князь Хотун, но, увы, судьба предводителя славян оказалась трагической. В дом, где был помещен пленный «архонт», ворвались множество женщин. Как известно, у толпы своя, особая психология, не воспринимающая доводы разума. Подозревая городские власти в стремлении к сговору с врагами, обезумевшие фурии силой выволокли Хотуна на улицу, с издевательствами протащили его по городу и на окраине забили камнями.

Много лет спустя в «Чудесах святого Димитрия» появился красочный рассказ о том, как небесный покровитель Фессалоники — мученик в белой хламиде, обходил во время приступа городские укрепления и даже шествовал по морю, «аки по суху», повергая варваров в смятение. Сегодня нам проще признать, что штурм провалился из-за несогласованных действий атакующих, больших потерь, которые они понесли в первые же минуты, а также благодаря самоотверженному сопротивлению гарнизона и мощи крепостных бастионов. В любом случае, ромеи по праву могли гордиться одержанной победой.

Но, даже потерпев поражение, славяне не собирались отказываться от главной своей цели. Ведь взятие Фессалоники означало бы полное крушение власти Византии на Балканах, после чего пришельцы закрепились бы на этих землях навсегда.

Крепостные стены Фессалоники. Современное фото

Через два года (в 618 г.) приморская твердыня Византии подверглась третьей осаде варваров. На этот раз славяне заключили союз с аварским каганом. Внезапно появившийся у стен города отборный отряд его конницы, едва не ворвался в крепостные ворота, а когда это не удалось, авары безжалостно перебили людей, работавших на пригородных полях. Затем главные силы союзного войска обступили город с суши, и было врагов так много, что «повсюду виднелись только головы, и земля не выдерживала тяжести их наступления». Особенно

грозно в рядах осаждающих выглядели аварские отряды, облаченные в стальные доспехи.

По всему периметру сухопутных стен появились устрашающего вида камнеметы, и пока одни воины кагана снаряжали их к бою, другие готовили «черепаш» из плетенок и кож, «баранов» «из огромных стволов и хорошо вращающихся колес», третьи огромные деревянные башни, которые высотой превосходили городские стены, так что оттуда можно было обстреливать их защитников, а самим оставаться под прикрытием, четвертые вбивали особые колья для раскалывания крепостных ворот, пятые «выдумывали воспламеняющиеся средства», чтобы вызвать в городе пожары.

подземных толчков и укрепления дрогнули. Всем показалось, что капитальная каменная кладка не выдержит и рухнет. Авары бросились на приступ, но крепость выстояла. У подножия стены атакующие понесли новые потери и в беспорядке откатились.

Неудача не обескуражила варваров, а лишь раззадорила их злость. Каган решил продолжить осаду, не без оснований полагая, что грекам неоткуда ждать подкреплений. Однако в гавань продолжали регулярно приходить византийские корабли, доставлявшие необходимые припасы и наносившие противнику урон с моря, благодаря установленным на палубе камнеметам. Сами же они при этом оставались неуязвимы.

Панорама Дубровника (Хорватия). Современная фотография

В первый день противники ограничились действиями своей торсионной артиллерии. Причем метательные машины греков, установленные на стенах, работали очень эффективно. Выпущенные ими снаряды разрушали осадную технику врага и уничтожали его живую силу. Около полудня настал весьма драматический момент, когда судьба Фессалоники могла решиться не в пользу ее защитников. Внезапно раздался неясный гул, земля содрогнулась от сильных

И все же врагов было очень много, а потери в живой силе мало заботили их вожда. Целых тридцать и три дня авары, славяне и прочие племена держали Фессалонику в осаде. И все это время горожане мужественно оборонялись, вдохновляемые епископом Иоанном, который не устал повторять, что сам Господь Бог и заступник города Святой Димитрий покровительствуют народу православному в его справедливом деле.

Помимо помощи небесной, важную роль сыграло прибытие нового префекта диоцеза Иллирик Хариана. Опытный военный, он укрепил боевой дух защитников Фессалоники и предпринял ряд мер по усилению обороны. Воины гарнизона и горожане отразили несколько новых приступов, выведя из строя вражеские осадные машины и нанеся значительный урон неприятелю.

В стане осаждающих началось брожение. Славяне не хотели продолжать боевые действия, а для кагана было важно не потерять лицо после военной неудачи. Поэтому он прибег к угрозам привлечь к своему войску силы других народов и выжог окрестности. После этого город пошел на заключение мира. Осада прекратилась, а каган ушел, получив большой откуп.

На какое-то время Фессалоника не испытывала беспокойства от соседей. Поселившиеся в окрестностях славяне занимались земледелием и приходили в город на рынок, чтобы продать продукты и приобрести диковинные, но очень нужные в хозяйстве изделия ремесленников. Однако шли годы, менялись поколения, и в дальнейшем мирные отношения сменились новой враждой.

В 623 г. последовал славянский набег на Крит и другие острова в Эгейском море. Их десанты появлялись даже на побережье Малой Азии. В 626 г. они вместе с аварами штурмовали стены Константинополя. Зато в дальнейшем Ромейская держава сама использовала славян для борьбы с аварами.

Вскоре после избавления Константинополя от вражеской осады 626 г. император Ираклий привлек на свою сторону племена из «Белой Хорватии». Эти предки современных хорват очистили от авар Иллирик, а затем, по распоряжению василевса, поселились на землях между рекой Драва и Адриатикой. Позднее, к востоку от хорват Ираклий разместил еще одного славянского союзника — сербов, ранее обитавших к северу от Карпат¹.

И все же, в первой половине VII в. империя почти утратила контроль над Балканами, а на Адриатическом побережье у византийцев остались всего несколько приморских крепостей. В других районах власть Византии распространялась лишь на крупные города, где размещались царские гарнизоны. Населенные пункты рангом поменьше бы-

ли опустошены и разграблены. Таким образом, все огромные усилия, предпринятые, чтобы устранить славянскую угрозу, пошли прахом. На иных фронтах ромеи вели успешные войны с «цивилизованными» противниками и терпели губительные поражения, но ничего не могли поделать с северными варварами, которые теперь стали уже не просто неудобными соседями, а чувствовали себя на землях Византии вполне по-хозяйски. Места компактного расселения славян на Балканах и в Греции, как и сами их племенные объединения, византийские авторы называют *склавиниями*. Их обитатели отнюдь не считали свое положение на этих землях окончательно определившимся.

Надежду славянских вождей на успех будущих походов подогревали два обстоятельства. Во-первых, на рубеже 630-640 гг. империя столкнулась на востоке с новым опасным врагом — мусульманами-арабами. Даже такой талантливый полководец, как василевс Ираклий, не смог остановить их победоносное продвижение в Египте и на Ближнем Востоке. А уж его внук и преемник Константин II способностями стратега и вовсе не блистал. Во-вторых, и это было не менее важно, среди славянских племен наблюдался прирост населения, для которого уже не хватало ранее освоенной земли. Выросло новое поколение воинов, не помнившее прежних неудач. Зато неизменно приукрашенные и успевшие стать легендами рассказы старших о былых походах, рождали желание собственных подвигов, славных побед и богатой добычи.

Констант II
(641-668 гг.).

Золотой солид.

Во многом благодаря неуравновешенному характеру этого василевса, империя едва не потеряла Фессалонику, подвергшуюся самой длительной и тяжелой славянской осаде

¹Их ближайшие родственники, т.н. лужицкие сорбы, до наших дней живут в верховьях Одера.

Византия же, как и ранее, не могла держать на Балканах крупные воинские контингенты, а у страха, как известно, глаза всегда велики. В 645 г. обеспокоенный военно-политической обстановкой в регионе, наместник Фессалоники направил в Константинополь официальное донесение, в котором выдвинул ряд серьезных обвинений против вождя славян-ринхинов Пребуда. В этом, иначе не скажешь, доносе, утверждалось, что последний «с хитрым умыслом и коварным намерением злоумышляет против нашего города». Инвектива клеветническая, так как Пребуд знал греческий язык, ходил в одежде ромеев, перенимал их культуру и обычаи и вообще вел византийский образ жизни.

Трудно сказать, чего добивался эпарх. Возможно, он надеялся, что из столицы в его распоряжение пришлют дополнительные силы, и уже одним этим фактом напряженность в округе спадет сама собой. Однако бюрократы Священного дворца смотрели на дело совершенно иначе. Как мы уже говорили, обстановка была такова, что о присылке новых войск не могло быть и речи. Вместо этого Константин II приказал эпарху Фессалоники каким-либо образом захватить славянского вождя-заговорщика и связанным прислать его в царственный город.

Не исключено, что эпарх уже и сам не рад был затеянной им интриге, но высочайшего приказа не ослушаешься (себе же выйдет дороже). Поэтому, воспользовавшись тем, что Пребуд как раз гостил в Фессалонике, его предательским образом лишили свободы, заковали в цепи и отправили в Константинополь. А потом события приняли неожиданный оборот. После столь изощренного (но, и это следует признать, в общем-то, обыденного для нравов той эпохи) коварства, все его участники, казалось, опомнились. Ринхины и горожане-солунцы направили в столицу совместную делегацию, умоляя императора не предавать Пребуда смерти и вернуть ему свободу. Василевс вроде бы тоже был настроен совсем не кровожадно. Константин велел снять с князя оковы и предоставил ему достойные условия существования. Впрочем, все мысли автократора были заняты подготовкой военно-морской экспедиции про-

тив арабов в Египет, так что он решил к вопросу освобождения Пребуда вернуться после окончания предстоящего похода. Ну а потом случилось непоправимое. Видимо, опасаясь полагаться на переменчивое настроение царя, Пребуд бежал из Константинополя. Конечно, Константин впал в неописуемый гнев и, лишь укрепившись в своих подозрениях, по всем правилам завел розыскное дело и жестоко покарал, как причастных к нему, так и множество посторонних. Людей страшно пытали, а потом рубили головы или четвертовали. Пребуд также был казнен, а фессалоникцам император повелел готовиться к войне против славян. В самом деле, теперь она началась немедленно.

Славяне предприняли четвертую, самую длительную осаду Фессалоники. Это произошло в конце лета 645 г.¹, когда империя отправила войска в Египет и не могла оказать столице Иллирика существенную помощь. С востока и севера город обложили струмляне, с запада племена ринхинов и сагудатов. Союзники договорились тревожить противника ежедневными нападениями. Намечалось также ввести в гавань ладьи, чтобы атаковать греков с моря. Этими комбинированными усилиями планировалось измотать обороняющихся, а затем крепость должна была сама упасть в руки, как перезревший плод.

На этот раз обошлось без кровопролитных приступов. Славяне просто прекратили в город подвоз продовольствия. Попытки отдельных кораблей прорваться в Фессалонику неизменно пресекались связанными между

Укрепления Фессалоники. Современное фото

¹Некоторые историки датируют эти события 675-677 гг.

собой в плавучие платформы однодревками-моноксилами. Окрестные поля с созревшим урожаем славяне вытаптывали, или сжигали на корню, а жителей, выходивших за крепостные ворота в поисках съедобных трав и кореньев, поджидали в засадах, захватывали, грабили и убивали. Дополнительные проблемы осажденным доставили беженцы из ближних селений, пытавшиеся укрыться за городскими стенами. Они лишь увеличивали количество едоков, а запасы провианта таяли еще быстрее, так что, по распоряжению властей, этих несчастных почти с самого начала просто перестали пускать в город.

Муки голода терзали людей острее вражеских стрел, вынуждали сводить счета с жизнью. Появились первые перебежчики. Думая лишь о том, как накормить детей, они пробирались в лагерь варваров. Умоляя о корке хлеба, отрекались от веры Христовой. Но даже это мало помогало. Славяне начали продавать в рабство доверившихся им солунцев.

Серьезный урон был нанесен и гарнизону крепости. В город были подброшены сведения, что в стане осаждающих зреет раскол, и часть из них готова перейти на сторону ромеев. На соединение с этими мифическими союзниками из крепости был немедленно выслан отборный отряд, но у северных дюн его атаковали из засады и поголовно уничтожили.

Два года длилось изматывающее противостояние, и пришло время, когда даже самые мужественные пали духом, а «всякое человеческое искусство и выдумки стали бессильны».

Оставалась последняя надежда — попытаться прорвать морскую блокаду и, закупив продовольствие (кстати, тоже у славянского племени велеездичей), доставить его в Фессалонику. В гавани были собраны все, еще пригодные к плаванию и бою корабли. Их экипажи усилили отрядами воинов, у которых пока были силы сражаться.

Когда флотилия вышла из порта, славяне не осмелились атаковать ромейские корабли на своих челнах. Зато они поняли, что теперь город и в самом деле находится в отчаянном положении, и решились, наконец, произвести общий штурм Фессалоники.

Опытные мастера из племени дреговичей готовили осадные машины и ковали оружие. Один особо одаренный «манганарий», т.е. военный инженер и специалист по разработ-

ке и эксплуатации боевой техники, «дельный и разумный», предложил даже построить трехъярусную башню-гелеполу. Однако, если верить автору «Чудес святого Димитрия», прежде чем воплотить сей грозный проект в жизнь, изобретатель внезапно впал в безумие и, несмотря на все попытки удержать его, убежал и скрылся «в труднопроходимых горах». Зато в том же источнике сохранились сведения, что у славян имелись даже какие-то «огненосные орудия»¹.

Решающий приступ состоялся утром 26 июля 647 г., когда от боевого клича славян «земля затряслась и стены зашатались». Сомкнутым строем в атаку шли отряды лучников, щитоносцев, копьеметателей, пращников и других воинов. В первых рядах находились «храбрейшие с лестницами и с огнем».

Со стороны моря действовали «соединенные корабли» (т.е. связанные между собой челны-моноксилы). На северном участке обороны славяне подожгли деревянные створки ворот и поддерживали жаркий

Святой Димитрий с донаторами храма (епископом и эпархом Фессалоники).
Византийская мозаика, вторая половина VII в

¹Вероятно, речь идет о зажигательных метательных снарядах.

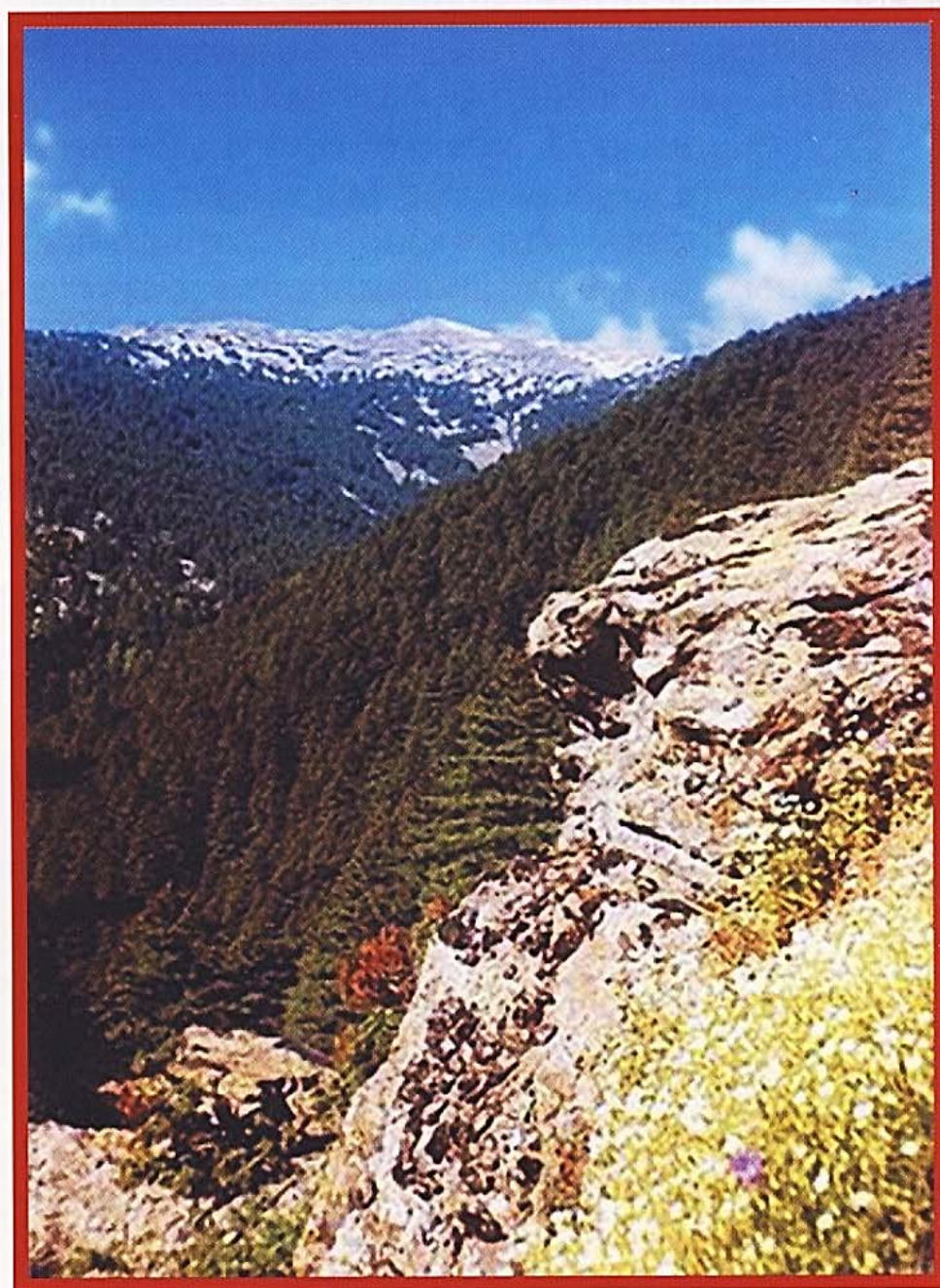
огонь, пока другие участники штурма обрушили на защитников настоящий град копий, стрел и камней, не позволяя им высунуться из-за зубцов крепостной стены. Наконец, деревянная обшивка ворот сгорела дотла, и атакующие ринулись вперед, но здесь их поджидал неприятный сюрприз. Мощный металлический каркас ворот не только устоял, но даже спаялся от жара и превратился в непреодолимую монолитную преграду. Среди славян возникло замешательство, и, неся потери, они отпрянули. Надо ли говорить, что византийцы приписали эту неожиданную удачу заступничеству Святого Димитрия. Некоторые воины потом утверждали, что видели, как великому-ченику Божий ударами жезла гнал варваров от города. Полным провалом, и очевидно также благодаря небесному вмешательству, закончился приступ и на других участках обороны. Поскольку славянам «незримо было причинено множество побоев, ран и убийств не только в этом месте, но и по всей суше и у моря».

И все же, даже столь явные неудачи не сломили решимости нападавших славян овладеть, по-прежнему, неприступным, но таким манящим городом. На протяжении трех следующих дней атаки продолжались. Гарнизон и жители, без различия возраста и пола, мужественно сражались и отразили все нападения. После новых неудач среди различных славянских племен и, особенно между их вождями, начались распри. Все занялись поисками виновных, выясняя, кто же первым подал идею взять Фессалонику, исходя из того, что город почти беззащитен и не окажет серьезного сопротивления. Именно этот разлад и положил конец осаде. Союз распался, а вчерашние соратники тихо снялись со своих станов и разошлись в разные стороны. К тому времени вернулись и корабли, посланные за продовольствием. И хотя до конца года ринхины и сагудаты продолжали набеги на окрестности города, но угроза захвата Фессалоники славянами была устранена.

Десять лет спустя, в 658 г. сам император Констант во главе большого войска выступил к Фессалонике и обратил в бегство пытавшиеся преградить ему дорогу в горных теснинах отряды струмлян. Но это был довольно непрочный успех. Славяне продолжали совершать морские набеги на острова и побережье Мраморного моря, угрожая со-

рвать поставки продовольствия в Константинополь. Когда же василевсу пришлось снова вести войну с арабами, многочисленные славянские подразделения, входившие в состав его армии, перешли на сторону противника и получили от халифа земли для расселения в Сирии.

Чтобы устранить опасность славянских нападений, в 687-688 гг. император Юстиниан II, который обеспечил себе мирную передышку, заключив мир с арабами, предпринял мощный поход в Македонскую «Склавинию». Перебросив из Малой Азии в Европу закаленные в боях с мусульманами отборные кавалерийские части, он привел к покорности ряд славянских племен: одни подчинились силе оружия, другие, устрашенные примером соседей, вовсе не оказали ему сопротивления. Но даже этот жестокий правитель пришел к выводу, что высокие боевые качества славян лучше все же использовать в интересах империи. После одержанных побед он приказал пересе-

Горная Македония. Современное фото. Василевсам Византии пришлось потратить немало усилий, чтобы восстановить контроль над этими землями, ранее прочно освоенными славянами

лить в Малую Азию тридцать тысяч славянских воинов вместе с их семьями¹.

Таким образом, Византии хотя и удалось справиться с натиском славян, но одержать военную победу над ними она так и не смогла. Когда острота вооруженного противостояния спала, обширные области Македонии и Греции в течение нескольких столетий оставались неподконтрольными имперским властям. Стоило Константинополю начать собирать в полном объеме с этих подданных все положенные налоги, славяне восставали, и кровь с обеих сторон лилась потоками.

В VIII столетии василевсам Византии было не до славян. У империи нашлись и более опасные враги. На востоке ромей воевали с арабами, на северо-западе с болгарами, в Италии была утрачена территория Равеннского экзархата, захваченная лангобардами. Только автократор-воин, непреклонный и жестокий Константин V, у которого хватало сил и энергии сражаться на всех фронтах, около 764 г. совершил карательную экспедицию против македонских славян. Поход увенчался полным успехом. Князь северян Склавун не мог противостоять стальным царским тагам и был наголову разгромлен. Другие племена оказались меж двух огней. Не желая сражаться против Византии в составе войска болгарского хана Телеца, они обратились к Константину с прошением переселиться на какие-нибудь более спокойные земли. Василевс пошел им навстречу и переселил более 200 тысяч славян в Вифинию в Малой Азии.

Несколько позднее руки дошли и до внутренних областей Греции. В 783 г. властолюбивая императрица Ирина, фактически правившая Ромейской державой царством за своего малолетнего сына Константина, послала против славянских народов «великую силу» во главе с евнухом Ставракием. Был он патрикием и даже «счетчиком ипподрома» и вообще «важнейшим начальником и всем тогда управлял», а значит, по византийским обычаям, вполне мог командовать армией.

Ставракий прошел Фессалонику, Элладу, а затем проник в Пелопоннес, «покорил всех и сделал данниками царства», после чего возвратился со множеством пленных и великой добычей, за что удостоился триумфа на ипподроме в Константинополе.

Несмотря на столь очевидные успехи экспедиции Ставракия, ближайшие события показали, что у империи так и не получилось закрепить свое господство над славянами в Греции. Семьи оплакали угнанных в полон родных и понесенный материальный урон, но собранная дань, по-видимому, так и не стала регулярно взыскиваемыми в казну податями. Когда в 799 г. в Афинах возник заговор в пользу водворенных туда на жительство сыновей василевса Константина V, ослепленных по приказу Ирины², то это движение поддержал князь славянского племени велесичей Акамир. И хотя заговор был раскрыт, а следствие жестоко наказало причастных к нему лиц, но было очевидно, что славяне никоим образом не стали верноподданными Империи.

Действительно, уже в 805 г. славянские племена северного Пелопоннеса восстали и осадили город Патры, предварительно разграбив его окрестности. По-видимому, этот мятеж вспыхнул осенью, когда обычно и собирались налоги. Дальнейшие события показывают, что византийские власти оказались к нему не готовы. В городе подходили к концу запасы продовольствия, а стратиг местной фемы Склир вовсе не торопился оказывать Патрам помощь. Горожане уже намеревались вступить со славянами в переговоры, чтобы, получив гарантии личной безопасности, сдать им Патры, но положение изменила одна единственная вылазка гарнизона. Славяне были опрокинуты и обращены в бегство. Спасение это выглядело настолько чудесно, что впоследствии церковь приписала его заступничеству святого апостола Андрея. Во всяком случае, именно так стратиг Склир, прибывший только на третий день после избавления города от осады, мотивировал произошедшее в официальном рапорте василевсу Никифору.

¹Предполагалось, что они будут нести пограничную службу и сражаться против мусульман. Однако в ходе очередной войны с арабами, значительная часть этих славян снова перешла на сторону противника, после чего рассвирепевший Юстиниан приказал предать лютной смерти «членов семей изменников Родины». См. об этом в книге «Византия — щит Европы».

²К этому времени боголюбивая василисса Ирина успела ослепить не только деверей, но и родного сына и стала единовластной правительницей империи. Тем не менее, православная церковь чтит ее как восстановительницу иконопочитания.

Императоры
Феофил
и Михаил III.
Золотой солид

Позднее в византийской хронике отмечается, что этот самый Склир, «напав, взял народ *сфлавинов* войною и уничтожил окончательно», а остальные «крестились и присоединились к вере христианской». На самом деле, даже после этого, успехи византийцев не стоит переоценивать. Пелопоннесские славяне были переданы митрополии Патр, но и такое «святое служение» не охладило их воинственного пыла. Около 840-841 гг., т.е. в царствование василевса Феофила и сына его Михаила, они снова взбунтовались и стали самостоятельными, «творя грабеж, порабощение, разбой, поджоги и воровство». Для подавления этого выступления, носившего массовый характер, пришлось задействовать воинские контингенты сразу нескольких фем европейской части Империи. Создав перевес в силах, стратиг Пелопоннеса протоспафарий Феоктист разбил мятежников и обложил племена милингов и езеритов данью. Кроме того, они обязались нести воинскую повинность и «иные службы для казны».

По-видимому, наложенные обременения показали славянам тяжелыми и в цар-

ствование Романа I (920-944 гг.) они снова восстали. Являвшийся к этому времени правителем фемы Иоанн Протевон доносил императору, что милинги и езериты «ни стратига не слушаются, ни царскому повелению не подчиняются, а являются как бы независимыми и самоуправляющимися». Тогда «василевс господин Роман» повелел своему протоспафарию Криниту Аротре, чтобы тот «выступил против них, разгромил в борьбе, покорил и уничтожил их». Но, даже имея в своем распоряжении значительные воинские силы, Кринит смог справиться с восстанием двух племен только за восемь месяцев. Ресурсы славян были истощены (Кринит начал с того, что выжег их посевы, и теперь впереди маячила перспектива голодной зимы), так что милингам и езеритам ничего не оставалось, кроме как просить прощения «за совершенное ранее». В силу несказанной милости василевса, на славян была наложена еще большая дань, и стали они, как говорится, жить-поживать, да добра наживать.

Зато следующий мятеж-апостасию возглавил не кто-нибудь, а очередной стратиг Пелопоннеса Варда Платипод. А еще в фему вторглись какие-то злобные «слависианы». На этот раз милинги и езериты сохраняли нейтралитет и лишь били челом автократору, умоляя его простить им надбавки к налогам и платить их в прежних (до повышения) размерах. И господин Роман василевс, одарил верноподданных от щедрот своих, особой грамотой-хрисовулом снизив размеры вносимой в казну дани.

Лишь теперь, пожалуй, Византия вновь обрела власть над славянами, некогда расселившимися в Греции.

ВЕНГРЫ

Будапешт, Площадь героев. Памятник 1000-летия Венгрии.
Современная фотография

несколько волн миграции кочевых азиатских народов, докатившихся в раннем средневековье до равнин Восточной и Центральной Европы, принесла немало бед, в конце концов схлынули, не оставив следов, подобно тому, как пена, взбитая энергией бескрайнего океана, остается на берегу, а потом исчезает под лучами непобедимого солнца. Единственным исключением из этого правила и напоминанием о тех беспокойных временах является нация, которая уже более одиннадцати веков живет в самом сердце благодатной Среднедунайской низменности и свято хранит обычаи своих предков. Речь идет о венграх, или, как они сами себя называют, мадьярах.

Их язык резко отличается от наречий соседних народов — славянских, германских, романских. Чего стоят, например, двадцать венгерских падежей! Зато ближайшие родственники нынешних мадьяр живут за Уралом, и при желании столь далекие этносы, как ханты и манси, до сих пор могут найти с этими обитателями Европы немало общего. Недаром в древних русских летописях два первых племени именовались югра, а венгры уграми. Два с половиной века спустя после расселения мадьяр на Дунае католическая миссия венгерских монахов,

преодолев невероятные трудности, достигла своей, уже ставшей легендарной прародины «Ungaria Magna» (Великая Венгрия), откуда некогда отправились в далекий путь на Запад их пращурь. При этом выяснилось, что миссионеры и местные племена хорошо понимают друг друга, поскольку языки их остались близкими, несмотря на огромные расстояния и превратности исторических судеб.

Сейчас венгерское государство занимает относительно небольшую территорию, но когда-то мадьярская конница регулярно пускалась в смелые «безвизовые» путешествия по Европе, заставляя трепетать не только соседей, но и самые отдаленные страны континента. Тогда в больших городах и самых малых селениях охваченные ужасом люди возносили одну и ту же молитву: «От стрел венгерских спаси нас, Господи!». Епископ Лиутпранд Кремонский, не понаслышке знавший о нравах мадьяр, посвятил ряд впечатляющих характеристик. «Безбожные, нечестивые люди. Они проливают кровь вместо слез». Или: «народ алчный, свирепый, не знающий всемогущего Бога, но весьма сведущий в разного рода преступлениях и ненасытный в убийствах и грабеже». А вот еще: «Ни один жаждущий не пьет холодную воду с большей страстью, чем этот

свирепый народ ожидает дня битвы; ведь нет для него большей радости, чем борьба». Даже на фоне вообще не отличавшихся изысканностью и уважением к «общечеловеческим ценностям» нравов раннего средневековья сказано, что и говорить, образно...

Ну а начиналась европейская история венгров гораздо раньше, чем с ними познакомились жители Германии, Италии и других стран континента.

Самоназвание народа *мадьяры* (*magyar*), по-видимому, происходит от древних финно-угорских слов *ton* — говорить и *ger* — человек. Таким образом, оно означает буквально «говорящие» (т.е. излагающие свои мысли на понятном человеческом языке). Отдаленные их предки жили в Западной Сибири, занимаясь охотой и рыболовством (как современные ханты и манси). Затем, в силу не вполне понятных причин, часть протомадьяр снялась с обжитых мест, перешла Урал и заняла земли между реками Кама, Волга и Урал. Еще позднее¹ произошла удивительная метаморфоза: охотники и рыболовы стали скотоводами, кочевавшими от Урала до Аральского моря. Остается

неизвестным, почему это произошло, хотя некоторые ученые связывают переход протомадьяр к кочевому образу жизни с глобальными изменениями климата, которые привели к длительным засухам и появлению в Предуралье обширных степей.

Уже в более исторические времена (середина VI в.) мадьяры входили в состав оногурского племенного союза в низовьях Дона. Оногуры² подчинялись громадной кочевой империи — Тюркскому каганату. В VII в. они стали подданными Хазарского каганата. Двести лет спустя власть хазар уже была откровенно номинальной. В ту эпоху мадьяры кочевали на обширных пространствах к западу от Волги, называя эти земли *Леведия* (по имени одного из своих вождей).

События данного этапа венгерской истории нашли отражение в геополитическом сочинении византийского императора Константина VII «Об управлении империей». В ряде аспектов, они носят неточный³, или вовсе легендарный характер, но в целом передают картину довольно верно.

Еще в первой половине IX века венгры освободились от хазарской зависимости, но

Переселение мадьярских племен. Фрагмент колоссального живописного полотна («циклорамы») художника А. Фести, изображающего переход венгров на Дунайскую равнину

¹Мы специально не называем каких-либо дат, ибо все они весьма условны, или даже сказочны. Скажем так: «Это было давным-давно».

²Отсюда древнеславянский этноним угры.

³Именно с легкой руки Константина Багрянородного, ромеи долгое время называли венгров турками.

на них обрушился новый враг, пришедший с востока — печенеги. Под их давлением мадярам пришлось уходить в междуречье Днепра и Сирета в область *Этелькёз*¹. Но и здесь венграм не удалось зажить спокойной жизнью, потому что, как писал Константин Багрянородный, «пачинакиты², напав на турок, изгнали их вместе с их архонтом Арпадом».

земли, воспользовавшись тем, что почти все мадярские мужчины выступили в очередной набег. Войско Симеона уничтожило их становища, вырезав, или угнав в полон женщин, стариков и детей. Позднее перед вернувшимися венгерскими воинами предстала страшная картина смерти и опустошения. После этого у венгров, отправлявшихся в походы, появилась еще одна цель — захват

Князь Арпад на Карпатском перевале. Фрагмент «циклорамы» А. Фести

Князь (*кенде*) Арпад личность вполне историческая, а вот причины дальнейшего передвижения мадярских племен на запад царственный автор все же несколько упростил. На самом же деле случилось вот что...

В 894 г. мадяры, выступив в качестве союзников Византии, нанесли сокрушительный удар в тыл Болгарской державе царя Симеона, сведя на нет его успехи в войне с ромеями. Болгары не остались в долгу. Заключив союз с заклятыми врагами венгров печенегами, они сами вторглись на их

женщин, чтобы никогда не пресекся род мадярский. Ну а пока ближайшим следствием причиненного болгарами разорения стал уход мадяр за Карпаты с последующим расселением на землях вдоль Тисы и Дуная³.

В 896 г. мадяры через Верецкий перевал перешли Карпаты и оказались в долине реки Тисы. Здесь князь Арпад вступил в военный союз с германским королем Арнульфом и по его наущению подверг страшному разгрому земли к востоку от Дуная, входившие в состав Великоморавского славянско-

¹Венг. — Междуречье.

²Так византийцы называли печенегов.

³По меткому замечанию историка Д. Оболенского, появление венгерского государства было «прямым следствием дипломатических интриг и соперничества в южнорусских степях между Симеоном Болгарским и правительством Византии».

то княжества. Затем пришельцы начали оседать на «освобожденной» территории. При этом вожди отдельных племен признали Арпада своим предводителем. Так было положено начало важнейшему по своим последствиям историческому процессу, получившему в венгерской исторической литературе торжественное наименование «Обретение Родины» (Honfoglalás). Для остальной Европы образование венгерского национального государства (Magyarország) означало, что она обрела новых и очень опасных врагов.

Соседи венгров воспринимали их как сплоченную, грозную и весьма непредсказуемую силу, с которой лучше не враждовать. Но пришельцы с востока сами решали, когда и с кем воевать, а набеги мадьяры совершали почти непрерывно¹. Еще в эпоху кочевий в Причерноморье, стремительная венгерская конница прорывалась до Эльбы и среднего течения Дуная. В 898 г. новые угорские племена, уходившие из-под власти хазар на запад, чтобы присоединиться к своим родичам на Среднем Дунае, разбили войско киевского князя Олега и взяли с него откуп. Чуть позднее, номинальный обладатель титула императора на Западе Арнульф, боровшийся за господство над Ломбардией, пользуясь опытом делового сотрудничества с венграми, начало которому было положено в борьбе против мораван, предложил вождям мадьяр еще одно взаимовыгодное дело, и пять тысяч венгерских всадников, вторглись в Северную Италию.

Правивший там король Беренгарий двинулся против них во главе пятнадцатитысячного войска и вынудил варваров поспешно отступить. Вожди мадьяр, потеряв при бегстве за Адду много людей, утонувших в водах этой реки, предлагали королю вступить в переговоры и даже вернуть всю захваченную добычу, лишь бы им позволили беспрепятственно уйти на Дунай.

Беренгарий счел подобные предложения проявлением слабости варваров и ре-

шил разбить их. Но получилось совсем наоборот — отчаяние придало венграм решимости. 24 сентября 899 г. они вернулись назад за реку Брента, внезапно атаковали лагерь итальянцев и устроили в нем чудовищную резню. Воины Беренгария как раз расположились пообедать, и венгры убивали их так быстро, что «проткнули даже хлеб в их глотках». После этого разгрома Беренгарий едва успел укрыться в Павии, а мадьярские отряды буквально затопили долину реки По, в течение года безнаказанно грабили земли Северной Италии и лишь затем беспрепятственно удалились в Паннонию² к западу от Дуная и подчинили ее своей власти. Так начался настоящий террор пришельцев-язычников, которые в течение полувека держали в страхе всю христианскую Европу.

Двигаясь широкими потоками вдоль речных долин, они, подобно половодью, или, наоборот, как весенние лесные пожары, достигали самых отдаленных областей, и нигде не было спасения от этой напасти. Даже простой перечень их маршрутов производит неизгладимое впечатление. В 900 г. они вторглись в Баварию и дошли до Регенсбурга. Год спустя мадьяры проникли в Каринтию и дошли до Лайбаха³, а в 903–906 гг. снова громили Баварию. В 904 г. от набега венгров понесла тяжелый урон Северная Италия. На этот раз король Беренгарий, не забывший о разгроме на Бренте, не решился вступить с вооруженную борьбу со столь грозным противником. Он заключил с венграми перемирие, обязавшись платить им ежегодную дань.

Тогда же, т.е. в первом десятилетии X века венгры окончательно уничтожили Великоморавское княжество. Пока славянские вожди воевали между собой, «Турки, — как неизменно называл венгров Константин Багрянородный, — совершенно разгромили их и завладели их страной, в которой живут и ныне». Это случилось около 906 г.⁴ В последующие годы опустошительные набеги

¹В венгерской историографии эти разбойничьи рейды гордо именуются «походами».

²Впоследствии византийские авторы часто называли венгров пэонийцами, т.е. жителями Паннонии.

³Современная Любляна - столица Словении.

⁴Справедливости ради, следует отметить, что непосредственно этой катастрофе предшествовало убийство венгерских племенных вождей, приглашенных на пир баварским герцогом. В начавшейся затем войне в союзе с баварцами выступили мораване. После единственного крупного сражения, завершившегося победой мадьяр, немцы сумели отсидеться в своих укрепленных пунктах, зато славянское государство вообще прекратило существование.

венгров в Швабию, Тюрингию и Саксонию следовали один за другим. В 908 г. они добрались до Бремена в низовьях Везера и сожгли этот приморский город.

Венгерский воин эпохи завоеваний.
Реконструкция современного художника

В 910 г. на границе Баварии и Швабии «кроважидное и браннолюбивое отродье венгров напало на христиан, еще объятых сном. Многих разбудило жужжание стрел прежде крика неприятелей; другие же, пронзенные на своих ложах, не были подняты ни криком, ни ранами, потому что душа их отлетела прежде пробуждения ото сна». Вот как изложил начало сражения при Аугсбурге епископ Лиутпранд. Из этого драматического описания следует, что мадьяры применили свой излюбленный тактический прием внезапного нападения, и немецкое войско семнадцатилетнего германского короля Людовика III было застигнуто врасплох на биваке.

Затем, когда началась жестокая сеча, легкая венгерская конница оказалась в невыгодном положении, будучи не в состоя-

нии одолеть тяжеловооруженных противников в отдельных поединках всадников. Тогда, «обратив тыл, как бы для бегства, турки положили на месте многих христиан своими меткими стрелами». Именно ложное отступление принесло мадьярам окончательную победу. Это произошло около часу дня. Когда «Феб начал клониться к западу, а Марс, обращая светлое лицо к Людовику, продолжал ему покровительствовать, — продолжает тот же хронист, — коварные турки, скрыв засаду, показали вид, что они обращаются в бегство. Королевское войско, не подозревая хитрости, пустилось с жаром преследовать, но на него набросились со всех сторон из засады, и мнимо-побежденные начинают истреблять победителей. Сам король с изумлением видел, что его победа обратилась поражением, которое было тем тяжелее, чем менее он мог его ожидать». После этого разгрома немцам пришлось покупать мир с венграми ценой внесения большой дани. Причем все понимали, что таким образом куплена лишь временная передышка.

Действительно, в 912 г. под очередной удар венгров попали Франкония и Тюрингия. Год спустя их ярость испытали на себе Швабия и Бургундия. В 916 г. венгры вступили в союз с герцогом Баварии Арнульфом. Результатом этого альянса стало продвижение мадьярской конницы до Базеля, беспрепятственная переправа через Рейн и опустошение земель Эльзаса и Лотарингии. В 919 г. венгры снова двинулись в путь, дойдя на этот раз до Реймса в Шампани.

Тем временем король Беренгарий, боровшийся с другими претендентами на корону, которых в те темные века было более чем достаточно, в 921 г. сам призвал венгров в Италию и с их помощью разгромил мятежных вассалов. При этом один из венгерских отрядов сумел даже дойти до Апулии на юго-восточной оконечности итальянского «сапога».

Два года спустя союзные Беренгарию венгры осадили Павию, а когда предпринятый штурм был отражен, они 24 марта 924 г. сожгли город, забросав его зажигательными снарядами, выпущенными из метательных машин.

Главным соперником Беренгария являлся король Бургундии Рудольф II, поэтому следующим объектом нападения венгров стал Прованс, входивший в состав Бургундского королевства. Однако здесь им был

дан настолько сильный отпор, что в Италию из состава некогда могучего войска смогли вернуться лишь разрозненные отряды.

В том же 924 г. вторжения венгров в Тюрингию и Эльзас заставили германского короля Генриха I Птицелова заключить с венграми мир на условиях выплаты им немалой ежегодной дани. Вскоре этот вынужденный немецкий нейтралитет позволил венграм свободно проникнуть в Шампань и опустошить цветущую провинцию Франкского королевства. В 926 г. они добрались даже до Рима. Поводом для этого нападения стала смерть Беренгария, а перед его наследниками мадьяры уже не имели каких-либо обязательств. Стремительным броском они преодолели долину реки По, прорвались через гряду Апеннин и оказались в Тоскане, предав ее огню и мечу. Затем, никем не преследуемые, они повернули обратно, а новый король Италии Гуго еще долго обсуждал со своими вельможами, как противостоять

в дальнейшем подобным набегам. Ничего не надумав, он в 929 г. тоже заключил с венграми мирный договор, который оказался еще более краткосрочным.

Правда, в 933 г. Генрих Птицелов отказался от дальнейшей выплаты дани венграм. А когда они предприняли карательную экспедицию, то выяснилось, что король даром времени не терял. За несколько лет ему удалось создать мощную бронированную кавалерию. Именно этот род войск внес решающий вклад в отпор, оказанный венграм в 933 г. у Мерзебурга на реке Заале. На этот раз Генрих использовал тактику противника, послав вперед «немногих тюрингцев», которые завидев неприятельские отряды, стали поспешно отходить и подвели врага к боевой линии главных сил рыцарской конницы. Последовавший за этим мощный контрудар опрокинул венгров.

Истины ради, следует признать, что мадьярам удалось уйти из под удара тяжелых немецких латников. Они поспешно откатились, бросив лагерь с ранее награбленной добычей и полонем, так, что «даже быстрый конь казался им теперь слишком медленным». Зато мадьяры избежали серьезных потерь, так что «только немногие из них были убиты или попали в плен». В общем, по-видимому, это боевое столкновение носило ограниченный характер, и военный потенциал венгров ни в коей мере не был подорван.

О справедливости последнего утверждения свидетельствует целый ряд последующих вторжений, упомянутых в летописях. В 936 г. венгры сожгли старинный монастырь Санкт-Галлен в Швейцарии. В 937 г. от их набегов пострадали Швабия, Саксония, Шампань и, в очередной раз, Южная Италия. В 941 г. появление одного из венгерских отрядов отмечено в Испании. В 943 г. мадьяры снова вступили в Северную Италию, и король Гуго уплатил им внушительную сумму серебром, чтобы они, не разоряя его владения, ушли в Южную Францию и дальше в Испанию на борьбу с сарацинами.

Сначала достигнутые договоренности вроде бы выполнялись, но по дороге, решив, что Гуго хочет заманить их в ловушку, мадьяры перебили предоставленных им проводников, повернули назад и, как пишет современный историк, «отвели душу в итальянских городах».

Германский король Генрих I. (919-936 гг.). Одним из первых европейских монархов начал оказывать успешное сопротивление венгерским набегам

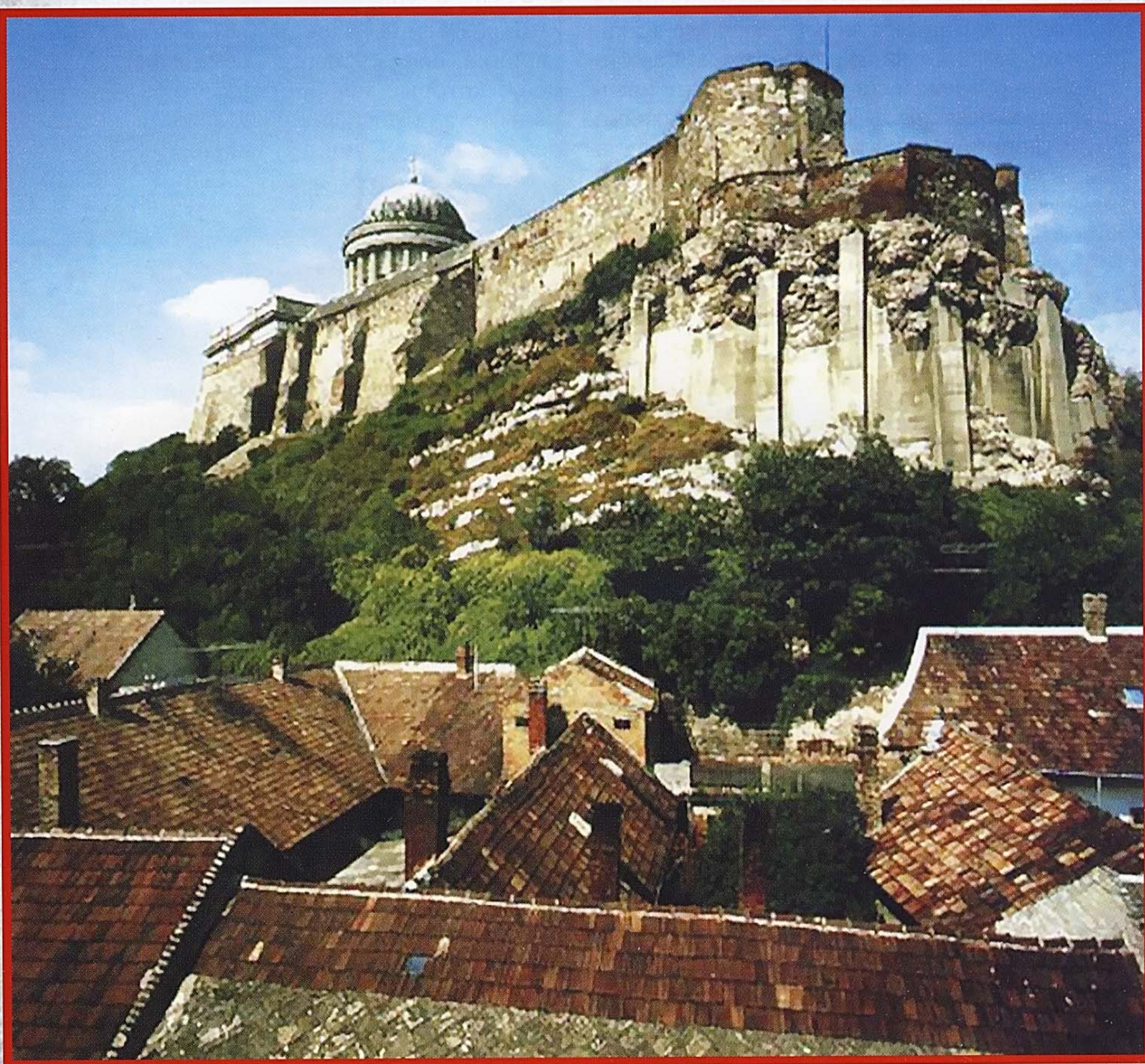

В 947 г. крупный отряд мадьяр под предводительством князя Файса¹ совершил успешный налет на Южную Италию, завершившийся подписанием мира с новым итальянским королем Беренгарием II. Тем не менее, в 951 г. венгры предприняли поход в Северо-Восточную Италию и Южную Францию.

В 954 г. произошло событие, оставшееся в истории под названием «Великий венгерский набег». В тот год орды мадьяр, разорив Швабию и Франконию в Южной Германии, вышли к Рейну. Переправившись

через реку у Вормса, они разграбили Северо-Восточную Францию, через Реймс и Шалон ушли на юг в Бургундию, а потом через перевал Большой Сен-Бернар прорвались в Италию. Ни расстояния, ни естественные преграды не давали убежища от этой напасти. За десятилетия набегов мадьяры успели побывать повсюду: от устьев Рейна до Андалусии и от Аквитании до Капуи. Досталось всем.

Расплата наступила в следующем, 955 г. от Рождества Христова. Тогда венгры втор-

Эстергом, первая столица Венгрии. Вид на Замковую гору. Современное фото.
 Более полувека мадьярские набеги заставляли трепетать всю Европу.
 И только разгром на реке Лех вынудил их позаботиться о защите собственных рубежей

¹Венг. — Фаличи. Он приходился Арпаду внуком.

глись в очередной раз в Швабию и осадили Аугсбург. На помощь осажденным отправилась небольшая (примерно 7-8 тысяч человек), но мощная армия германского короля Оттона. Ее костяк составляла тяжелая латная немецкая кавалерия, а также в нее входили франкские и чешские отряды. Получив сведения о приближении противника, венгры перешли реку Лех и двинулись навстречу врагу. 10 августа произошел бой передовых частей, в ходе которого мадьяры атаковали находившийся на марше немецкий авангард, но были отброшены и вернулись в свой полевой лагерь под Аугсбургом.

После этого венгерские вожди, убедившись в силе противника, решили снять осаду неприступного города и уходить на восток. Однако Оттон будто предвидел такой план. Во всяком случае, он не стал преследовать неприятеля, а занял выгодные позиции у бродов через Лех. На следующий день, чтобы спастись, венграм пришлось прорываться через плотные боевые порядки немецкой рыцарской конницы. Отвлекая внимание противника от переправ, мадьяры в ночь на 12 августа напали на лагерь Оттона и нанесли охранявшим его богемским отрядам немалый урон. Однако этот частный успех не принес мадьярам реальной пользы. Их прогнала вовремя подросевшая конница франков. В то же время главные силы Оттона оказались для венгров не по зубам. Выдержав все атаки, они перешли в контрнаступление и обратили врага в бегство.

Теперь приходилось думать лишь о спасении. Неся потери, мадьяры отдельными группами в беспорядке в разных местах переправлялись через Лех. В ходе организованного преследования баварцы настигли один из вражеских отрядов и разгромили его, захватив в плен венгерских вождей. Вскоре их повесили в Регенсбурге при большом стечении народа, ибо, как заметил историк, «прошлые жестокости не давали им право ожидать пощады».

Так был положен конец венгерской экспансии в Западной Европе. Венгеро-византийские войны продолжались еще двести лет. Что же представляла собой военная сила этого народа?

Первоначально венгерский этнос состоял из 7 племен, довольно близких по кровно-родовой общности, но все же различавшихся по происхождению, говору и обычаям. Каждое такое племя представляло собой боевую единицу. Сами племена делились на 108 родов. Вожди обладали на территории расселения своих племен неограниченной властью. Им подчинялись главы родов, составлявшие военную аристократию. На войне они командовали племенными ополчениями, составленными из всех взрослых мужчин, каждый из которых являлся воином.

«Клятва на крови». Худ. Б. Секели
Вожди семи мадьярских племен приносят клятву верности князю Арпаду

При переходе к оседлому образу жизни венгерское общество подверглось расслоению. Сначала функции рабов, прислуги, крепостных, ремесленников выполняли представители покорившегося венграм местного населения Паннонии и пленные. Затем их ряды пополняли и наиболее бедные мадьяры, не располагавшие достаточным имуществом, чтобы обеспечить себя военной экипировкой, необходимой для участия в походах. Объективно этому процессу способствовала и боевая мощь противников венгров с их сложной военной организацией и разнообразными, подчас довольно сложными видами оружия и снаряжения, имевшимися у немцев, франков и византийцев. Так, например, чтобы противостоять бронированной европейской кавалерии, на поле боя уже недостаточно было легкой конницы мадьяр-кочевников, вооруженных преимущественно луками сложносоставной конструкции.

В свою очередь разница в вооружении четко соответствовала различиям в тактических приемах, применявшихся венграми. У лучников не было необходимости вступать в ближний бой; значит, они были почти полностью лишены как защитного снаряжения, так и оружия для рукопашной схватки. Поэтому они стремились ошеломить противника внезапным нападением, непрерывным обстрелом подорвать волю к сопротивлению и обратить в бегство, в ходе которого враг нес наибольший урон. Если же первая атака не приносила успеха, мадьяры, как и все кочевники, чередовали приговорное отступление с последующими контратаками, охватами с флангов и выходом неприятелю в тыл. При этом высокой маневренности венгерской конницы способствовало то обстоятельство, что, придя в Европу, мадьяры уже использовали такое эффективное приспособление, как стремяна.

В дальнейшем, хотя защитные доспехи пока и не получают широкого применения, зато распространяются разнообразные виды оружия имен-

но для ближнего боя: копья, пики, палаши, мечи, сабли и боевые топоры.

Палаш достигал 800 мм. в длину и обладал прямым однолезвийным клинком шириной около 30-40 мм., что отличало этот вид оружия, как от изогнутой сабли, так и от обоюдоострого меча с двумя заточенными кромками. Холодное оружие представителей знати богато украшалось насечкой.

Венгерские воины X в.

Защитное вооружение спешенного воина состоит из кольчуги, рукава которой доходят до локтей, и шлема, склепанного из нескольких сегментов. Необычно выглядит сплошная круговая бармица из стальных колец, полностью закрывающая лицо. Оружием ближнего боя является слегка изогнутый меч и топорик (возможно, церемониального назначения). Подвешенная к поясу, типично мадьярская по форме сумка в будущем широко распространится из Венгрии по многим странам в виде знаменитой гусарской ташки. Вооружение всадника еще более разнообразно, позволяя вести как бой на дальней дистанции (лук и колчан со стрелами), так и рукопашную схватку (пика и палаш). В отличие от своего товарища, кафтан-безрукавка у этого воина надет поверх кольчуги, что в некоторой степени также позволяет амортизировать рубящие удары противника.

Иллюстрация
Е.Ю. Емельянова,
© В.Н. Шиканов

Емельянов Е.
2008 г.

и оправой из золота и серебра, наглядно свидетельствуя о социальном статусе своих владельцев.

Венгерские сабли обычно были длиннее (до 850 мм.) палашей, но зато с более узким клинком (около 30 мм.) с незначительным изгибом (кривизна дуги около 10 мм.). Для удобства и, скажем так, «большей эффективности» в боевом применении, сабли ковались с одним долом на боковых поверхностях клинка, что было важно при нанесение режущих ударов с оттяжкой. В этих же целях рукоять сабли изготавливалась с небольшим наклоном.

Появившийся позднее у венгров меч стал результатом заимствования у западноевропейской рыцарской конницы, после того, как и мадьяры обзавелись тяжелой латной кавалерией. Ножны холодного оружия венгров выглядели вполне традиционно. Они делались из дерева и обтягивались кожей или плотной тканью.

Боевые топоры отличались небольшими размерами с молотовидным, либо клинообразным обухом. Предположительно, этот вид оружия имел не столько боевое, сколько церемониальное значение, подчеркивая статус владельца в качестве военачальника того или иного ранга. Такое же назначение имели и пояса знатных воинов, богато украшенные металлическими бляхами и пластинами с использованием серебра и позолоты.

Колющие виды оружия (копья и пики), вероятно, также в течение длительного времени не считались основным видом вооружения для ближнего боя. Сохранившиеся металлические детали позволяют предположить, что они имели в длину 2,5 — 3 м. и отличались разнообразием конструкции втулки и наконечников: пирамидальной, ланцетовидной или листовидной различного профиля.

Долгая череда военных конфликтов с участием немецкой и франкской рыцарской конницы, когда победу в сражении зачастую решал единственный таранный удар плотной массы всадников, закованных в сталь, привела к появлению у венгров тяжелого защитного вооружения аналогичного класса. Такое снаряжение включало кольчуги (со временем их подол и рукава удлинялись) и пластинчатые доспехи различной конструкции. Под них поддевались стеганные войлочные или матерчатые длинные рубахи. Дополнительно поверх доспехов могли носиться кафтаны (с рукавами или без тако-

вых), постепенно перешедшие от кочевников в обиход остальной Европы.

Голову воинов в бою прикрывали шлемы: монолитные (выкованные из единого куска металла), или каркасные — сегментно-клепаной конструкции, собиравшиеся из 4-8 отдельных стальных пластин. К шлему могла крепиться бармица, сплетенная из стальных колец и закрывавшая не только шею, но и часть лица всадника. Иногда дополнительную защиту лицу давал наносник. Шлем носился с использованием специального подшлемника, или надевался поверх повседневного головного убора.

Существует мнение, что в отличие от рыцарских феодальных ополчений других европейских государств, у венгров щиты не получили широкого распространения. Не имеется также свидетельств о наличии (по крайней мере, в IX-X вв.) у них защитных поножей, или бронированном снаряжении боевых лошадей.

Уже к середине X века на территориях, подвластных мадьярам, проживало примерно 500 тысяч человек, из которых к титульному этносу относились около 400 тысяч. При этом в отличие от болгар, которые довольно быстро утратили тюркские этнические особенности, растворившись в окружавшем их море славян, венгры сами ассимилировали местное население Паннонии, хотя при этом в венгерский язык вошло немало слов, коренных жителей этих земель (в основном, славянских).

Занимая ограниченную территорию и имея враждебных соседей, которые в конце концов научились давать отпор набегам венгров, мадьяры волей-неволей были вынуждены перейти к оседлому образу жизни. Зимой они проводили в постоянных жилищах, скопления которых по родовому признаку послужили зародышем будущих деревень, а поля вокруг них стали распахивать и засеивать, прежде чем по весне отправляться с многочисленными табунами коней на пастбища. Несомненно, что в этом деле венгры использовали опыт, уже имевшийся у славян и других народов, живших на данных землях. Осенью они возвращались в свои поселения и убирали урожай зерновых. Так у недавних кочевников возникло сельское хозяйство.

Постепенно в военных походах стали принимать участие уже не все мужчины, а только представители племенной аристократии

«Обретение Родины». Худ. М. Мункачи.

К моменту прихода венгров в междуречье Тисы и Дуная эти земли населяли славянские племена и остатки авар. Живописец, конечно же, преувеличил дружественный характер встречи прежних и новых хозяев, но целом мадьяры действительно довольно быстро установили контроль над Среднедунайской равниной

и составлявшие их личные дружины профессиональные воины. В дальнейшем первый король (*кирай*) венгров Иштван I (997-1038 гг.) раздавал своим дружинникам большие земельные наделы, способствуя скорейшему формированию военно-служилого сословия и укреплению боеспособности мадьярского войска. Вместе с тем, Иштван стремился к централизации государственной власти. Страна была разделена на административные округа — комитаты. Во главе их стояли ишпаны, в функции которых входили сбор налогов, отправление судебных функций и формирование военных ополчений из местных феодалов и их дружин. Все вместе они и образовывали войско для проведения военных кампаний.

Позднее, когда Венгрия превратилась в полноценное государство, со сложившимся управленческим аппаратом и четко очерченными границами, в стране, отказавшейся от агрессивной внешней политики (т.е., когда мадьяры стали воевать не больше, чем их

другие оседлые соседи), начали строиться укрепленные замки, а затем возникать города, куда переселялись иностранные (прежде всего, немецкие) торговцы и ремесленники. Ну а в то время, о котором мы ведем рассказ, венгры, по-прежнему, отправлялись в походы с целью захвата добычи.

Первые враждебные контакты венгров с ромеями отмечены еще в 30-х гг. IX в., когда их передовые отряды вышли к устью Дуная. Тогда мадьяры попытались ограбить поселения пленных византийцев, расселенных в эти края болгарами. Дела приняли настолько серьезный оборот, что для их спасения потребовалась серьезная войсковая операция. Тогда из Константинополя прибыли боевые и транспортные корабли¹. Зато в 895 г., как отмечалось выше, «турки»-мадьяры уже выступили в качестве союзников Империи в войне против Болгарии.

В 934 г. и для самой Византии пришел черед встретиться в бою с венграми, для которых ослабленная Болгария уже не явля-

¹См. подробнее об этих событиях в книге «Византия — орёл и лев», стр. 66-67.

лась серьезным препятствием. После того как ромейские войска, совершив экспедицию за Дунай, угнали в полон множество людей и скота, мадьяры в союзе с печенегами (и, возможно, русами) сами вторглись во Фракию. Несмотря на примерно равные силы, ромеи потерпели тяжелое поражение. «Они проникли до столицы, произведя во Фракии всеобщий погром», — написал летописец о нашествии варваров.

Императору Роману Лакапину пришлось вести непростые переговоры и выделить немалые денежные средства для выкупа пленных. С этого времени набеги мадьяр стали регулярными и повторялись (если не считать кратковременного периода затишья при Константине VII (945-959 гг.) до 961-963 гг.

В 936 г. они достигли Аттики в Южной Греции. В апреле 943 г. венгры большими силами прорвались в Фессалию. Василевс направил для переговоров с «турками» патрикия Иоанна, который заключил мирный договор и «взял знатных заложников»¹. Заключенный на пять лет, он был затем про-

длен еще и на следующее десятилетие. Однако в 957 г. василевс Константин Багрянородный отказался платить венграм дань, и враждебные действия возобновились. На Пасху 959 гг. они снова появились у стен Константинополя. И хотя, согласно венгерскому преданию, их вождь Ботонд, стучал в ворота Константинополя грозным боевым топором, но в целом набег завершился неудачно. Его отразили фемные войска, спешно переброшенные в Европу из Малой Азии. Возглавлявший их комит экскувитов Ноф Аргир среди ночи внезапно напал на стан варваров, посеял среди них панику и учинил великое побоище, следствием которого стал огромный урон, нанесенный венграм, отбитые у них добыча и ранее захваченные пленники-христиане.

Еще одно нападение на Византию венгры предприняли около 961 г. Подробности этой кампании не сохранились, однако краткое сообщение хронографа весьма красноречиво. Он написал, что «патрикий Мариан Аргир, моностратиг фемы Македония и катепан Запада, сразился с ними,

Жертвоприношение белого коня. Худ. А. Фести.

И на своей исторической прародине, и позднее в Европе мадьяры долгое время оставались язычниками, веровавшими в грозные силы природы, расположение которых нужно было постоянно приобретать щедрыми жертвами.

¹Искренне гордившийся славой своей державы и во всех отношениях «истинный ромей», хронист тактично не упоминает, что мир с венграми был куплен богатыми дарами.

взял много пленных и с позором прогнал их в свою землю». За этими сдержанными строками скрывается сообщение о яркой победе ромейского оружия на землях Фракии.

Зато позднее венгры снова вторгались в балканские владения империи, доходя до Фессалии, и участвовали в русско-византийской войне 968-971 гг. на стороне князя Святослава.

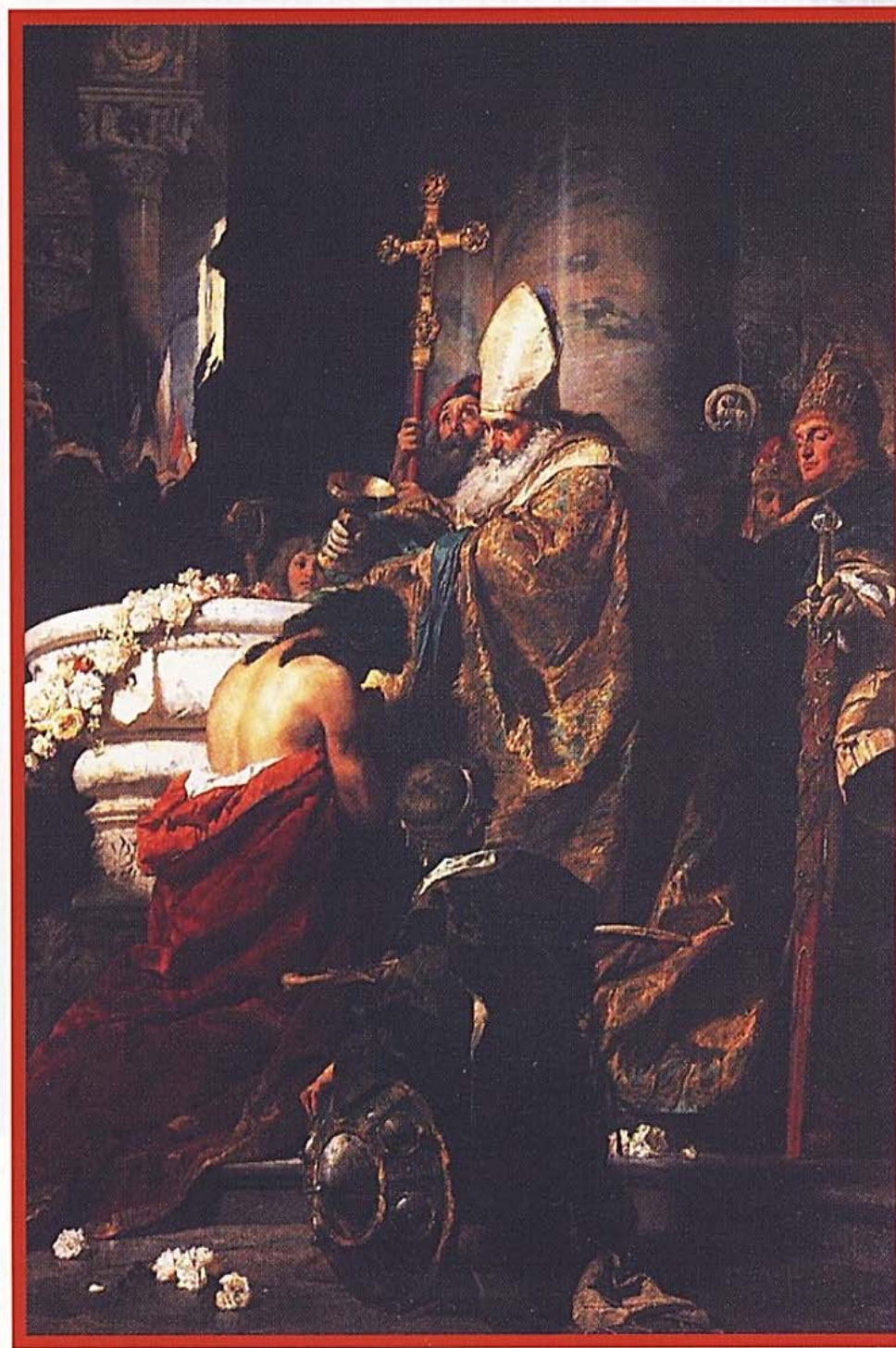
Вместе с тем, любопытно, что в отличие от Западной Европы, в византийских источниках о нашествиях венгров повествуется довольно буднично, без налета того, почти мистического ужаса, с которым передавались рассказы о мадьярах в Западной Европе. Возможно, это обстоятельство связано с тем, что в Византии даже сами власти привыкли, что в течение почти четырех веков северная граница империи оставалась «прозрачной». Ведь славяне, а затем и болгары, некогда расселившиеся к югу от Дуная, хотя и ослабили господство ромеев на Балканах, но так и не смогли совершенно уничтожить его.

Кроме того, имея дело с очередными варварами, Византия традиционно возлагала большие надежды не на силу оружия, а на искусство дипломатии. Еще около 927 г. к венграм в качестве посла был направлен некий «клирик Гавриил» с категорическим приказом императора захватить от его имени земли печенегов. Конечно же, эта сомнительная интрига завершилась безрезультатно, но, возможно, столь откровенно нереальная задача была лишь прикрытием, а в действительности Константинополь хотел напомнить и подчеркнуть статус мадьяр в качестве федератов Империи и свое право духовно направлять и окормлять младших партнеров по союзу, проповедуя среди варваров веру Христову.

Примерно в 948 г. в Царьград прибыла какая-то мадьярская делегация, и возглавлявший ее внук Арпада князь Булчу крестился, причем его восприемником стал сам василевс Константин VII, пожаловавший крестнику богатые дары и титул патрикия. Хотя дальнейшие события показали, что варвары не считали Святое Крещение таинством, накладывающим на человека какие-то нерушимые обязательства. Вернувшись в Венгрию, Булчу начал войну с Византией. По замечанию византийского хрониста, «он пренебрег заветом с Богом и частенько вместе со всем племе-

нем выступал против ромеев». Только поражение в битве при Лехфельде, в ходе которой Булчу попал в плен и был казнен немцами, положило предел неумеренной активности этого человека.

Пытаясь обратить беспокойных язычников, Константинопольский патриарх не раз отправлял в Паннонию святые миссии, которые действовали с переменным успехом. Так, около 952 г., монах Иерофей, поименованный «епископом Венгрии», преуспел в проповеди христианства и «многих отвратил от варварских заблуждений». Правда, эта миссионерская деятельность греческих проповедников осуществлялась, в основном, в восточной части Венгрии (от Тисы до Карпат). Земли к западу от Тисы и в особенности правобережье Дуная традиционно относились к сфере влияния франкского, а затем и латино-германского духовенства. В 970-х гг. именно немцы крестили князя Гезу и его сына Вайка. Последний, взойдя на престол под именем Стефана (венг. Ишт-

Крещение Вайка.
С картины худ. Д. Бенчура

ван), получил от Папы Римского королевскую корону и окончательно ввел свою страну под духовную юрисдикцию папства¹.

Принятие христианства явилось для Венгрии не только идеологическим, но и важнейшим политическим событием. Дело в том, что еще в 972 г., когда василевс Иоанн Цимисхий и западный император Оттон договорились заключить династический брак между сыном Оттона и принцессой Феофаной (дочерью царя Романа II), языческая Венгрия оказалась между двух враждебных держав, обладавших крупнейшим военным потенциалом в Европе. В это время мадьяры считались отъявленными безбожниками, т.е. изгоями, и отношение к ним было соответственным. Поэтому в XI веке главной задачей мадьярских королей стало сохранение государственной независимости Венгрии, которой угрожала, прежде всего, Германская империя.

Во многом королю Иштвану и его наследникам с этой задачей удалось справиться. Свидетельством тому является величайшая национальная реликвия Венгрии и превосходный образец ювелирного искусства средневековья — так называемая корона Святого Стефана, которую возлагали при восшествии на царствование на всех венгерских королей, и являющаяся главной официальной регалией венгерского государства.

На самом деле, этот венец состоит из двух частей. Нижняя диадема — византийской работы, была направлена василевсом Михаилом VII (1071-1078 гг.) в подарок жене венгерского короля Гезы I (1074-1077 гг.).

На ее золотых пластинах, чередуясь с неграженными драгоценными камнями, помещены выполненные в технике перегородчатой эмали миниатюры Христа-Пантократора, самого Михаила VII, архангелов Михаила и Гавриила, сына императора — Константина, святых воинов Георгия и Димитрия, короля Гезы, а также святых целителей Космы и Дамиана, которые даруют здоровье самодержцам. В таком изобразительном ряде император Византии выступает как сюзерен короля Венгрии. Позднее к этому венцу был добавлен другой — западный, который, согласно преданию, папа Сильвестр II прислал Иштвану для его коронации в 1000 г.

Король Иштван действительно был мудрым правителем. Он вступил в союз с автократом Василием II и в 1015 г. принимал участие в войне с Болгарией на стороне Византии. В годы его правления в Константинополе существовала венгерская купеческая колония. В то же время западный император Генрих II доводился этому королю шурином. Строгий порядок поддерживал Иштван и внутри страны. Когда в 1031 г. его единственный сын и наследник погиб на охоте, а сам король едва избежал подготовленно-

го против него покушения, он без колебаний расправился с заговорщиками, а возглавлявшего их собственного кузена Вазула, вполне по-византийски, ослепил и лишил слуха с помощью расплавленного свинца². Таким образом, и у венгров вопросы престолонаследия решались ничуть не хуже, чем в других правящих европейских династиях...

Священная корона Венгрии.

Погнутый крест на венце отражает одну из драматических страниц истории национальной регалии. Согласно преданию, однажды корона была украдена, и похитители так спешили, что, запихивая в ларец, деформировали ее. Позднее, когда реликвия вернулась на свое законное место, исправлять повреждение не стали

¹Гораздо позднее, в XIII веке, папа Григорий IX жаловался, что на соседей венгров — валахов оказывали негативное влияние какие-то *pseudoepiscopi Grecorum*.

²Надо заметить, что подобная жестокая решимость не помешала в 1083 г. католической церкви канонизировать Иштвана. Еще более интересно, что с 2000 г. он также является и православным святым.

После Иштвана на престол взошел его племянник (сын сестры и венецианского дожа) Петер. Но этот король имел несчастье окружить себя «тараторящими итальянцами» и «рычащими немцами», что сразу же не понравилось родовой мадьярской знати. Не так давно ее предки питались сырым мясом и молоком кобылиц, но к середине XI века положение изменилось кардинальным образом. Как писал арабский историк того периода: «Эти мадьяры — люди красивые и видные; их одежда сделана из парчи, их оружие — из серебра».

На долгие тридцать лет Венгрия оказалась ввергнута в тяжкие феодальные ус-

нутным сначала дойти до Софии, где его уже ожидали венгерские послы, поспешившие уверить государя в дружеских намерениях и заключившие с ромейским царством мирный договор.

Только в конце века, когда обстановка в Венгрии стабилизировалась, ее короли возобновили активную внешнюю политику. Они смогли установить контроль даже над некоторыми бывшими византийскими владениями, которые дряхлеющая Македонская династия выпустила из рук.

Как мы уже знаем, расселившиеся в конце VI — начале VII вв. на северо-западе Балканского полуострова славянские племена с самого начала обрели фактическую независимость от империи. Позднее

они были покорены франками, но к концу IX века сформировавшийся к этому времени новый, хорватский этнос сумел избавиться от чужеземного владычества. С 925 г. правитель Хорватии носил титул короля.

Традиционно Венгрия и Хорватия поддерживали тесные отношения, в т.ч. и династические. В 1091 г. мадьярский король Ласло, воспользовавшись смертью своего зятя, хорватского монарха, был призван местными феодалами на трон Хорватии. Правда, тогда он ограничился принятием титула герцога Кроации, а реально этой страной управлял его племянник Альмош. В 1102 г. между двумя государствами заключается пакт

о личной унии, а в 1105 г. другой племянник Ласло — Кальман уже коронуется в качестве короля Хорватии и Далмации, объединяя таким образом сразу три короны.

Прочные узы связали Венгрию и с Византией. Василевс Алексей I Комнин, женил своего сына и наследника Иоанна на сказочно прекрасной дочери короля Ласло, Пирошке, которая в православии была наречена Ириной. А вот при сыне Кальмана — Иштване II (1116-1131 гг.) положение Венгрии настолько упрочилось, что он уже мог позволить себе воевать почти со всеми соседями: Венецией, Чехией, Русью и Византией.

Корона Мономаха.

Золото, перегородчатая эмаль, середина XI в.

Уникальное произведение византийского ювелирного искусства является подарком василевса Константина IX по случаю коронации мадьярского короля Эндре I (1047-1061 гг.).

бицы, в ходе которых на троне в столичном граде Эстергоме побывали самые разные люди. При этом все они поддерживали с Византией довольно благоприятные отношения. Только в 1059 г. случился некий военный конфликт. Обстоятельства этих событий весьма туманны. Вполне возможно, что это вторжение в пределы Ромейской державы, внутреннее положение которой также оставалось неустойчивым, было делом рук каких-то полунезависимых от королевской власти мадьярских владетелей. Однако, когда василевс-воин Исаак I Комнин (1057-1059 гг.) выступил в поход против разорявших Фракию печенегов, он счел

Переправа короля Ласло I Святого (1077-1095 гг.) через Драву и присоединение Хорватии. Венгерская роспись XIX в.

Летом 1127 г. король Иштван во главе большой армии предпринял поход на Балканы. Вопрос о причинах венгеро-византийской войны 1127-1130 гг. до сих пор остается дискуссионным. Внешне дело выглядело так: мадьяры заявили претензии по поводу того, что ромеи из города Браничево на Дунае ограбили венгерских купцов, поступив с ними «весьма худо». Но это был лишь повод для начала боевых действий. В действительности обеими сторонами в этом конфликте двигали гораздо более серьезные мотивы.

Присоединив Хорватию, Венгрия обрела выход к Адриатическому морю, а устанавливая все более тесные связи с Сербией, она превращалась в весомый военно-политический фактор на северо-западе Балканского полуострова — зоне традиционных интересов Византии. Появление на этих землях новой региональной сверхдержавы не могло не тревожить Константинополь.

В свою очередь сама империя никогда не отказывалась от далеко идущих планов возвращения ранее утраченных владений, в т.ч. и Балкан.

Заключая династические браки с потомками Арпада (а василевс Иоанн II, напомним, был женат на венгерской принцессе) и поддерживая претендентов на престол Венгрии, Комнины надеялись увеличить влияние в соседнем королевстве, чтобы со временем обрести реальный выигрыш в виде весомых территориальных уступок. Кроме того, к описываемому нами периоду отношения между правящими домами двух держав в немалой степени определялись и фактором личной неприязни.

Король Иштван II, как и его отец, Кальман, не без оснований опасался заговоров со стороны родни. Ранее за подобные интриги Кальман приказал ослепить своего родного брата Альмоша, и позднее этот принц нашел приют в Константинополе¹.

¹Точно также наказывали высокопоставленных заговорщиков и в Византии. Тем не менее, историк Иоанн Киннам простодушно сообщает о произошедшем, как о специфическом венгерском событии, поскольку «есть у гуннов обычай, что, когда государь умирает и оставляет детей, братья живут вместе во взаимном согласии, пока тот, кто правит государством, не сделается отцом ребенка мужского пола; а как скоро родится у него сын, другому позволяется жить в стране не иначе как с выколотыми глазами».

Вообще-то, по византийским правилам увечные не наследовали трона, но когда речь идет о государственным интересах, то нужное решение можно и продавить. Поэтому в Эстергеме опасались, как бы ромеи не посадили на престол Арпадов своего, пусть даже слепого ставленника¹. Во всяком случае, Иштван официально потребовал от Константинополя вернуть ему бежавшего родственника, но получил категорический отказ. Лишь учитывая эти обстоятельства, можно понять, как начался очередной венгеро-византийский вооруженный конфликт.

Итак, венгры нанесли удар первыми, перейдя летом 1127 г. границу с Византией, проходившую по рекам Саве и Дунаю. Сначала им сопутствовал успех. Мадыры осадили и взяли Белград, а камни его разрушенных укреплений увезли за Саву и построили из них новую крепость Землин². Затем они взяли Ниш, опустошили земли вокруг Сердики (Софии) и, продвигаясь по долине реки Марица, добрались до Филиппополя.

Василевс Иоанн так и не пришел на помощь своим передовым гарнизонам. Узнав о вторжении противника, он прибыл в Филиппополь и, очистив окрестности этого города от мадыр, занялся формированием армии. Кроме того, им были отданы приказы о сосредоточении боевых кораблей и транспортных судов для последующей переброски войск на театр предстоящих военных действий. С этого момента боевая инициатива пере-

Западные ворота Белградской цитадели.

Современное фото. Раньше отсюда открывался вид на мощную крепость Землин, которую не раз оспаривали ромеи и их противники. Теперь за рекой Сава высятся кварталы Нового Белграда.

шла в руки византийцев, и в ходе кампании наступил перелом.

Совершив переход вдоль побережья Черного моря, царская эскадра поднялась вверх по Дунаю, обеспечив свободу маневра сухопутным войскам, и воспрепятствовала подходу к венграм новых подкреплений.

¹Впоследствии так и случится. После кончины в 1131 г. бездетного Иштвана II королем станет сын Альмоша Бела II (1131-1141 гг.), также ослепленный вместе со своим отцом.

²Ныне в черте Белграда. Впрочем, историк Никита Хониат сообщает, что венгры предприняли эту карательную акцию в отношении города Браничево, что, казалось бы, более логично объясняет причины войны. Вместе с тем, чтобы доставить камни из Браничево в Землин нужно проделать путь примерно в 50 км, что нелегко, даже если перевозить груз по Дунаю, тогда как Белград и Землин разделяет только река Сава.

Дальнейшая операция осуществлялась по всем правилам военного искусства.

Мадьяры готовились встретить армию ромеев под стенами крепости Храм, у места впадения реки Нера в Дунай, где был навешен мост, но автократор прибег к хитрости. Он остановился с главными силами войска на берегу, а «союзные» (или вернее, наемные) отряды ломбардцев и турок скрытно перебросил вдоль реки, после чего они беспрепятственно форсировали водную преграду и внезапно атаковали противника. Не ожидавшие удара венгры сразу же были опрокинуты и бежали. Но и это еще не все. В ходе настойчивого преследования мадьяр загнали на мост, который подломился под тяжестью беспорядочно скопившихся на нем людей и рухнул. Победителям оставалось лишь подсчитывать трофеи и пленных, поскольку погибших «гуннов» унес прекрасный голубой Дунай. Ромеи заняли Храм, а через некоторое время вернули и Землин. Его укрепления были разрушены, а камни отвезли назад в Белград для укрепления его цитадели.

На этом кампания, в сущности, и закончилась. Царь Иоанн возвратился в Константинополь. Правда, из-за того, что он хотя и приказал опустошить земли между Дунаем и Савой, но так и не перенес боевые действия вглубь Венгрии, мадьяры на какое-то время смогли затянуть сопротивление. Имеются сведения, что им даже удалось на некоторое время овладеть Браничевом, но позднее ромеи все равно вернулись и восстановили эту крепость. С наступлением холодов их главные силы ушли на зимние квартиры, а когда венгры попытались атаковать походные колонны на марше, арьергард отбил все вражеские атаки.

Как написал византийский историк, после нескольких новых сражений император победоносно закончил войну с венграми, «заключив и с этим народом выгодный и прочный мирный договор». Это произошло в 1130 г., и в следующий раз с мадьярами пришлось воевать уже сыну Иоанна Комнина — блистательному автократору Мануилу.

Человек универалистских взглядов, он мечтал о восстановлении прежних рубежей Римской державы, которые она имела в успешные уже легендарными времена Траяна и других императоров-воинов. С этой целью Мануил, не жалея сил и средств, посылал боевые корабли и сухопутные армии во все стороны света. Его воины сражались

на земле Египта, в Малой Азии и Италии. Не обошел самодержец вниманием и северные границы своего, все еще необъятного царства. Правда, на этом направлении он действовал тоньше, не всегда используя только военную силу.

Настал момент, когда венгерский король Геза II решил, что военные поражения предшественников не обязывают его самого ни к каким выводам. Он поддержал интриги сербских феодалов, стремившихся избавиться от подчинения Византии. Кроме того, король имел собственные представления о том, кто из русских князей достоин занимать Киевский стол, и выступил против ставленника Византии, также стремившейся к упрочению влияния среди «тавроскифов».

Мануил ответил немедленно, чтобы напомнить строптивым соседям, кто является истинным хозяином положения на Дунае. Он направил письменный ультиматум венгерскому королю, в котором изложил свои претензии и, как о деле решенном, извещал Гезу о предстоящем вскоре вторжении в его страну. Затем, восстановив жесткой рукой имперское влияние в Сербии, автократор около 1150 г. предпринял поход на северо-запад. Сухопутная армия двинулась вдоль долины реки Морава, флоту предстояло войти в устье Дуная, подняться вверх по течению и обеспечить переправу армейских частей на левый берег реки.

Общеизвестно, что жизнь часто вносит коррективы даже в самые тщательно проработанные планы. Вот и на этот раз, когда ромейские тагмы вышли к Белграду, боевых дромонов они там не увидели. Причина задержки флота осталась неизвестной, но эта задержка не могла унять кипучую волю царя. Мануил приказал форсировать впадающую в этом месте в Дунай Саву на многочисленных лодках однодревках, наподобие тех, которые когда-то делали славяне. Часть войск под командованием Феодора Ватаца осадила Землин, остальные под личным командованием василевса углубились в междуречье Дуная и Савы, опустошили эти земли и, взяв множество пленных, с богатой добычей повернули назад.

По-видимому, в данном случае Мануил не ставил целью захват каких-либо территорий, а хотел ограничиться акцией устрашения. Наказан был только Землин. Когда византийская армия возвращалась назад, крепость еще держалась, ожидая помощи от

короля, но теперь рассчитывать на нее больше не приходилось. Венгерский комендант вступил в переговоры, выдвигая в качестве условия капитуляции сохранение жизни всех жителей. Ромеи отвергли это требование, и через некоторое время Землин сдался на милость победителей. Выйдя из распахнутых городских ворот, мадьяры униженно, с веревками на шее, ожидали своей участи. Впрочем, Мануил был великодушен. Он помиловал всех, и только цитадель отдал солдатам на поток и разграбление.

После падения Землина войска получили приказ отходить за Саву, но в это время пришло известие о приближении большой венгерской армии во главе с самим королем Гезой II. Эти сведения оказались не вполне точны. На самом деле мадьярами командовал дядя короля — бан¹ Бела, но Мануил, не теряя времени, отдал распоряжение готовиться к битве, которая, как ему казалось, поставит, наконец, точку в столь успешно начавшейся кампании.

Согласно его плану, главная задача состояла в том, чтобы не дать противнику перейти Дунай. Чтобы не сковывать действия войск, захваченных ранее в большом количестве пленных под надежным конвоем отправили за Саву, а главные силы ромеев остались на левом берегу реки, чтобы встретить врага, опираясь на все еще грозные укрепления Землина. Тем более что к этому времени к византийцам, подошел флот, и теперь операция по форсированию венграми полноводного Дуная становилась делом почти невыполнимым.

Прошло несколько дней, а северный берег реки оставался, как и раньше, пустынным. Зато у ромеев там, вероятно, действовали разведывательные партии. От захваченного языка император получил сведения, что, помимо относительно небольшого авангарда, у венгров поблизости нет других войск. Вместе с тем, они, по-прежнему, ожидали прибытия короля во главе сильной армии.

И все же, нападения не последовало. Убедившись, что ромейский флот господствует на Дунае, бан Бела начал отходить вниз по течению вдоль левого берега реки. На высоте Браничево венгры предприняли диверсию, чтобы вынудить византийцев уй-

ти за Саву на помощь городу, оказавшемуся в опасном положении. Так и случилось, хотя до решающего столкновения дело все равно не дошло. Две армии довольно долгое время простояли друг напротив друга в полевых лагерях. Когда же Мануил понял, что Бела ожидает прибытия войск короля Гезы, и время, таким образом, работает на его противника, то василевс сам перешел в наступление.

Он послал на левый берег Дуная войска под командованием претендента на венгерский престол, с которым связывал далеко идущие планы в отношениях с мадьярским королевством. Сын короля Кальмана (или, как называли его русские, Коломана) и дочери киевского князя Владимира Мономаха — Борис Коломанович был женат на сестре императора Мануила и упорно добивался власти в Эстергоме. Отправляя его за Дунай, Мануил ясно давал понять, что у него имеется собственный кандидат на трон святого Стефана.

Отряды Бориса опустошили низовья Тимеша у места впадения реки в Дунай. Введенные в заблуждение дерзостью этой операции, венгры решили, что в наступление перешла вся византийская армия. Они не осмелились преследовать Бориса, оставшись в пассивной обороне. В ходе этого рейда Борис разбил несколько разрозненных мадьярских отрядов, а когда Бела, получив более точные сведения о его силах, бросился, наконец, в погоню, Коломанович ушел обратно за Дунай, согласовав с василевсом время и место переправы. По приказу Мануила ромеи обозначили расположение византийского лагеря на другом берегу светом факелов, и Борис ускользнул из приготовленной для него ловушки, сохранив всю захваченную ранее добычу.

После этого армии еще стояли некоторое время, разделенные рекой, пока Геза сам не предложил вступить в переговоры. Мануил дал согласие, и мирный договор был подписан, после чего император триумфально вернулся в Константинополь, ведя в торжественном кортеже захваченных пленных. Правда, среди них почти не было людей сколько-нибудь важных и значительных, но автократор для укрепления своего пре-

¹Наименование должности наместника венгерского короля в Хорватии, обладавшего широким кругом военно-административных полномочий. Происходит, по-видимому, от личного имени аварского кагана (Баян), со временем превратившегося в титул.

Эстергом. Вид на город с Замковой горы. Современное фото

стижа пошел на хитрость. Он приказал переодеть часть пленников в богатые наряды, чтобы выдать их за «гуннских вождей».

Несмотря на победы ромейского оружия, мир между двумя державами долго не продлился. Уже в 1152 г., избавившись от угрозы со стороны Германии после смерти кайзера Конрада III¹, король Геза сам решил вторгнуться в Византию. Узнав об этом от своих агентов, автократор Мануил препоясался мечом и тоже поспешил к Дунаю, где принял командование над армией еще до того, как венгры вышли на противоположный берег реки. Когда же, наконец, показались их передовые отряды, выяснилось, что время упущено, и переправа на виду у противника невозможна.

Византийцы также не предпринимали активных действий. Они ждали флота, что-

бы перейти в наступление, а затем, как и год назад, начали строить большие лодки для перевозки десантных войск. Так обе армии простояли несколько дней в своих лагерях. Геза понял, что опоздал, и фактор внезапности утрачен безвозвратно. Кроме того, оказалось, что новый германский король Фридрих Барбаросса настроен по отношению к Венгрии столь же враждебно, как и его предшественник, и с его стороны можно опасаться открытой военной агрессии.

В этих условиях Геза снова предложил Мануилу мир. Он просил вернуть ранее захваченных венгерских пленников. Автократор тоже не хотел воевать. К тому же, он пока не знал, как сложатся его отношения с империей Запада после кончины Конрада III. Какое-то время он тянул с ответом, а затем, чтобы никто не подумал, что можно диктовать

¹Иногда Конрада III называют императором, но в Риме он так и не короновался. С Мануилом его связывали прочные союзнические отношения, т.к. оба монарха были женаты на родных сестрах и приходились друг другу свояками (см. подробнее в книге «Византия. Римская мечта»).

условия василевсу ромеев, согласился вернуть пленных, но не всех. Десять тысяч человек Мануил оставил у себя. Как бы то ни было, мир подписали, и Геза ушел вглубь своих владений — на север. Но на этом дело не закончилось...

В 1153 г. уже Мануил готовился к войне. По его приказу войска западных фем стягивались к Сердице, в окрестностях которой существовал главный лагерь византийских войск на Балканах. Из этой базы начинались очередные военные кампании, а теперь туда свозились продовольствие и все другие необходимые запасы. В самый разгар приготовлений в ромейский стан опять прибыли венгерские послы, которые вступили в переговоры, выясняя претензии могущественного соседа и взвешивая, на какие уступки византийцам можно пойти,

чтобы не спровоцировать новый военный конфликт.

Воспользовавшись возникшей паузой, Мануил совершил успешный поход в Сербию, а потом распустил часть войск и победителем вернулся в Константинополь. Правда, известия, поджидавшие василевса, никак не могли его обрадовать. Оказалось, его собственный кузен Андроник Комнин вступил против императора в заговор с венгерским королем. Похоже, Геза умело использовал приемы борьбы, до сих пор применявшиеся в международной практике в основном византийцами.

В 1155 г. Геза вновь напал на империю. Причем, помимо собственно мадьярских отрядов, в его войско входили чешские и трансильванские контингенты, а также бан Боснии, являвшийся вассалом венгерского короля.

Королю казалось, что теперь-то уж он застанет противника врасплох. Венгры приступили к осаде придунайской крепости Браничево, но реакция Мануила последовала незамедлительно. Принц Андроник был арестован, а автократор, потратив некоторое время на мобилизацию войск, повел их вниз по долине Моравы к Дунаю. Впереди мчались гонцы с посланием к гарнизону Браничева, в котором сообщалось, что сам василевс спешит на помощь к своим верным воинам.

Царская грамота, обернутая вокруг стрелы, была пущена в крепость, и хотя попала она в руки к венграм, но эффект произвела гораздо больший, чем если бы оказалась доставленной по назначению. Мадьяры были ошеломлены перспективой скорого прибытия армии ромеев, и так как взять Браничево они не смогли, то решили и вовсе прекратить осаду. Боевые машины были преданы огню, и началось отступление. Но и уйти за Дунай, из-за разлива реки, переполнившейся от дождей, оказалось не легко. Венграм пришлось совершать марш вдоль реки на Белград. Здесь, на переправе через Саву, их нагнал и атаковал византийский авангард под командованием Василия Цинцилука¹.

Сначала ромеи имели успех. Венгров охватила паника, во время которой многие

Император Мануил I Комнин (1143-1180 гг.) с супругой.
Византийская миниатюра

¹По своеобразной византийской традиции, император доверил командование войсками не военачальнику, а чиновнику. Цинцилук занимал должность хартулярия, т.е. заведующего одной из царских канцелярий.

воины погибли в реке, но затем их командиры поняли, что противник располагает весьма ограниченными силами, и, восстановив порядок, сами перешли в контрнаступление. Ромеям был нанесен немалый урон, остальным пришлось спасаться бегством. Теперь император думал уже не о преследовании врага, а о том, как прикрыть остатки разбитого отряда Цинцилука и ввести сильный гарнизон в Белград, чтобы любой ценой удержать эту важную крепость.

Белградская крепость. Современное фото

Дело в том, что в Белграде зрел заговор, участники которого хотели сдать город венграм, так что принятые меры оказались весьма кстати. Вступив в город, императорский посланец Иоанн Кантакузин схватил заговорщиков, а затем под конвоем доставил к василевсу. Этим эпизодом и завершилась кампания 1155-1156 гг. Укрепив Браничево и Белград, Мануил отбыл в Македонию, где его армия расположилась на зимние квартиры. Кроме того, автократор не смог совершить вторжение в Венгрию и еще по одной причине. Как раз в это время через Дунай прорвалась большая орда куманов (половцев), и часть сил, участвовавших в походе против венгров, понадобилось отправлять против них. Тогда в одной из стычек со степняками погиб претендент на мадьярский престол Борис Коломанович.

И все же, настойчивый император никогда не отказывался от главной цели:

в Венгрии должен был находиться у власти преданный лично ему, Мануилу человек.

В 1156 г. василевс готовился перенести боевые действия на земли венгерского королевства. Предполагаемая победа должна была стать тем более полной, что Мануил вел переговоры о совместном выступлении против общего врага с Фридрихом Барбароссой. Византийская армия сосредотачивалась на Дунае, а военный флот поднялся вверх по реке, чтобы обеспечить форсирование столь серьезной водной преграды и обеспечить снабжение сухопутного войска.

Конечно, столь масштабные приготовления не могли остаться незамеченными. И вот, когда все было готово для вторжения, в императорский лагерь уже в который раз прибыли послы Гезы, просившие мира от имени своего короля. Венгры возвращали пленных ромеев, захваченных при разгроме отряда Цинцилука, и даже обязались возместить верховых лошадей и выючных животных, потерянных греками в ходе боевых действий. Для Мануила эти предложения оказались весьма своевременными, поскольку он собирался продолжить большую войну, начатую годом ранее в Италии¹. Кроме того, к этому времени оказался устранен и ряд второстепенных мотивов для продолжения войны с мадьярами, поскольку позиции Византии упрочились, как в Сербии, так и на Руси, где две державы издавна соперничали между собой. Таким образом, особых препятствий для заключения мира между Византией и Венгрией не имелось, и он был подписан.

В последующие годы византийско-венгерские отношения оставались ровными, и империя могла перенацелить свои военные ресурсы в другие регионы. Мануил вел войны в Италии, Малой Азии и Сирии. На Дунае все было спокойно. В свою очередь и король Геза II до конца царствования больше не пытался интриговать против Византии. Зато Константинополь никогда не отказывался от надежд иметь в Венгрии более покладистого короля. Еще в 1154 г.

¹Об Итальянской кампании императора Мануила см. в книге «Византия. Римская мечта».

брат Гезы герцог Иштван попытался отстранить его от власти, но заговор был раскрыт. «Вырвавшись из родственных рук», Иштван бежал к грекам и нашел у них самое радушное гостеприимство. Мануил не только ласково принял его, но и женил на собственной племяннице.

ролем совершенно не обязательно должен был стать сын предыдущего монарха, а наиболее достойный представитель правящей династии — в данном случае это мог быть один из королевских братьев, или его дядя.

После смерти Гезы так и случилось. Сначала королем был провозглашен его

Братиславский замок. Современное фото. На протяжении девяти веков Словакия входила в состав Венгрии, и за это долгое время ее столица, носившая название Пожонь, не раз служила резиденцией мажарским королям

По проторенной дороге за Иштваном последовал еще один брат Гезы — Ласло. А еще из Венгрии в Византию перебрался дядя короля Бела (который ранее являлся баном Хорватии). Теперь император назначил его жупаном (т.е. своим наместником в Сербии). Таким образом, в распоряжении Мануила имелись сразу несколько кандидатов на венгерский престол, которых в нужный момент можно было ввести в игру. Их шансы занять трон были весьма велики, поскольку, согласно мажарскому обычаю, ко-

сын Иштван III (1163-1172 гг.). Ему исполнилось всего пятнадцать лет, и придворная партия не без оснований считала, что ей легко будет управлять страной от имени юного монарха. Но и Мануил решил, что именно теперь пробил час осуществления его самых смелых надежд. К этому времени он как раз развязался с делами в Италии и Киликии. Кроме того, реализации его плана способствовала и рознь между отдельными группировками венгерских феодалов, поддерживавших различных канди-

датов в борьбе за высшую власть в королевстве. При этом, в отличие от 50-х гг., автократор надеялся не только сделать короля Венгрии своим вассалом, но и отторгнуть часть венгерской территории: Далмацию и Сирмий (междуречье Савы и Дуная)¹.

Сначала позиции молодого Иштвана III были весьма слабы. Вскоре после коронации ему пришлось укрыться на северо-западной окраине своего королевства в Пожони². А Мануил сделал ставку на его дядю — тоже Иштвана. Однако, именно из-за тесных и всячески подчеркивавшихся связей этого Иштвана IV с Византией, бо́льшая часть мадьярской знати отказалась признать его королем, как ни обольщали их ромеи ласковыми речами и не подкупали дарами.

Мануил оказался в сложном положении. Иштван IV готов был стать вассалом императора, но для этого ему требовалось взойти на трон в Эстергоме, а сами венгры видеть его там ну никак не желали. И все же, когда претендент обратился к своему покровителю за вооруженной поддержкой, василевс предоставил ему достаточно сильный ромейский корпус. Официально этими войсками командовал царский племянник Алексей Контостефан. Опираясь на столь мощное прикрытие с тыла, Иштван IV перешел Дунай и овладел важной крепостью Храм на левом берегу. После этого военные действия приостановились и начались переговоры, но как ни старался Иштван, он не мог привлечь на свою сторону венгерских аристократов, от которых зависела судьба его трона.

Без сомнения, информация о реальном положении дел была известна автократору Мануилу, и тогда, в качестве запасного кандидата, ромейской дипломатией был введен в игру старший брат Иштвана

Ласло. Это был совсем другой человек. Даже будучи вынужденным покинуть родину и обосноваться в Константинополе, он продолжал дистанцироваться от имперских властей, отказался жениться на византийской принцессе и не был замечен в антивенгерских интригах. Контостефан предложил венграм принять этого человека как короля Ласло II. Соответствующие договоренности, хотя и не без труда, были достигнуты, но всего через несколько месяцев Ласло скоропостижно скончался, так и не успев короноваться по каноническому обычаю.

Терпение Мануила иссякло, и под его давлением 11 февраля 1162 г., вновь оказавшийся востребованным императорский зять Иштван IV был поспешно коронован. Но и теперь дела пошли не гладко. Новый монарх, как выразился историк, «казался для подданных тяжелым и крайне неприятным». Такая формулировка означает, что Иштван, по-прежнему, не устраивал главным образом влиятельных представителей венгерской аристократии.

Венгрия в XI-XII вв.

- Венгрия в 1000 г.
- Земли, присоединенные к Венгрии в XI в.
- Земли, присоединенные к Венгрии в XII в.

¹Обе эти провинции когда-то входили в состав Римской империи, и василевс рассматривал их возврат лишь как восстановление справедливости, некогда попоранной варварами. К тому же, бо́льшая часть проживавшего там населения являлась православными христианами, а не католиками.

²Современная Братислава — столица Словакии.

Чувствуя непрочность своего положения, этот странный король опять обратился к Мануилу с просьбой о прямом военном вмешательстве, которое одно только и могло укрепить его на троне. Похоже, император был искренне рад столь удачно подвернувшемуся случаю, но вскоре Иштван вдруг отказался от собственной просьбы. Однако его репутация в глазах венгров была погублена окончательно. Теперь для всех он был лишь марионеткой в руках византийцев, и вскоре «гунны снова восстали на Стефана».

В свете этих событий молодой король Иштван III стал знаменем, вокруг которого объединились все национальные силы. 19 июня 1162 г. он нанес сокрушительное поражение своему сопернику, вынудив его бежать под защиту императора в Сердику.

В сложившейся обстановке, прежде чем принимать важные военно-политические решения, василевсу потребовалось время, чтобы собрать информацию о расстановке сил в высшем руководстве Венгрии. Кроме того, автократу пришлось наводить порядок в сербских делах, поскольку местный правитель вступил в подозрительные переговоры с мадьярами. Арестовав его и выслав под конвоем в Константинополь, Мануил двинулся во главе армии в Белград. Вероятно, именно здесь он пришел к выводу, что дальнейшая поддержка претензий Иштвана IV на престол лишена всякого смысла. Во всяком случае, на этот раз царь сам предложил Иштвану III заключить мир. В качестве условия подписания договора василевс предложил королю отправить в Константинополь в ранге «почетного гостя» младшего брата Белу и выделить последнему Далмацию и Сирмий на правах ленного владения.

Это был далеко идущий план. Беле отводилось нечто большее, чем роль знатного заложника. Ему предстояло получить в Константинополе византийское воспитание и стать инструментом внешнеполитической доктрины императора. Мануил собирался женить венгерского принца на своей единственной дочери и управлять от его имени землями, которые уже в течение длительного времени являлись предметом споров между Империей и Венгрией, а теперь безо всякой войны переходили под скипетр

автократора ромеев. Не стоит забывать также о мадьярском обычае, согласно которому королевский престол передавался не обязательно от отца к сыну, но к наиболее достойному мужчине в роду. Уж что-что, а Мануил, конечно же, сделает все возможное и невозможное, чтобы в будущем таким государственным мужем оказался его воспитанник, даже если к тому времени у Иштвана появятся собственные сыновья. Ведь, как отметил историк, Мануил «захотел, во что бы то ни стало подчинить себе землю гуннов, лежащую между землями западных народов».

Похоже, что советники молодого Иштвана III совсем не догадывались о многочисленных опасностях, скрытых в мирных предложениях императора. Для них они означали только, что Иштван IV лишится поддержки греков, и Венгрия будет избавлена от угрозы вторжения византийских войск, так как Мануил признавал законным королем их господина — Иштвана III. В итоге предложение было принято и мир заключен. Бела отправился в Византию, где получил титул севаста и православное имя Алексей. Правда, оставался еще неприкаянный Иштван IV. Он никак не хотел расставаться с мечтой о троне и то искал военной поддержки у Фридриха Барбароссы, то снова добивался покровительства у Мануила Комнина. Впрочем, все эти усилия не принесли реальных результатов.

Вроде бы, все складывалось неплохо. Мануил решил использовать наметившуюся передышку для очередной военной экспедиции против мусульман в Малую Азию, но тут по какой-то необъяснимой причине воинственные настроения возобладали при королевском дворе в Эстергоме. Побуждаемый советниками, Иштван III возобновил враждебные действия против Византии. Он велел оккупировать апанаж¹, ранее пожалованный Беле. Тогда же, то ли по собственной инициативе, или по команде из Константинополя, новую экспедицию против Венгрии предпринял и Иштван IV. Внешне все выглядело как сугубо частное предприятие претендента, но уж больно кстати оказалось это мероприятие для Мануила, который получил законный повод в очередной раз вмешаться в венгерские дела.

¹Ленное владение, выделявшееся некоронованному члену королевской семьи.

Он лично вступил в междуречье Савы и Дуная, расположился с войсками у городка Титель, в месте слияния Тисы и Дуная, а военачальника Андроника Контостефана с крупными силами послал на помощь Иштвану IV. Наступление византийцев оказалось настолько внезапным и стремительным, что король Иштван III бежал к дальним рубежам своего государства.

обстановке настигли василевса тревожные новости. От разведчиков-катаскопов стало известно, что против ромеев с большим войском идет чешский король Владислав II, выступивший на стороне венгров. И это несмотря на то, что, находясь в Константинополе во время Второго Крестового похода, этот государь принес Мануилу вассальную клятву верности.

Прежде чем испытывать судьбу силой оружия на поле битвы, император попытался вступить с королем Богемии в переговоры и выяснить, какие же интересы у Владислава в этом, в общем-то, чужом для него венгеро-византийском конфликте? В королевскую ставку был направлен тайный эмиссар василевса, от которого стало известно, что Владислав является поборником «чистой справедливости». Оказывается, он считал неоспоримыми права Иштвана III на венгерский престол, и в то же время полагал, что Беле следует вернуть вполне законно выделенный ему лен. Но ведь именно этого и до-

бивался сам Мануил, заключая с Иштваном мирный договор два года назад. Казалось бы, на этой основе можно расколоть антивизантийскую коалицию и почти бескровно завершить военную кампанию. Но вскоре после достижения соответствующих договоренностей к Мануилу прибыло посольство от венгерского короля. Иштван III требовал, чтобы его самозванец-дядя был лишен возможности плести интриги с территории империи. На этот раз император поступил хитрее. Он не стал продолжать войну и, дав своему наместнику в придунайских областях Никифору Халуфе указание тайно поддерживать претендента, вернулся в Константинополь.

После того, когда от Иштвана IV официально отвернулся его покровитель, он попытался вести борьбу в самой Венгрии, но вскоре от него, один за другим, отступились все сторонники. Иштван бежал в Сирмий, а византийцы так и не подоспели к нему на помощь. Только когда венгерское войско вышло к Дунаю, Мануил начал усиливать там

Братиславский град (замок), вид с Дуная.
Неприступное убежище молодого венгерского короля Иштвана III. Современное фото

Мануил двинулся вперед, но и теперь он еще был готов покончить дело миром. Находясь на марше, император отправил Иштвану письмо, в котором предлагал вернуть апанаж Беле. Но король, окруженный воинственными советниками, спешно собирал солдат, чтобы противостоять василевсу. А еще он лихорадочно искал союзников. И хотя обращения к Фридриху Барбароссе остались без ответа, но какие-то германские отряды, а также чехи и «тавроскифы» (т.е. русские) из Галича¹ все же оказались в составе венгерской армии. С такими силами король Иштван III и вступил в кампанию 1164 г.

Тем временем, в венгерской области Бач православное славянское население встречало Мануила и византийскую армию как освободителей. И было тут множество духовных лиц, «облаченных в шерстяные одежды, и державших в руках священные книги», а еще толпы людей всякого звания, и совершалось ими весьма согласное пение: «Соратававший, Господи, кроткому Давиду» и так далее. Но именно в этой праздничной

¹Иштван III был женат на дочери галицкого князя Ярослава Осмомысла.

боевую группировку, поручив возглавить ее своему зятю (мужу племянницы) и севасту Михаилу Гавре.

Подобная демонстрация силы приостановила дальнейшее продвижение мадьяр, но ненадолго. В 1165 г. Иштван III, считая, что Мануил продолжает поддерживать его врага, возобновил боевые действия и захватил у византийцев Сирмий. Император написал королю довольно резкое письмо, в котором упрекал его в нарушении мирного договора и заметил многозначительно: «смотри, как бы раскаяние твое не осталось бесполезным». Но ответа на это послание не поступило, и тогда государь надумал поддержать еще одну попытку Иштвана IV овладеть тронem Венгрии.

Тщательно прорабатывая план предстоящей кампании, он решил для начала лишить короля Иштвана III потенциальных союзников, а самому обзавестись новыми. В результате Венеция выразила готовность предоставить в распоряжение автократора сто боевых кораблей, а русские князья из Киева и с Волыни пообещали открыть против «угров» второй фронт на северо-востоке. Кроме того, Мануилу удалось разрушить союз венгров с галицким князем Ярославом, который пообещал императору сохранять в предстоящем конфликте благожелательный нейтралитет. Тут уж Иштвану не помогли даже его родственные связи с Осмомыслом. Наконец, василевс весьма кстати женил на византийской принцессе внука чешского короля Владислава, отвернув его лик от венгров. Да еще в состав ромейской армии, помимо собственно византийских воинских контингентов, на этот раз вошли отряды, присланные архижупаном Сербии и сельджукским султаном Икония.

Ну а венгерским витязям казалось, что удача сопутствует им, и дальше они будут одерживать одну победу за другой. После взятия Сирмия мадьяры осадили Землин. Однако, благодаря господству на Дунае византийской флотилии, крепость получала все необходимые припасы и подкрепления и вовсе не собиралась сдаваться. Правда, венгры попытались тоже собрать какие-то суда и даже напали на ромейскую эскадру,

но выучка греческих моряков оказалась неизмеримо выше. Один из венгерских кораблей был сожжен «жидким огнем», другие позорно бежали, осыпаясь стрелами.

Вид на Землин с Дуная. Современное фото

И все же, постепенно события принимали для Мануила неожиданный и неприятный оборот. Некоторое время Землин держался, но когда находившийся среди его защитников Иштван IV скончался, отравленный подосланным венграми человеком, то уже некому было убеждать командование ромейского гарнизона в необходимости продолжать сопротивление. Король Иштван III предложил капитуляцию на условиях сохранения жизни обороняющимся, и, как византийцы, так и мадьяры из числа сторонников умершего претендента, согласились, испытав нечто вроде облегчения. Это произошло в апреле 1165 г.

К концу июня василевс Мануил, закончив сосредоточение главных сил армии в районе Сердики, где располагался огромный лагерь полевых войск ромеев, начал, наконец, кампанию против врага, боевые качества которого, как выяснилось, он явно недооценивал.

Разработанный царскими стратигами план предусматривал выдвижение к Дунаю напротив мадьярской крепости Храм на северном берегу реки. Но это был лишь отвлекающий маневр, направленный на то, чтобы противник стянул к Храму свои силы и оставил без прикрытия переправы через Саву у Белграда.

Византийцы легко преодолели эту водную преграду (подавая пример воинам, го-

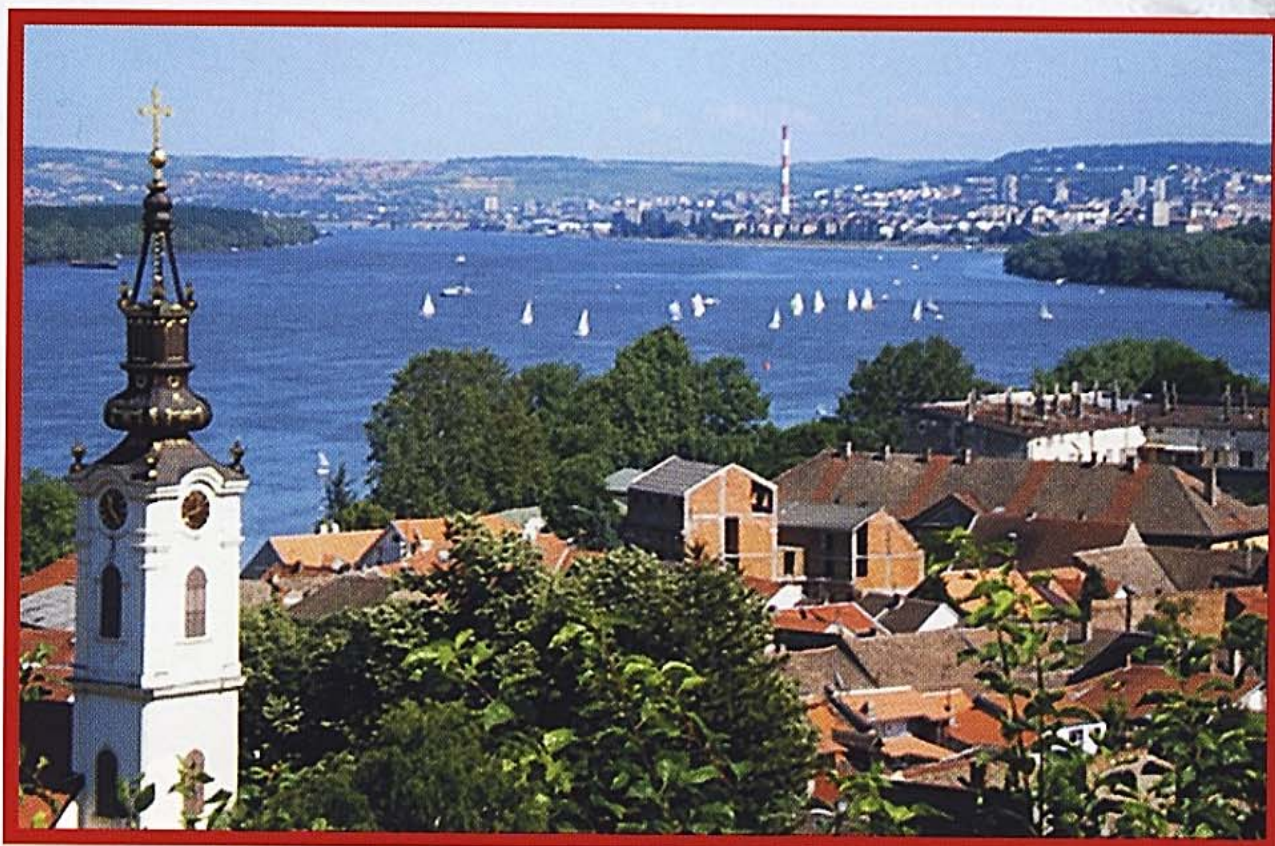
сударь первым вступил на западный берег) и сами осадили Землин. Имелись там у Мануила и тайные сторонники. Из их писем, отправленных со стрелами, василевс узнал, что мадьярский гарнизон ожидает подхода подкреплений. Эти сведения заставляли спешить. Уже на третьи сутки царь назначил решающий штурм крепости. Приступ длился два дня. Венгры «точили, словно змеи, языки, не только с рук пуская стрелы смертоносные, но из-за ограды зубов бросая стрелы позорных речей, смазанные ядом аспидов». Обе стороны несли потери, но Землин выстоял...

Вскоре передовые дозоры византийцев стали сообщать о приближении большой вражеской армии. Затем эти сведения подтвердил венгерский перебежчик. Выходило, что король Иштван ведет поистине неисчислимые рати из венгров, печенегов, русских и чехов. В этой обстановке спешно созданный императором военный совет принял решение поддерживать блокаду крепости относительно малыми силами, а основной части армии выступить навстречу неприятелю, чтобы не позволить ему перейти Дунай и вырваться на оперативный простор.

Вместе с тем, когда на завтра новых известий о противнике не поступило, военачальники ромеев решили воспользоваться возникшей отсрочкой и предприняли еще одну попытку овладеть цитаделью. Источники сообщают, что на этот раз византийцам сопутствовал успех. Вероятно, они заняли часть укреплений, и гарнизон предложил вступить в переговоры. Мануил выдвинул довольно суровые требования. Он желал, чтобы комендант Землины и подчиненные ему жупаны явились с непокрытыми головами, босыми и с веревками на шее. А когда те отказались, царь приказал возобновить штурм. Город был взят и подвергся грабежу. При этом «людей убивали, будто баранов». Венгерские военачальники попали в плен и «предстали перед царем с бесчестьем и плачем». Впрочем, жизнь им была сохранена, благодаря заступничеству принца Белы (получа-

ется, что он находился в ставке василевса). После этой победы Мануил вывел из области Сирмий большое количество пленных, предполагая расселить их на других территориях империи.

Ну а что же венгерская армия? Она так и не вступила в бой. Напротив, падение Землины вынудило Иштвана III начать переговоры о мире. Победитель пребывал в хорошем настроении и встретил послов, не скрывая иронии. Услышав, что король отдает ему Сирмий и Далмацию, Мануил насмешливо заметил: «Мы и так господа над всем тем, что вы нам теперь столь милостиво уступаете». Наконец, вволю потешив самолюбие и напомнив мадьярам о полноте их военного поражения, автократ согласился заключить мир безвозмездно, по-христиански. При этом, конечно же, все земли, занятые византийцами, остались в составе империи. Только в Далмации под контроль Византии перешли 57 городов.

Землин. Современное фото. За прошедшие века от некогда мощной крепости не осталось и следа, но древний город у слияния Дуная и Савы, по-прежнему, сохраняет неповторимый средневековый колорит.

После окончания боевых действий Мануил приложил немало усилий для укрепления дунайской границы. Белград и Ниш были приведены в оборонительное состояние, а Браничево заново заселено. Василевс будто в воду глядел. Едва он вернулся в Константинополь, как среди венгров и сербов начались волнения. Казалось, дело опять идет к войне. Но уже одного только известия

о том, что автократор собирается выступить в поход на северо-западную границу, оказалось достаточно, чтобы утихомирить врагов Византии, и порядок был восстановлен.

Зато в 1166 г. попытки венгров вернуть утраченные земли привели к новому и весьма опасному вооруженному конфликту. Командовавший их армией некий муж Дионисий¹, «доказавший свою опытность во многих войнах», вторгся в Сирмий и в ожесточенном ночном бою обратил в бегство ромейское войско дуки пограничной провинции Михаила Гавры и военачальника Михаила Враны. Чтобы произвести впечатление масштабами одержанной победы, мадьярский военачальник приказал насыпать высокий земляной курган, а на его склонах уложить тела погибших ромеев. Получалось, что трупов было очень много — целая гора.

Столь наглая демонстрация силы требовала адекватного ответа, и император Мануил решил преподнести венграм урок, внеся войну в самое сердце их страны. В то время как отвлекающие действия протостратора (т.е. главного конюшего) Алексея Аксуха должны были внушить врагу, что армия ро-

меев готовится перейти Дунай, еще один полководец — Лев Ватац во главе сильного корпуса форсировал эту реку совсем в другом месте, чтобы атаковать Венгрию с востока, где ее рубежи оставались без прикрытия. Задуманная операция полностью удалась, и Ватац, разорив земли противника, вернулся в пределы империи с богатой добычей. В то же время далеко на северо-востоке византийская экспедиция под командованием Иоанна Дуки опустошила венгерские владения, прилегавшие к русским княжествам. Зато на юго-западе обстановка сложилась не в пользу греков. Мадьяры сами вошли в Далмацию и почти без боев, благодаря измене местной знати, овладели этой провинцией. Царский наместник Никифор Халуфа оказался у них в плену.

Пока происходили все эти события, Мануил оставался в Сердике. Здесь он готовил новые войска и вел переговоры с немецкими феодалами о военном союзе. Таким образом, император надеялся открыть еще один фронт против Венгрии. Узнав об этом, Иштван решил и сам заручиться если не поддержкой, то, по крайней мере, благожелательным нейтралитетом Германии. В русле такой перемены политики он отослал свою жену к тестю — князю Галицкому и вознамерился жениться на дочери герцога Генриха Австрийского.

А Мануил вернулся в Константинополь и назначил очередную военную экспедицию против венгров на весну следующего, 1167 г. После Пасхи он прибыл в Филиппополь, где вел переговоры с мадьярским посольством, но завершились они безрезультатно. Тогда император двинулся дальше на северо-запад и в Сердике узнал, что войска Иштвана вступили в Сирмий. Для отражения этого нападения, василевс направил 20-тысячную армию, доверив командование над ней своему племяннику Андронику Контостефану. При этом военачальник должен был действовать по плану, разработанному василевсом.

Перед выступлением в поход государь лично обратился к вой-

В наши дни древний христианский храм Святого Георгия в столице Болгарии Софии со всех сторон обстроен современными многоэтажными домами. В Средние века в районе Сердики находился огромный полевой лагерь византийской армии.

¹Вероятно, так византийские авторы передали венгерское имя Дэнэш (Dénes).

скам с напутственной речью, «в простых словах» призывая командиров и солдат исполнить свой воинский долг. С другой стороны, государь так и не встал во главе войска, чтобы «при неизвестном исходе дел, и стыд поражения был менее чувствителен, и победа была тем славнее и блистательнее, так как и то и другое случится в отсутствие императора».

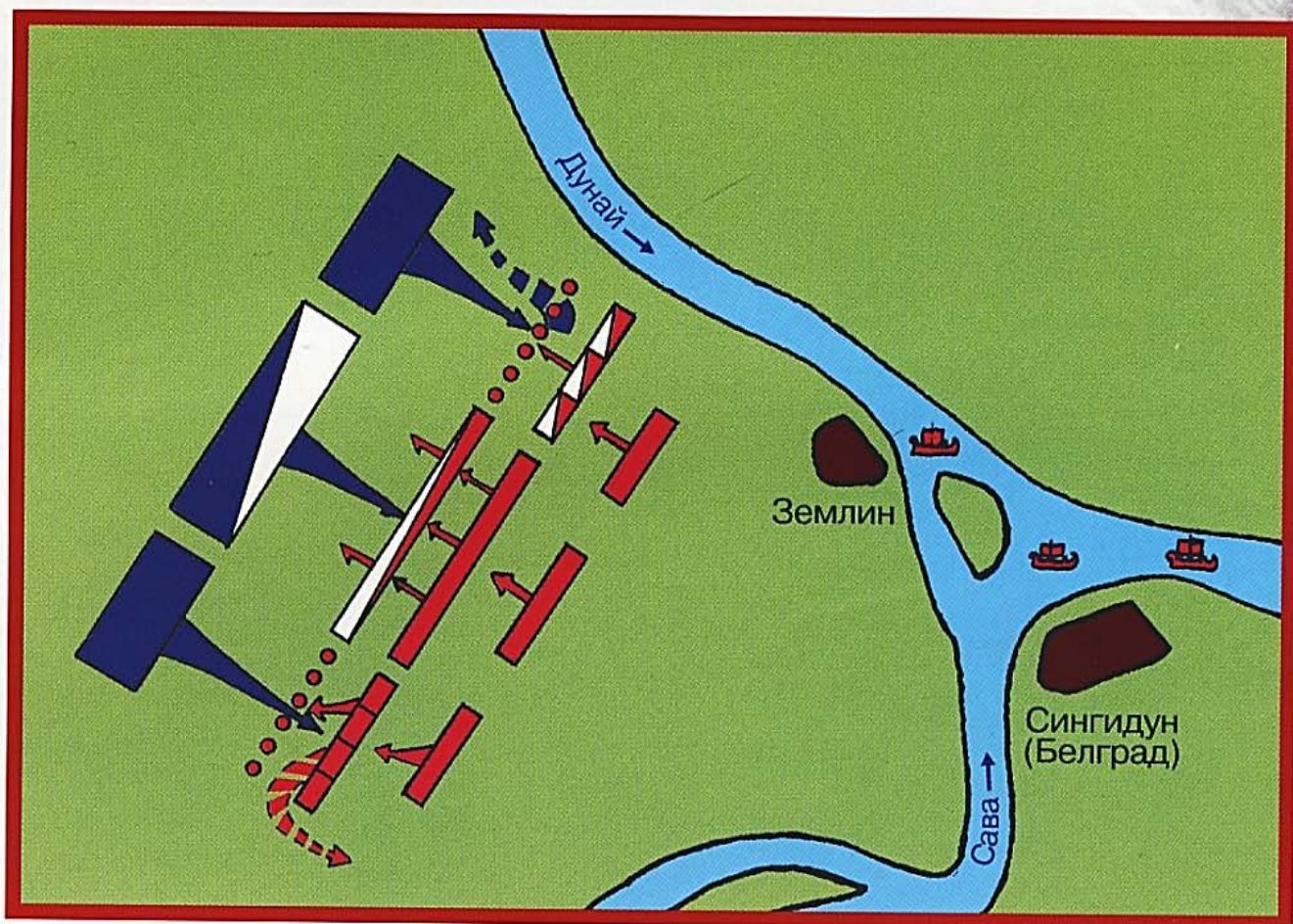
Следуя ускоренными маршами, Контостефан довольно быстро и беспрепятственно достиг Землина и здесь узнал о приближении венгерской армии во главе с палатином Дэнэшем.

8 июля, в день святого Прокопия противники готовились к решающему сражению. И надо же было такому случиться, что как раз в этот момент Контостефан получил царское послание, в котором государь, ссылаясь на неблагоприятное расположение звезд, запрещал полководцу вступать в битву¹. Судя по историческим источникам, Андроник Контостефан не относился к числу людей ярких и самостоятельных, но в тот день он повел себя как человек, не страшщийся ответственности. Оставив письмо автократора без ответа, Андроник приказал войскам перейти в наступление, хотя в случае неудачного исхода сражения (а предсказать таковой никто не решился бы) его ожидали крупные неприятности.

Численность венгерской армии составляла примерно 15 000 человек, среди которых имелись тяжеловооруженные конные рыцари (даже их лошади были прикрыты броней), лучники и пехотинцы. Мадьяры шли в бой плотной массой, «как черное облако», и над их рядами развевалось на ветру огромное знамя, установленное на повозке, влекомой четырьмя парами волов. Как писал историк, эта сплошная масса врагов, оцетинившаяся копьями, представляла собой «страшное, ужасающее зрелище». «Щит смыкался со щитом, шлем

со шлемом, муж с мужем», и даже «лошади несли ровно свои головы». Дэнэш, «полный дерзкого высокомерия», вел воинов в бой «с веселым лицом, с рукоплесканиями и радостью, как будто бы шел на игры».

Византийцы применили более прогрессивный — расчлененный боевой порядок. Вдоль фронта развернулась завеса из конных лучников и отряда кавалеристов, вооруженных копьями. За этим прикрытием в первой линии выстроились главные силы: на левом фланге византийцы; в центре, под командованием самого Контостефана, отборные ромейские части, итальянцы и сербы; справа кавалерия: греческая, германская, турецкая. Наконец, позади был предусмотрительно выделен резерв: тяжелая пехота и лучники.

Сражение при Землине 8 июля 1167 г.

Византийцы
 Венгры

Описание последних минут перед битвой, дошедшее до нас благодаря таланту византийского историка, исполнено неподдельного драматизма. «Когда войска стали сближаться, — писал Никита Хониат, — ржание коней и блеск сиявшего на солнце оружия производили еще более поразительное впечатление, возбуждая страх и удивление в том и другом войске».

¹Мануил всерьез занимался астрологией, что неоднократно создавало проблемы его царству.

Сражение началось около полудня на том же месте, где и в прошлом году, и теперь холм, усеянный останками погибших ромеев, служил грозным напоминанием о тяжелом поражении византийской армии.

Контостефан задумал сдержать наступление противника с фронта массированным обстрелом из луков, и в то же время попытаться охватить оба фланга венгров, что должно было привести к их полному разгрому и, возможно, даже к окружению. Неизвестно, читал ли стратиг описание битвы при Каннах, но, как известно, жизнь вносит коррективы даже в самые хорошие планы.

Правое крыло ромеев после упорной сечи нанесло поражение левому флангу «гуннов». Зато на правом венгры сами начали теснить византийцев. Окружение уже никак не получалось. В это же время наступление мадьярской армии в центре оказалось исключительно мощным, а печенежские стрелы не причиняли бронированной кавалерии противника никакого урона. Довольно скоро уstraшенные степняки бежали до берега Савы, находившейся в тылу у войска Контостефана. Вот тут-то по всему фронту произошло лобовое столкновение двух армий, и завязалась ожесточенная схватка не на жизнь, а на смерть.

В какой-то момент Дэнэш и сам решил предпринять глубокий охват ромеев, чтобы уничтожить их командующего. Вполне возможно, что удайся ему этот прием, и венгры действительно выиграли бы битву одним ударом. Положение спас царский хартуларий Андроник Лампарда, командовавший отборными частями на фланге второй линии византийцев. Он бросил свои отряды в контратаку, и натиск венгров сразу ослаб, стал вязнуть в массе стальных тагм ромеев. «И поднялся тут ужасный стук, повсюду раздавался треск, копья ломались о щиты и падали на землю». Ромеи начали уставать, и судьба сражения висела на волоске. Но теперь уже Контостефан повел в бой до сих пор стоявшие в резерве войска.

Ввод в дело свежих сил выправил обстановку. Какое-то время противники не уступали друг другу в яростном желании победить. Копья давно были сломаны, и воины дрались на мечах. Холодная сталь высекала искры, но панцири и кольчуги выдерживали удары. Тогда закованные в же-

лезо ромейские клибанофоры взялись за боевые палицы, и вот эти-то страшные удары произвели на венгров воистину ошеломительное действие. Один за другим, с окровавленными лицами и разбитыми головами валились с коней в пыль, под копыта мадьярские богатыри, и ничто не могло остановить ярости византийцев. Несокрушимый строй венгров, наконец, дрогнул, «и тогда не было ни одного ромея, который бы не поражал и не повергал пэонийца, или бы не обирал поверженного, или не надевал бы на себя другого вооружения, или не садился бы на коня, убив всадника».

Солнце клонилось к закату. По приказу Дэнэша трубы подали сигнал к отступлению, но было уже слишком поздно. Его армия в беспорядке бежала, тщетно пытаясь убраться за Дунай, который прочно сторожил византийский флот. Пресловутое венгерское знамя оказалось подрублено и стало частью огромных трофеев, добытых победителями в тот славный день. Много тысяч мадьяр остались лежать бездыханными на поле боя. Около 800 человек, среди которых были люди благородные и именитые, даже пять высокопоставленных военачальников — жупанов, попали в плен. Вечером ромеи собрали на поле битвы до двух тысяч комплектов лат, а сколько шлемов, щитов и копий сосчитать вообще не представлялось возможным. Кроме того, византийцы разграбили богатый венгерский лагерь, брошенный противником.

После столь блистательной победы Мануил вернулся в Константинополь триумфатором, хотя, скажем прямо, лично он не имел к ней никакого отношения. Торжественный кортеж василевса протянулся от ворот Святой Варвары до храма Божественной Премудрости (Св. Софии). Огромная толпа, заполнившая улицы столицы империи, во все глаза смотрела на открывавших шествие пленников. За ними, в упряжке из четырех белоснежных коней, двигалась нестерпимо сверкавшая под летним южным солнцем серебряная с позолотой колесница с образом Богоматери, «непобедимой защитницы и неодолимой соратницы царя». А за ней строго по чинам и рангам шли члены императорской фамилии, высшие сановники, сенаторы, советники и чиновники. Несть числа было этой пестрой веренице,

сопровождая ехавших верхом василевса и командовавшего христолюбивым воинством в победоносном сражении Андроника Контостефана.

Так, вполне заслуженным триумфом ромейской державы в 1167 г. фактически и закончились венгеро-византийские войны. К империи отошли Далмация и часть Хорватии. После этого Мануил утратил острый интерес к венгерским делам. Два года спустя у него родился сын и законный наследник Алексей. Таким образом, план соединения корон двух держав на голове его планируемого зятя Белы-Алексея утратил актуальность. Взамен расторгнутой помолвки с царской дочерью венгерский принц получил титул кесаря и руку сестры правящей императрицы. В 1173 г. после смерти Иштвана III венгры сами предложили Беле корону мадьярского королевства. О лучшем автократе не мог и мечтать, ведь теперь трон Святого Стефана занимал принц, на котором именно он — Мануил и остановил свой выбор. В ответ Бела принес клятву в том, что до конца жизни он будет «соблюдать выгоды императора и ромеев».

Реальным результатом венгеро-византийских войн было присоединение к империи Далмации. Вот только длилось оно не долго. Пока был жив Мануил, король Бела III неуклонно соблюдал свои обязательства перед Византией и был верным союзником империи. Когда же утомленный почти сорокалетним правлением василевс покинул сей бранный мир, и Ромейскую державу начали раздирать губительные усобицы, венгры легко вернули себе утраченное. Бела просто ввел войска в ранее утерянные провинции. А потом от Византии отпала Болгария и обрела независимость Сербия. Так что теперь два государства разделяли несколько границ. Периодически они вступали в различные коалиции, так или иначе затрагивавшие интересы друг друга, но в целом военное противостояние между Венгрией и Византией закончилось. В XIII веке усилия греческих правителей Никейской империи были направле-

Король Бела III (1173-1196 гг.) принимает католических монахов. Хотя он так и не стал зятем василевса, но зато, заняв венгерский престол, до конца оставался верным союзу с Мануилом I

ны на то, чтобы Венгрия не оказывала помощи латинянам в Константинополе. Еще позднее у греков и мадьяр появился новый и очень опасный враг — турки-османы. В 1396 г. европейское крестоносное войско, шедшее на помощь Византии во главе с венгерским королем Жигмондом, было разгромлено турками при Никополе. В 1453 г. османы штурмом взяли Константинополь, а семьдесят три года спустя пришел черед и венгров. Они потерпели катастрофическое поражение от турок в битве при Мохаче, после чего Венгрия более чем на 400 лет утратила независимость.

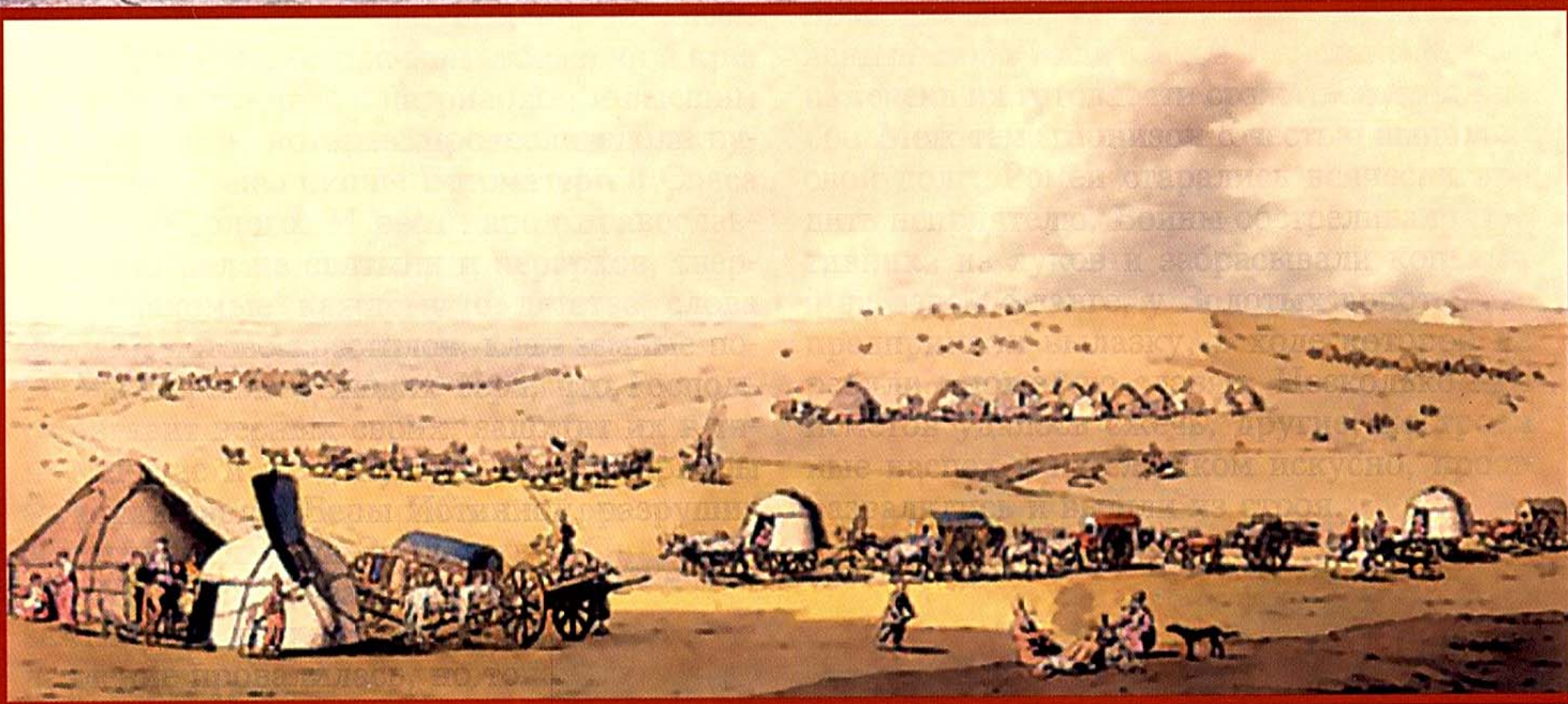

НОМАДЫ ДИКОГО ПОЛЯ

Кочевники в степи

омады-кочевники: печенеги, половцы, татары и целый ряд других племен Северного Причерноморья. Из школьного курса истории следует, что от их беспощадной жестокости веками страдали наши предки — русичи. Все это, конечно же, правда, но не стоит забывать, что в то же самое время эти варвары являлись опаснейшими врагами Византии, для борьбы с которыми Империи приходилось напрягать все силы. Далеко не всегда такие усилия приносили успех, и тогда в зеленых предгорьях Балкан и в долинах Фракии земля гудела от сотен тысяч копыт, горели окрестные города и села. Очень часто ромейские гарнизоны не могли остановить сметающую всё на своем пути лавину, подобную несметным стаям саранчи. Они запирались в стенах крепостей, и счастливы были успевшие укрыться там хлебопашцы. Остальные погибали под ударами кривых сабель, или угонялись в полон за Дунай, откуда не было возврата. Да и возвращаться было бы некуда, так как там где прошли дикари, оставалась выжженная пустыня, как будто от начала веков здесь никогда не жили люди.

В Константинополе, в обширных архивах Священного дворца и министерств-секретов хранились документы, свидетельствовавшие о нравах и обычаях племен и народов, с которыми Империи приходи-

лось когда-либо вести борьбу. За прошедшие столетия понятия «гунны» или «авары» превратились в некий отвлеченный, собирательный образ, лишенный реального содержания и практического значения. Другие пришельцы, такие, например, как болгары или венгры уже успели перейти к оседлому образу жизни, создали хотя и враждебные, но все же вполне респектабельные и доступные для понимания национальные государства. Безусловно, периодически и с ними велись войны, но они заканчивались подписанием мирных договоров, которые иногда соблюдались даже в течение достаточно длительного времени. Зато с новыми врагами, страшными своим обликом и непредсказуемым образом мыслей и действий, договориться не представлялось никакой возможности. В подобных случаях ромеям приходилось действовать методом проб и ошибок. Да и способов строить отношения с новыми соседями имелось не так уж и много: сила оружия и дипломатия. Использовали и то и другое, причем с переменным успехом. К тому же, не забудем, что и другие враги Византии не дремали, так что армии василевсов вели войну сразу на нескольких фронтах. Возможно, поэтому противостояние Ромейской державы с задунайскими кочевниками растянулось на несколько веков и, в конечном итоге, не принесло решающей победы ни одной из

сторон. Ну а начиналась эта история очень далеко, за тысячи миль от берегов величественно-неторопливого Истра-Дуная.

В IX столетии (впрочем, как это уже часто случалось в нашем повествовании, все даты здесь носят условный характер) в бескрайних степях, лежащих на пространстве от Западной Сибири до Южного Урала и протянувшихся дальше — через Приаралье в Нижнее Поволжье, обитали сразу несколько кочевых народностей. На обширной равнине, к северу от склонов Алтая пасли бесчисленные стада скота *кипчаки*. В бассейне реки Урал, на границе тайги и степи, традиционно жили *узы*. Южнее, между озером Балхаш и Аралом, кочевали представители племени *канг*, более известные нам тем именем, под которым они фигурируют в византийских источниках — *пачинакиты* (или пацынаки, а по-русски — печенеги). Все они являлись европеоидами по расовому типу, тюрками по языку и, в соответствии с лексиконом, принятым в современных академических научных кругах, «подвергались лишь естественной энтропии», к которой, очевидно, можно отнести мелкие, но постоянные военные столкновения. Решающее влияние на нарушение баланса в подобной, относительно устойчивой системе оказали начавшиеся климатические изменения. Степи поразила длительная засуха, превратив их в пустыни и полупустыни. Перед сотнями тысяч людей встал вопрос: искать для жизни другие, более благоприятные места, или вымереть от голода? Ответ на него был очевиден, и целые этносы двинулись в дальний путь. Дороги миграции кочевников пролегали в разных направлениях и часто длились десятилетиями. Но для нас важно, что многие роды и племенные объединения во второй половине IX в. начали продвигаться на запад.

Печенеги покорили узов и вынудили сняться с традиционных мест обитания мадьяр, но когда их вожди вступили в конфликт с могущественным Хазарским каганатом, то череда побед

прервалась. В союзе с узами хазары нанесли печенегам поражение и заставили их уйти еще дальше — в Северное Причерноморье.

Вот как описывал эти события император Константин Багрянородный в трактате «Об управлении империей»: «Да будет известно, что пачинакиты сначала имели место своего обитания на реке Атил¹, а также на реке Геих², будучи соседями хазар и так называемых узов. Однако пятьдесят лет назад упомянутые узы, вступив в соглашение с хазарами и пойдя войною на пачинакитов, одолели их и изгнали из собственной их страны, и владеют ею вплоть до нынешних времен так называемые узы. Пачинакиты же, обратясь в бегство, бродили, выискивая место для своего поселения».

В 889 г. печенеги появились в причерноморских степях. В 896 г. достигли Нижнего Дуная и в этих местах сразу же зарекомендовали себя в качестве серьезной военно-политической силы. Они выступали в союзе с болгарами против венгров, а затем с Византией против Болгарии. Правда, в 917 г. до реального совместного выступления печенегов и Византии против болгарского царя Симеона дело так и не дошло. Пока представители военных и гражданских властей империи выясняли, кто из них обладает большими полномочиями для ведения переговоров со степняками, время было упущено, и печенежские вожди отказались от вторжения за Дунай. И все же

Приволжская степь весной. Современное фото

¹Волга

²Яик — современный Урал.

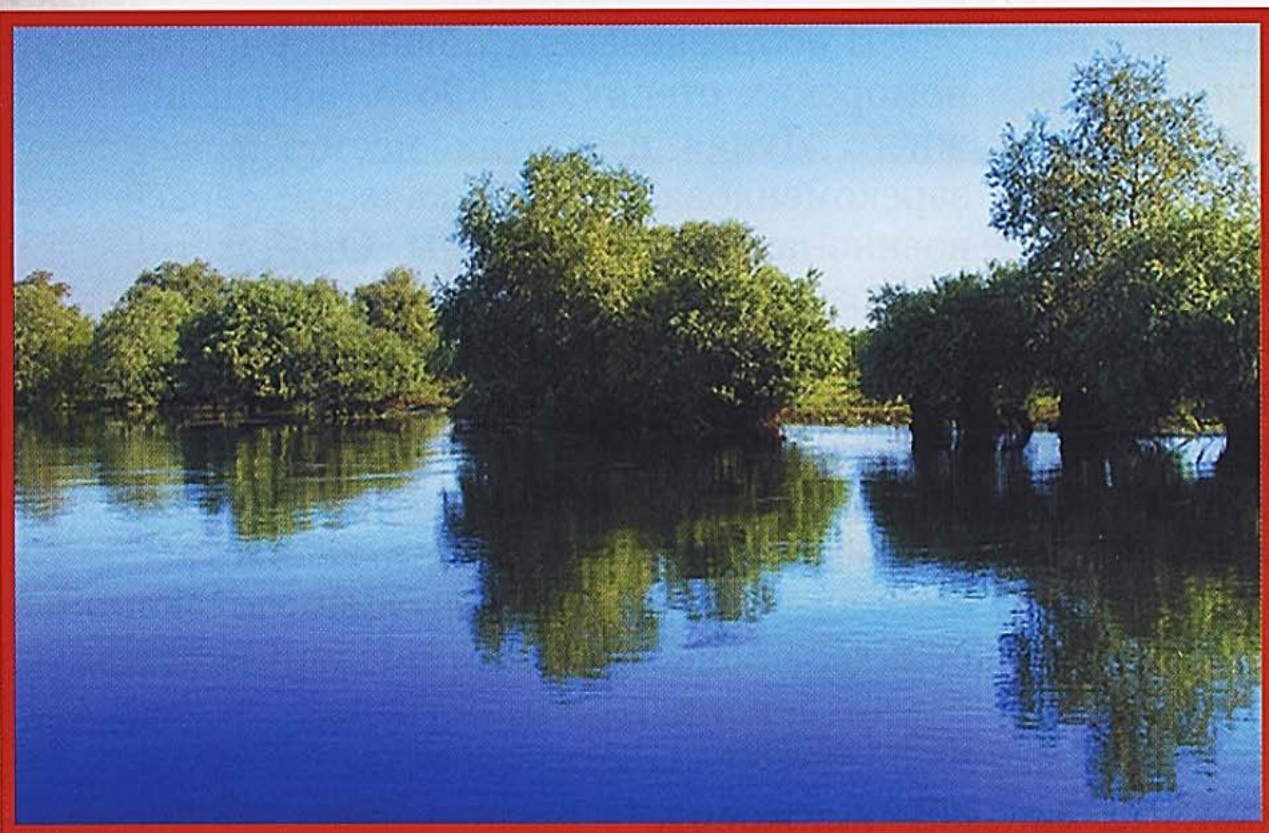

Константинополь традиционно высоко ценил печенегов в качестве противовеса беспокойным северным соседям. Недаром Константин VII писал: «Пока василевс ромеев находится в мире с пачинакитами, ни росы, ни турки¹ не могут нападать на державу ромеев по закону войны, а также не могут требовать у ромеев за мир великих и чрезмерных денег и вещей, опасаясь, что василевс употребит силу этого народа против них, когда они выступят на ромеев. Пачинакиты, связанные дружбой с василевсом и побуждаемые его грамотой и дарами, могут легко нападать на землю росов и турок, уводить в рабство их жен и детей и разорять их землю».

императору Роману Лакапину пришлось затратить немалые средства, чтобы откупиться от диких и необузданных врагов, после чего они повернули на север.

Девять лет спустя печенеги принимали участие в походе на Византию, предпринятом Киевским князем Игорем, причем, в качестве оплаты этого союза, Игорь отдал им на разграбление Болгарию. Затем в 970 г. степняки появляются за Дунаем в составе войска князя Святослава Игоревича во время русско-византийской войны. Святослав тогда потерпел тяжелое поражение в сражении под Адрианополем, в ходе которого его союзники «пачинаки» попали в умело подготовленную ромеями засаду и, оказавшись в окружении, были истреблены почти поголовно. Не забудем также, что далеко не все роды печенежские выступили на стороне Святослава. Именно кривая печенежская сабля положила конец беспокойной жизни русского князя, и его гибель явилась успехом византийской дипломатии.

В правление императора-воина Василия II (976-1025 гг.) Византия не испытывала особых проблем с пачинакитами. Как известно, железной руки этого василевса боялись не только болгары. Но затем ситуация изменилась. Киевская Русь успешно отражала набеги печенегов и в целом доби-

Дельта Дуная. Современное фото

лась перелома в длительной борьбе со степняками, а с востока их все сильнее теснили другие кочевники — узы (*торки* русских летописей). В этой ситуации печенегам приходилось перемещаться все дальше на запад к Дунаю, пока они не стали непосредственными соседями Византии.

Покорение Болгарии лишило Ромейскую державу своеобразной буферной зоны, и печенежский фактор серьезно дестабилизировал политическое равновесие в регионе, установлением которого так гордились византийские дипломаты. Теперь этих варваров не на кого натравливать, чтобы обезопасить северную границу. Зато территория империи сама стала объ-

Но недолго византийско-печенежские отношения оставались трогательным образцом семейного покровительства и вразумления отца, наставляющего чад своих. Очень скоро от блеска ромейского золота голодный блеск стал загораться в глазах пачинакитов. И тогда бесчисленные орды разноплеменных варваров, забыв о прежних распрях, вместе устремились за Дунай в поисках пищи, и трудно в такие годы приходилось, как болгарам, принявшим христианство, так и подданным василевсов. Выше уже говорилось, как в 934 г., вместе с венграми, печенеги вторглись во Фракию, жестоко разорив ее. Византийская армия не смогла отразить нападение разбойников, так что

¹Напомним, что так византийские авторы первоначально называли венгров.

ектом их вождений и набегов с целью захвата добычи.

Во время правления Константина VIII (1025-1028 гг.) тревожные предзнаменования будоражили суеверное сознание подданных василевса. Зимой даже южные реки промерзали до дна, так что их можно было перейти «аки по суху», а летом неправдоподобно крупный град выбивал посевы. По ночам страшная косматая звезда-комета грозила огненным хвостом жителям Византия. А однажды земля дрогнула и разверзлась под ногами. Жилища рухнули, погребая под обломками своих обитателей. «Какие

же еще кары небесные предстоит испытать людям за грехи их?» — гадали православные, но бессилён был ум человеческий прикинуть в высшие предназначения. Поэтому, когда не воображаемая, а вполне реальная беда обрушилась на Ромейское царство, она, как и раньше, показалась внезапным стихийным бедствием.

В 1027 г. пачинакиты осуществили вторжение в пределы империи. Сейчас сложно объяснить, почему оно оказалось столь легко осуществимым. С одной стороны уже около четверти века жизнь в землях между Балканами и Дунаем текла довольно

Печенежские воины XI в.

Основным оружием этих степняков были дротики и сложносоставные луки, которыми они владели виртуозно. В качестве оружия ближнего боя использовались палаши и сабли с искривленным клинком. Боевая тактика печенегов базировалась на стремительности маневров их конницы. В связи с этим, основная масса воинов (за исключением знати) практически не имела защитного вооружения. Позднее получили некоторое распространение стальные шлемы различной конструкции. Оба представленных всадника одеты в длиннополые халаты, типичные для кочевников. Вместе с тем, один из них восточный по своему покрою (с запахом), а «дизайн» другого скорее европейский (с застежкой вдоль борта).

Иллюстрация
Е.Ю. Емельянова,
© В.Н. Шиканов

мирно. Болгарам еще предстоит собраться с силами, чтобы попытаться вернуть себе независимость, а пачинакиты традиционно не рассматривались в Константинополе в качестве серьезных противников. Наверняка и гарнизоны византийцев в этих краях были не так уж велики. Да и что могли сделать пусть даже несколько тысяч воинов, разбросанных по немногочисленным крепостям, когда мимо них двигались нескончаемые орды степных хищников. Разве что ждать, когда с юга, из далекой столицы, придут, поспешавшие не торопясь, из-за обременявшего их тяжелого снаряжения и громоздких обозов, царские тагмы, которые, к тому же, как окажется, будут не в состоянии угнаться за легкой конницей кочевников. В результате придунайские фемы империи остались беззащитны перед хотя и неожиданным, но все же весьма предсказуемым вторжением варваров.

Феофилакт Болгарский писал о нападениях печенегов, как о стихийном бедствии, сопоставимом с природными катастрофами. «Их набег — удар молнии... Нападая, они всегда предупреждают молву, а отступая, не дают преследующим возможности о них услышать. А главное — они опустошают чужую страну, а своей не имеют... Гнаться за ними — все равно, что гнаться за недостижимым... Жизнь мирная для них несчастье, верх благополучия — когда они имеют удобный случай для войны или когда насмеются над мирным договором. Самое худшее то, что они своим множеством превосходят весенних пчел, и никто еще не знал, сколькими тысячами или десятками тысяч они считаются: число их бесчисленно».

Вот такой враг обрушился на Византию. Незначительные воинские контингенты малых приграничных фем не могли дать ему отпор и были разбиты порознь. Людей, имевших несчастье жить в этих местах, убивали на месте или угоняли в полон, и были среди них особы высокопоставленные и знатные. В этой отчаянной обстановке управлявший Сирмией патрикий Константин Диоген получил экстраординарные полномочия. Собрав под своим командованием все войска, которые находились на Балканах, он сумел одолеть орду варва-

ров во встречном сражении. Однако, скорее всего, не военное поражение заставило кочевников уйти за Дунай. Сохранились свидетельства, что семидесятилетний автократор Константин VIII, занятый всецело стремлением к наслаждениям, предпочитал «успокаивать их титулами и дарами».

В 1032-1034 гг. последовали новые набеги. Печенеги перешли замерзший Дунай по льду и опустошили земли Паристриона и Фракии. Их легкая конница появилась в Македонии и дошла до Фессалоники. Теперь уже император Роман III (1028-1034 гг.) потратил немало золота на выкуп у варваров многочисленных пленников, Вместе с тем, даже этот тяжелый урок, похоже, так и не был усвоен в Константинополе, и дунайский рубеж империи, по-прежнему, оставался без надежной охраны. Ранней весной 1036 года, когда на Руси князь Ярослав Мудрый разгромил печенегов у Золотых ворот Киева, другая их орда двинулась в Византию. Ужасающие бедствия обрушились, без различия пола и возраста, на жителей Ромейской державы. Пытаясь остановить врага, византийские войска потерпели ряд поражений, и летописец вновь упомянул об угнанных за Дунай пленных, среди которых были и пять царских «стратигов». История умалчивает об их дальнейшей участи. Вряд ли она оказалась счастливой, ведь сведений о том, что этих знатных мужей выкупили из плена, до нас не дошло. Что уж говорить о судьбе людей простых и не знатных.

Но даже такие бедствия оказались лишь прологом к еще более грозным напастям. Впереди Империю ожидала новая война, в которую державу втянули многоумудрые ромейские дипломаты, на этот раз перехитрившие самих себя, а за ошибки их пришлось сполна расплатиться подданным василевса Константина IX Мономаха (1042-1055 гг.). Этот добродушный, веселый человек и «большой шутник», искренне считал своим неотъемлемым правом жизнь, полную радостей и удовольствий. Разбазарив казну, доставшуюся от предшественников, Момах взялся пополнять ее строгим взысканием налоговых недоимок и экономией на войске¹.

¹Правда, не стоит забывать, что к описываемому периоду всем было ясно, что стратиотское ополчение уже не представляло собой реальную силу.

Василевс Константин IX Мономах с супругой, императрицей Зоей, предстающие перед Христом.

Мозаика храма Св. Софии, Константинополь, середина XI в.

1048-1053 гг.

К этому времени родоплеменная верхушка печенегов вела ожесточенную борьбу за полноту власти над всеми 13 коленами народа своего. Наиболее сильными игроками на этом поле являлись два хана: Кеген и Тирах. Вот только силы их были совсем неравны. Известного храбростью и подвигами на бранных полях Кегена поддерживали два улуса, а более склонного к мирной жизни Тираха — одиннадцать. Вполне возможно, что в ту эпоху именно Кеген более подходил для роли верховного вождя печенегов (ведь им приходилось отражать натиск продвигавшихся с востока узов), но большинство родов выступили за Тираха. В ходе ожесточенной сечи, где сыны степей без устали уничтожали друг друга тысячами, Кеген был разбит. Он увел остатки своих улусов в низовья Дуная и обратился к автократору ромеев с просьбой предоставить

ему и его людям земли для расселения в пределах Византии, обещая за это верно служить василевсу.

Естественно, что столь серьезный вопрос решался в Константинополе на самом высоком уровне. На этот раз мнения дипломатов из ведомства логофета дрома и людей военных из ближайшего окружения императора сошлись воедино. Предстоящее расселение орды Кегена в Придунавье сулило державе немалые выгоды. Северная граница будет прикрыта варварами против их соплеменников, а легкую печенежскую конницу, уже зарекомендовавшую себя отличными боевыми качествами, можно будет использовать на других театрах военных действий, против врагов империи, которые в последнее время усилили натиск на ее рубежи — например, против турок-сельджуков в Армении¹. Итак, разрешение было

¹Нападения на Византию двух тюркских, т.е. этнически близких племенных союзов (печенегов и сельджуков) начались почти одновременно, что приводит некоторых историков к мысли о скоординированности их военных усилий.

дано. В 1048 г. 40 тысяч печенегов перешли Дунай у Дристра и расселились на правобережье в качестве федератов империи.

Не исключено, что какие-нибудь хранители многовековой книжной мудрости поведали Константину Мономаху о том, как почти семьсот лет назад зачисленные в число друзей Рима готы вот так же оказались на Балканах, но непродуманные и, скажем прямо, алчные действия тогдашних римских чиновников привели к социальному взрыву, в результате которого в 378 г. погиб император Валент вместе со своими легионами, а государство оказалось на краю бездны. Избегая подобных ошибок, на этот раз византийские власти снабдили печенегов на первое время продовольствием. Чтобы приобщить степняков к оседлому образу жизни, в их распоряжение были переданы три придунайские крепости, где им предстояло нести гарнизонную службу. Сам Кеген удостоился благосклонного приема у императора в Священном дворце в Константинополе с соблюдением всех тонкостей сложнейшего византийского придворного протокола. Василевс богато одарил «грубого и неопрятного обитателя войлочных кибиток» и пожаловал титулом патрикия. Кеген и его свита приняли святое крещение и принесли царю присягу верности. Позднее монах Евфимий крестил в Дунае сразу двадцать тысяч новых подданных империи. Теперь все эти новообращенные дети Святой Церкви Христовой должны были не за страх, но за совесть защищать веру православную. Казалось, все предусмотрели ромейские дипломаты, но одного они учесть не смогли — коварного и непредсказуемого нрава вождя варваров. И не то чтобы он изменил своему покровителю. Просто от прежних разбойничьих привычек хан так и не отучился.

Почти сразу же Кеген стал совершать набеги на северный берег Дуная, где жили его соплеменники, подвластные Тираху, и доставлял им немало бед и лишений. Мужчин убивали, женщин и детей угоняли, чтобы продать затем в рабство. А так как задунайские печенеги оставались народом некрещеным, то и византийцы покупали этот живой товар, не испытывая каких-либо угрызений совести.

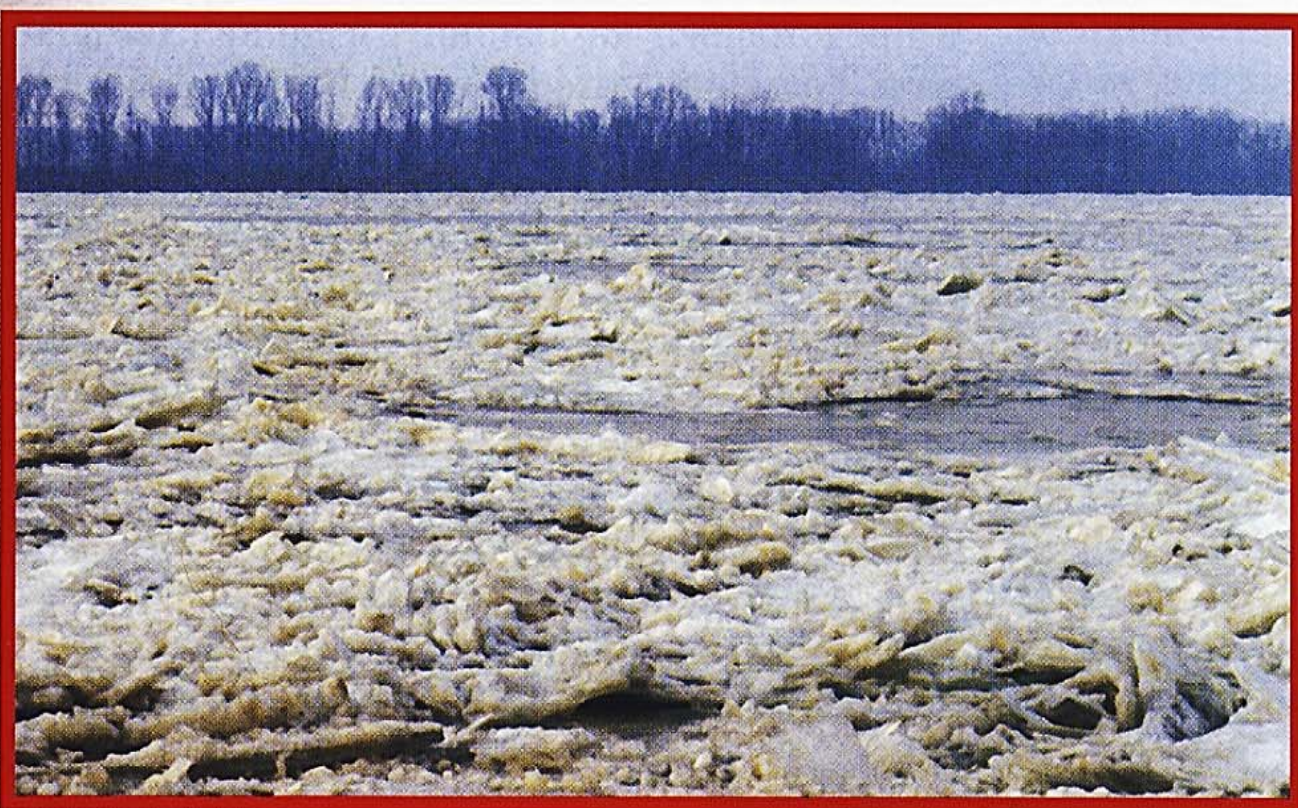
Дворцовые покои в Константинополе.
С картины худ. Б. Констана

Кому же понравится такое обращение? Хотя Тирах и располагал численным превосходством над соперником, но поделаться он ничего не мог, так как отряды Кегена каждый раз скрывались от возмездия на территории Византии за широкой лентой Дуная. В конце концов, Тирах официально потребовал, чтобы, если уж императору было угодно предоставить Кегену убежище на своей земле, то пусть он, по крайней мере, не станет допускать впредь набегов с его стороны. При этом послы Тираха ссылались на то, что и его народ также является «другом империи».

Константин лишь громко рассмеялся в лицо посланникам. Вероятно, он решил, что любой другой ответ варвару умалит его достоинство василевса. На всякий случай автократор велел усилить сторожевую службу на Дунае, приказал в случае вражеского нападения немедленно перебросить на север дополнительные воинские контингенты из Малой Азии и ввел в Черное море сто боевых кораблей, чтобы воспрепятствовать вражеской переправе через Дунай.

Теперь следовало ожидать ответного хода вождя печенегов, но когда он последовал, то все же застал византийцев врасплох. Зимой 1048 г., которая выдалась суровой и ранней, едва лишь замерз Дунай, орды Тираха вторглись в Болгарию. По оценке византийского хрониста их численность доходила до 800 тысяч человек. Цифра явно завышенная, а если учесть, что с востока печенеги испытывали постоянно усиливающееся давление со стороны узов, (а это значит, что в поход за Дунай они отправились, прихватив жен и детей), то вряд ли их количество достигало даже 200 тысяч воинов¹. Но даже в таком случае это был настоящий потоп, сметающий на своем пути все живое.

Зимний Дунай. Современное фото. Веками эта река служила границей между цивилизованным югом и варварским севером. Но когда мороз превращал воды в твердь, Север навевался на Юг

Вот какими описывал печенегов знаменитый византийский автор той эпохи Михаил Пселл: «Хотя мисы² телом не сильны и духом не отважны, сражаться и воевать с ними трудней, чем с каким-либо другим народом... Они не разделяют войско на отряды, в сражениях не следуют никакой военной науке, не признают ни фронта, ни левого, ни правого флангов, не разбивают лагерей, не окружают их рвами, а сбившись

в кучу, сильные своим презрением к смерти, с громким боевым кличем бросаются на неприятеля. Если враг отступает, они обрушиваются на него, как башни, преследуют и безжалостно истребляют, но если неприятельский напор и не рассыпается под варварским натиском, сразу же поворачивают назад и спасаются бегством. При этом они отступают в беспорядке и рассеиваются кто куда: одни бросаются в реку, всплывают или тонут в водоворотах, другие скрываются от преследователей и исчезают в гуще леса, третьи придумывают еще что-нибудь. Разом рассеявшись, они потом снова отовсюду незаметно сходятся в одно место, кто с гор, кто из ущелий, кто из реки. Если они испытывают жажду и находят реку

или родник, то набрасываются на воду и жадно пьют ее большими глотками, если же воды нет, то сходят с коней, мечами отворяют им жилы, выпускают из животных кровь, пьют вместо воды и таким образом утоляют жажду, потом они разрубают на куски тело самого упитанного коня, собрав какое-нибудь топливо, разжигают костер, слегка подогревают на нем куски конины, сжирают их вместе с кровью и грязью и, подкрепившись таким образом, устремляются в первое попавшееся убежище и сидят там, как змеи в норах, а вместо стен служат им обрывистые кручи и глубокие пропасти».

Из этого описания, помимо глубокого отвращения образованного византийца к варварам, следует, что главным козырем печенегов в ходе военных действий была большая подвижность, причем не только при нападениях, когда они внезапно атаковали не успевшего изготавиться к обороне противника, но и в случае неудачи такой атаки. Тогда, рассыпавшись, степняки могли уйти от преследования, а затем,

¹Как мы помним, в составе двух улусов Кегена, переселившихся за Дунай, насчитывалось 20 тысяч человек, тогда как у Тираха оставались еще 11 улусов.

²Такое античное имя автор дает печенегам.

собравшись, полностью восстановить бое-
способность.

На этот раз в Константинополе не могли недооценивать величину нависшей опасности. Понимая, что войска, находившиеся в распоряжении катепана фемы Паристрион Михаила, и «лояльные» печенежские отряды Кегена не смогут преградить путь вторжению многотысячной орды, василевс двинул наперерез врагу воинские контингенты под командованием дуки Адрианополя магистра Константина Арианита и проноита (наместника) Болгарии Василия Монаха. После сосредоточения все эти части поступили под начало хана Кегена, который, не забудем, являлся византийским патрикием и, самое главное, хорошо знал нравы и повадки соплеменников. Он решил измотать силы Тираха в ежедневных мелких стычках, не вступая в крупное сражение. И все же, не сила оружия принесла византийцам победу. Хронист замечает, что, оказавшись в стране, богатой разного рода припасами, не привыкшие к воздержанию печенеги «предались всяческим излишествам», то есть они опивались и объедались до тех пор, пока в стане Тираха не разразилась эпидемия дизентерии. От этой напасти варвары ежедневно умирали сотнями, а остальные настолько ослабли, что их можно было брать голыми руками. Именно в этот момент объединенные византийские силы пошли на штурм вражеского лагеря, и хотя их численность все еще уступала неприятельской, но устрешенные степняки побросали оружие и сдались на милость победителей. Кеген предлагал всех их перерезать во избежание неприятностей в будущем. «Убейте змею зимой, пока она окоченелая, а то весной она проснется с новыми силами и более злобной». В этих словах присутствовал большой резон и знание предмета, но византийские военачальники и сам цивилизованный Константин Мономах, считая такое предложение недостойным великого имени ромеев, отказались.

Император приказал расселить пленных в районах Наисса и Сердики (при этом оружие у них, от греха по-

дальше, изъяли), а 140 знатных кочевников во главе с ханом Тирахом доставили в Константинополь, где их крестили и пожаловали византийские титулы, хотя и не особенно высокие. Время покажет, что Кеген лучше знал натуру своего народа, и позднее грекам придется пойти на самые brutальные меры, чтобы навсегда избавиться от печенежской угрозы. Ну а пока, как писал другой византийский автор: «я знаю, как и все знают, сколько горя и слез случилось из-за них!»

Всего год спустя произошла настоящая катастрофа. Обеспокоенный успехами турок-сельджуков в далекой Армении, Константин Мономах решил двинуть против них войска из Европы. Тирах также получил приказ выставить для похода на Восток пятнадцать тысяч всадников. Естественно, что для участия в предстоящей кампании, им пришлось выдать оружие. Затем транспортные суда перевезли людей вместе с лошадьми через Босфор, и вот тут-то и начались неприятности. Печенеги собрались на сходку и принялись митинговать, решая, что делать дальше. Одни, боясь царского гнева, говорили, что нужно идти дальше, куда их направили с самого начала. Другие предлагали укрыться в труднодоступных нагорьях малоазиатской Вифинии, где можно было долгое время защищаться от гнева императора. И хотя таких оказалось большинство, но, как часто это бывает, победило мнение немногих, зато самых агрессивных.

Босфорский пролив. Современное фото. Сейчас его пересекают корабли различной величины, но были времена, когда столь серьезную водную преграду кочевники форсировали вплавь, на боевых конях

Один из печенежских вождей — Каталим заявил, что нужно вернуться назад, к соплеменникам, оставшимся в Болгарии. Вероятно, приведенные им аргументы оказались достаточно убедительными, поскольку вскоре распаленная толпа двинулась к берегу Босфора. Безусловно, морской пролив, даже здесь, в относительно узком месте, где его ширина составляла около 500 м., представлял собой серьезную преграду, но Каталим воскликнул: «Я укажу вам дорогу!» Не слезая с седла, он бесстрашно устремился в волны морские и «аки левиафан ветхозаветный» поплыл в Европу. За ним, один за другим, последовали пятнадцать тысяч печенегов. И почти все они достигли цели! Удивительная переправа свершилась в виду Константинополя, напротив церкви Св. Тарасия. Собравшись компактной массой, варвары двинулись отсюда походным порядком на Сердику, по пути грабя и разоряя фракийские селения, и никто не рискнул встать у них на пути. В конце концов, расселенные в Болгарии печенеги восстали поголовно, и, соединившись с отрядом Каталима, они ушли на север — за Балканы. Вот так, практически в одночасье, Византия утратила провинцию, с таким трудом отвоеванную тридцать лет назад и имевшую стратегическое значение для судеб Римской державы. Более того, варвары вовсе не собирались возвращаться за Дунай в степи, где они ранее кочевали, так что северная граница империи отныне сделалась понятием весьма условным.

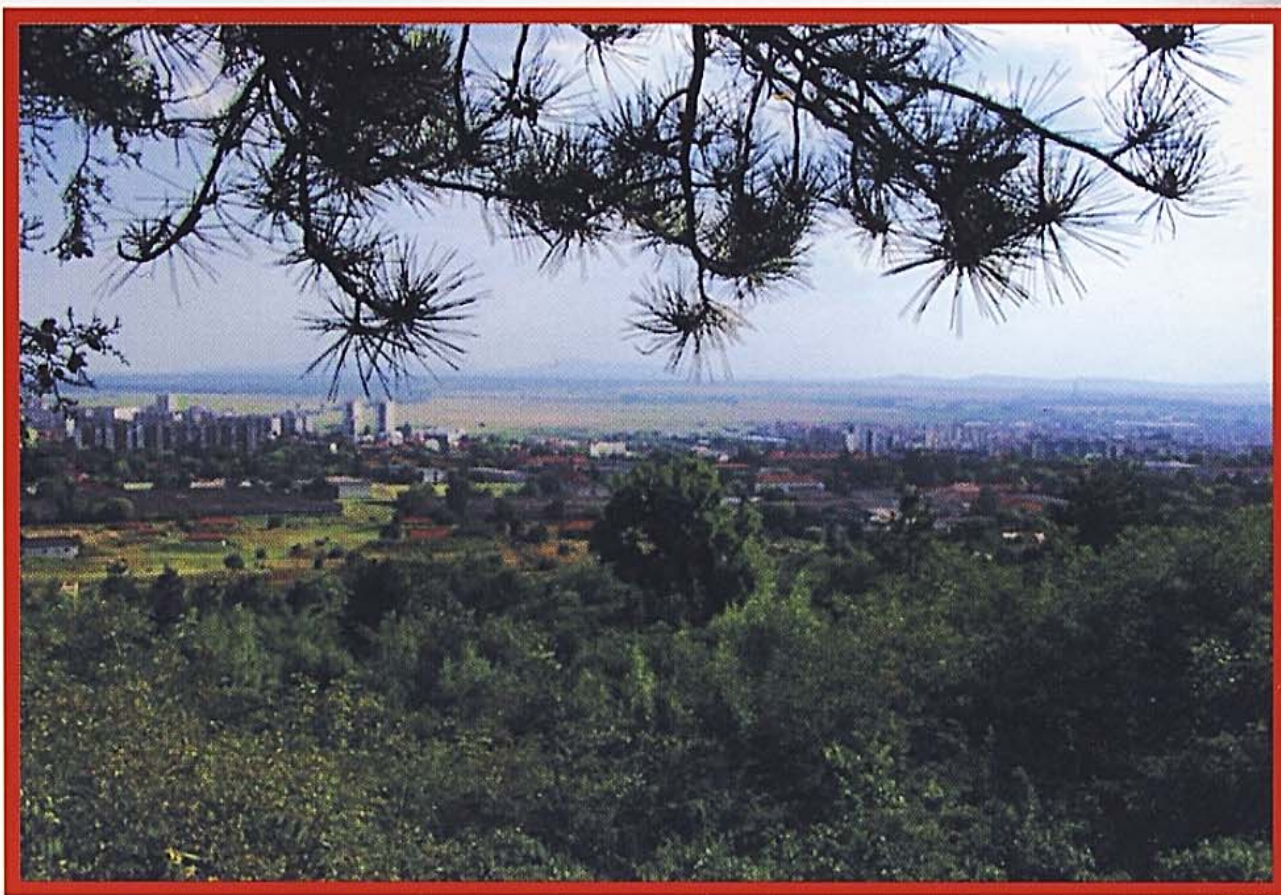
Дальше было только хуже. Византийцы поддались на нехитрую провокацию и лишились поддержки даже тех печенегов, которые до сих пор оставались верны им. Дело в том, что агенты Тираха попытались убить хана Кегена, но покушение было сорвано. Несостоявшиеся убийцы были схвачены и предстали перед самым государем. Допрошенные лично Константином IX, они объяснили свой замысел «верностью василевсу», так как Кеген якобы со-

бирался изменить ему, а убить пса, пренебрегшего милостями высочайшего благодетеля, который, к тому же одарил его столькими милостями, прямой долг всякого верноподданного.

В Византии случилось и не такое. Поэтому покушавшихся втихомолку отпустили, а Кегена поместили под охрану в дворцовых покоях и начали лечить от полученных ранений. Все это больше напоминало арест, хотя и довольно комфортабельный. Печенегов из ханской свиты обильно поили вином, но когда у них попытались отобрать оружие, они бежали к Балканам и, примкнув к бунтовщикам, стали самыми грозными врагами империи.

Первые меры, принятые властями для подавления мятежа, носили хаотичный, нескоординированный характер. Уже известный нам евнух Константин Арианит во главе войск фемы Македония бросился вдогонку за ордой хана Сельте, уходившей на север, но тот ускользнул, бросив свой лагерь, которым и занялись ромейские воины.

Весной 1049 г. Арианит, в распоряжении которого теперь находились объединенные формирования македонских и фракийских фем, двинулся против варваров, намереваясь нанести им решающее поражение.

На фотографии болгарский город Ямбол выглядит вполне современно. Но когда-то под греческим именем Диамполис он вошел в историю Византии, как место ожесточенных сражений ромеев с ордами кочевников, приходивших из-за Дуная

Столкновение произошло у крепости Диамполис. Безусловно обладавший большой личной храбростью, магистр Константин совершил несколько ошибок, недопустимых для полководца. Он не позаботился о том, чтобы разбить лагерь и дать войскам отдохнуть после изнурительного марша, хотя такая возможность у него была, ведь печенег не застали его войско врасплох на марше и тоже стояли, огородив стан повозками.

Затем передовые подразделения ромеев без приказа бросились в атаку на вражеские укрепления, но Арианит не пресек эту самодеятельность. Вместо этого, когда атакующие были отброшены, он начал вводить в бой все новые части. Надежно укрытые печенег засыпали атакующих градом стрел и отбили два приступа, а затем перешли в контрнаступление. Полные сил, ведь «пища и отдых обычно добавляют храбрости даже совсем никчемным», варвары буквально смели византийцев. «И произошло великое избиение, так как пали там сильнейшие и отважнейшие из ромеев, погибли многие мириады, и почти вся страна ромеев наполнилась плачем». Не знаю, как насчет «мириад», но во время бегства, охваченные паникой, македонские и фракийские отряды действительно понесли большие потери от стремительной печенежской конницы, а Западная армия Византии в тот роковой день перестала существовать как организованная сила.

Сам магистр Арианит с трудом добрался до Адрианополя и, извещая василевса о катастрофе, сразу же попросил у него новых войск, так как, имея под руками лишь жалкие и деморализованные остатки некогда грозных тагм, противостоять многочисленному и успешному врагу не представлялось никакой возможности. Следует признать, что, несмотря на безмерную любовь к развеселой жизни, Константин Мономах отлично понимал всю меру грозящей государству беды, и в этой ситуации шаги он предпринимал, общем-то, правильные, хотя и действовал методом проб и ошибок.

Василевс вызвал пред светлые очи свои хана Тираха, заставил его снова поклясться в верности, а затем отправил к печенегам, чтобы тот привел соплеменников к покорности. Однако, добравшись до ста-

на мятежников, он стал одним из главарей восстания.

В сложившейся ситуации требовались уже меры не дипломатические, а военные. На востоке удалось заключить перемирие с турками-сельджуками, и высвободившиеся войска начали спешно перебрасывать из Закавказья на запад, во Фракию. Вот только боеспособность их и, по-видимому, талант командиров, были уже далеко не те, что тридцать лет назад, в правление грозного Василия Болгаробойцы.

Благовещение. Византийская икона

По странной прихоти судьбы ими снова командовал евнух — ректор Никифор. Этот царский любимец имел некоторые успехи в Армении и теперь состоял в ранге стратига-автократора, то есть был наделен практически неограниченными полномочиями. Помогали ему еще один ветеран турецкой кампании — опытный в военном деле стратилат Востока Катакалон Кекавмен и энергичный командир западных (в основном норманнских) наемников Эрве Франгопул.

Источники не сохранили сведений о численности нового византийского войска, однако и на этот раз его вожди избрали наступательную тактику. Летом армия Никифора преодолела балканские проходы и расположилась лагерем в районе Диакена¹. Катакалон советовал напасть на варваров немедленно, но евнух очень не хотел повторять ошибок своего предшественника магистра Константиана Арианита. Он ждал, пока подтянутся обозы, чтобы на следующий день атаковать неприятеля всеми силами и налегке.

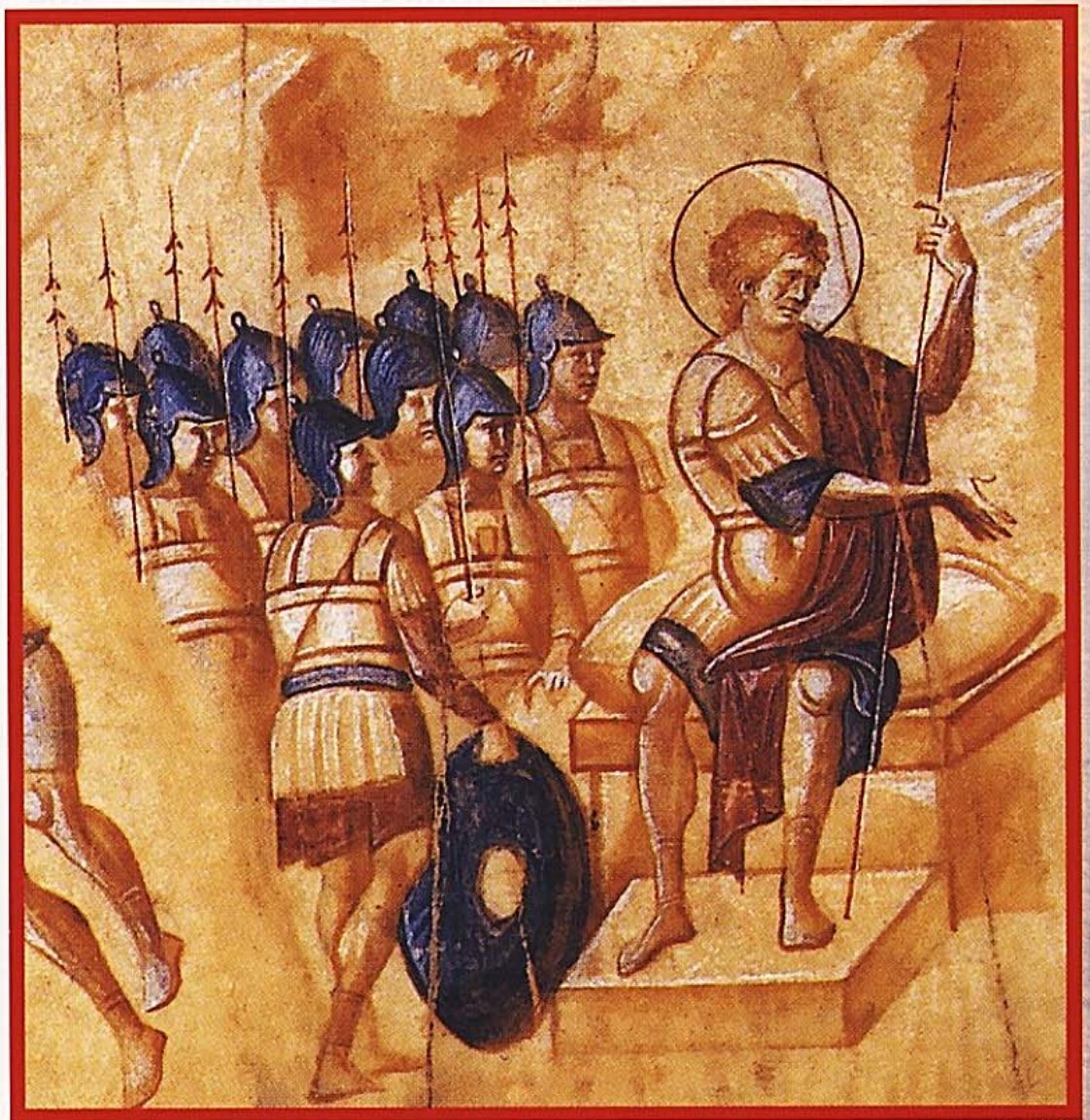
Никто в армии не сомневался в предстоящей победе. Солдаты даже запаслись веревками и ремнями, чтобы вязать многочисленных пленных. А Никифор сказал Кекавмену, что тот лезет не в свое дело, пытаясь командовать. А если более конкретно, то, если атаковать печенегов сейчас, то можно будет уничтожить лишь часть их войска, а остальные рассеются, по своему обыкновению. «Со мною, любезнейший, нет охотничьих собак, которые, вынюхивая, извлекали бы их из их укрытий?» — насмешливо подвел евнух итог дискуссии. Зато он пребывал в убеждении, что если все отряды противника соберутся в одном месте, то победа окажется решающей и позволит сразу единым махом закончить войну. После этого Кекавмену оставалось только умолкнуть...

Жизнь грубо опрокинула устроения стратига-автократора. Пока византийцы приводили себя в порядок после длительных маршей, к печенегам всю ночь подходили новые силы, и возглавлял их не кто-нибудь, а хан Тирах, некогда обласканный василевсом, а теперь предавший его. Когда утром царские войска выстроились, наконец, на поле битвы в боевой порядок, они увидели перед собой огромную массу врагов, стоявших сплошной стеной. А дальше печенежская конница пустилась в галоп, и земля дрогнула от тысяч копыт. Вот тут и выяснилось, кто лучше подготовился к сражению. Почти сразу же ромеи, включая высшее командование, бросились бежать. Лишь на правом фланге какое-то время стойко держался отряд Кекавмена, но

вскоре он был окружен и буквально растаял под градом стрел, как последний весенний снег под лучами жаркого солнца. Сам стратиг израненным попал к варварам в плен. Среди тел погибших его опознал один печенег, который знал Кекавмена, когда тот служил на Дунайской границе.

Впрочем, на этом все и закончилось. Победители не утруждали себя преследованием. Обобрав убитых, они провели ночь в захваченном лагере, где в брошенных армейских обозах им досталась огромная добыча. Вместе с тем, как это не парадоксально, из вышеприведенного описания следует, что, обратившись в бегство, византийцы избежали тяжелых потерь. Придя в себя, стратиги восстановили управление войсками и достаточно организованно отвели их к Адрианополью. Но вставать на пути у печенегов они больше не решались. Зато, как писал хронист, «печенеги после этой победы грабили и опустошали всю землю ромейскую, не встречая сопротивления».

Василевсу понадобились невероятные усилия, чтобы собрать армию, что оказалось делом весьма непростым, ведь бо́льшая

История Иисуса Навина. Византийская миниатюра. Иллюстрация к библейскому сюжету на самом деле изображает ромейских воинов

¹Местонахождение данного пункта не локализуется.

часть войск к этому времени была разбита и деморализована. Прошло почти полгода, прежде чем переформированные и пополненные македонские кавалерийские тагмы и пехотные таксиархии смогли в мае 1050 г. выступить в поход. Вместо впавшего в немилость евнуха Никифора, автократор поставил во главе их уже известного нам магистра Константина Арианита.

Эта, внешне все еще грозная сила сосредоточилась в огромном полевом лагере под стенами Адрианополя, но идти далеко ромеям отсюда не пришлось. 8 июня густые облака пыли, поднявшиеся над горизонтом, известили византийцев о появлении огромного конного войска печенегов, и вскоре развернулось сражение, ставшее для многих его участников роковым.

Весь предыдущий опыт подсказывал, что хотя магистр Арианит являлся по-настоящему храбрым человеком, но навести порядок в отношениях с подчиненными со времен разгрома при Ямболе ему так и не удалось.

Битва началась с того, что патрикий Самуил Вурца, молодой и отчаянно храбрый офицер, нарушив прямой приказ главноко-

мандующего, самовольно атаковал противника. Его отряд охранял ров, вырытый перед лагерем, и теперь бросился вперед, чтобы отогнать варваров. Не вполне понятно, на что он рассчитывал, если двинул пешую «фалангу» против легкой печенежской конницы. Степняки и не подумали вступать в ближний бой с монолитным строем тяжелой пехоты, а с безопасной дистанции засыпали ромеев стрелами. Византийцы сразу же начали нести потери. То тут, то там в строю стали появляться бреши. Наступательный порыв быстро угас, и Вурца посылал к страстигу гонца за гонцом, прося подкреплений.

Печенеги наседали все сильнее, и чтобы спасти отряд Вурцы от полного уничтожения, Арианит ввел в дело кавалерию. Ожесточенный бой закипел на вспаханных полях и среди виноградников, но натиск варваров был настолько велик, что греки дрогнули и обратили к врагу спины свои. Ну а уж в ходе преследования печенежские клинки порезвились вволю. Ведь сопротивления почти не было. Руби, не хочу. Тут и понесло православное воинство основной урон. Погибли, как «люди начальные», так и простые воины.

Неудачливый Константин Арианит был тяжело ранен и скончался три дня спустя. Другой военачальник, вестарх Михаил Докеян попал в плен. Он закончил свою жизнь как настоящий солдат. Представ перед одним из печенежских ханов, Докеян завладел мечом и, нанеся вождю варваров удар в горло, тяжело ранил его, потом полоснул по руке, а затем сам был изрублен на куски.

Остатки византийского войска укрылись в лагере. Печенеги пытались овладеть им, идя на приступ и заваливая ров камнями и срубленными ветвями деревьев. Неизвестно, долго ли смогли бы продержаться уже деморализованные поражением ромеи, но положение спас случай. Копье, выпущенное из катапульты, прямым попаданием пронзило печенежского хана Сулчу и его коня, что сразу же охладило пыл атакующих. А затем из Адрианопо-

Руины христианской базилики в Македонии.
Современное фото

ля подросла гвардейская тагма схол протоспафария Никиты Главы, ранее прибывшего из столицы. Печенеги приняли этот отряд за свежие подкрепления, подошедшие к ромеям из фемы Болгария, и отступили на север, к Балканам.

Вместе с тем, одержанные степняками победы развязали им руки. Теперь они могли совершать набеги, не опасаясь, что получат отпор. Для этого кочевники даже создали в районе бывшей столицы Болгарии Преслава укрепленный лагерь, используя его в качестве своеобразной военной базы, откуда и осуществляли свои грабительские нападения.

Вторая половина 1050 г. стала для Фракии и Македонии страшным временем. Печенежские банды безнаказанно вторгались туда несколько раз, грабя, сжигая, убивая даже грудных детей и уничтожая все, что не могли увезти с собой. Постепенно их набеги стали распространяться на окрестности Фессалоники и даже на Элладу до Халкидики.

Некоторые отряды подходили настолько близко к Константинополю, что их можно было видеть с городских стен. Василевс Константин Мономах хотел лично, во главе своей гвардии выступить против разбойников, но приступ подагры (болезни, которую дарит богатым людям вкусная и обильная пища) приковал его к ложу. Тогда, по поручению императора, очередной придворный евнух патрикий Иоанн Философ, возглавив небольшое подразделение, набранное из «царских слуг», напал ночью на отряд печенегов у городка Катасирт. Воспользовавшись тем, что перепившиеся варвары спали без задних ног, ромеи перерезали их до единого, затем отсекли головы и, свалив их на телеги, наутро предъявили жуткий подарок императору. Однако этот, в общем-то незначительный эпизод, конечно же, не мог коренным образом изменить обстановку на театре военных действий.

Стремясь выиграть время, Мономах послал остававшегося ему верным хана Кегена на переговоры с соплеменниками, но люди его давнего врага Тираха убили царского посланца, буквально искромсав тело на мелкие части.

Теперь византийские гарнизоны сидели по крепостям, не смея высунуть носа, а высшие власти прилагали отчаянные уси-

лия, чтобы любой ценой собрать какие еще только можно войска. Из Италии прибывали мрачные наемники-франки, традиционно высоко ценились воинские качества секироносных варягов. С востока Малой Азии, из Киликии и гор Тавра были перебросены 20 тысяч конных лучников, до этого охранявших сирийскую границу. Восточные рубежи империи оказались оголены, но другого выхода у императора просто не было. Так что данная мера наглядно свидетельствует о реальных размерах опасности, которую в тот момент представляла для Византии печенежская угроза.

Все части поступили в распоряжение патрикия Никифора Вриенния. Он имел приказ не пытаться вступить с кочевниками в крупное полевое сражение, а уничтожать отдельные банды, наводнившие округу. Отряды Вриенния успешно действовали в окрестностях Адрианополя. Южнее, у Родосто, проводили зачистки местности франки и варяги аколуга (т.е. командира иностранных наемников) Михаила, действовавшие беспощадно и эффективно.

Принятые меры позволили в сжатые сроки покончить с разбоями печенегов. Затем оба военачальника соединили свои силы и двинулись на север. Выйдя после форсированного ночного марша к Хариополю на границе Фракии и Македонии, они дождались, пока степняки покинут лагерь и отправятся грабить округу, а к вечеру, когда те вернулись с добычей и по своему обыкновению перепились, внезапно атаковали стан варваров и устроили им кровавую баню. Немногим кочевникам удалось увидеть восход солнца на следующее утро. Постепенно, заметно сократившиеся в численности, они были вынуждены уйти за Балканы. И хотя в 1051-1052 гг. мелкие набеги повторялись, но они уже не шли ни в какое сравнение с тем, поистине стихийным бедствием, которое обрушилось на империю двумя годами ранее.

Обычно историки довольно невысоко оценивают дарования императора Константина IX, но при всех недостатках этого человека, его, по крайней мере, не упрекнешь в отсутствии энергии. Весной 1053 г. василевс, желая, наконец, покончить с печенегами, заключил мир с мятежным сербским князем и соединил в мощный кулак войска Запада и Востока для решающего похода за Балканы. Командование объединенной

армией он вверил хорошо зарекомендовавшему себя в минувших кампаниях аколуфу Михаилу, назначив его «игемоном всего войска». В помощь ему синкелл (т.е. лицо духовное и опять-таки евнух) Василий¹ должен был привести воинские контингенты из фемы Болгария.

Вести солдат на штурм полководцы так и не решились. Кроме того, находившийся при штабе синкелл Василий потребовал повиноваться воле василевса, который действительно прислал в полевую ставку странное письмо, требуя не вступать в сражение, «если его можно избежать». Таким образом, те-

перь оставался единственный и довольно бесславный выход — отступление.

Чтобы избежать преследования со стороны противника, было решено сняться с позиций ночью, да еще в ненастную погоду. Но даже и этот план не удалось осуществить. Печенеги узнали о замысле неприятеля от перебежчика и заранее выслали подвижные конные отряды к горным теснинам — клисурам и отрезали все пути к отступлению. А когда ромеи покидали лагерь, Тирах атаковал их главными силами своей конницы. Последовало страшное ночное побоище, в котором подвергшиеся внезапному нападению и ошеломленные византийские полки были смяты и почти без сопротивления истреблены варварами. Среди погибших оказался и злосчастный Василий Монах. Лишь небольшой части войск, собранных Михаи-

лом, удалось добраться до Адрианополя. Сохранились, впрочем, и рассказы о том, как один ромейский отряд во главе с молодым офицером Никифором Вотаниатом (будущим императором) отступил в полном порядке, в течение одиннадцати дней отражая вражеские атаки, пока не присоединился к своим. Тем не менее, в результате этого разгрома, все плоды с таким трудом добытых ранее византийцами побед оказались полностью утрачены. Казалось, вновь вернулись страшные времена Вырбишской теснины и Версиникии².

Балканский театр военных действий Византии против кочевников Подунавья

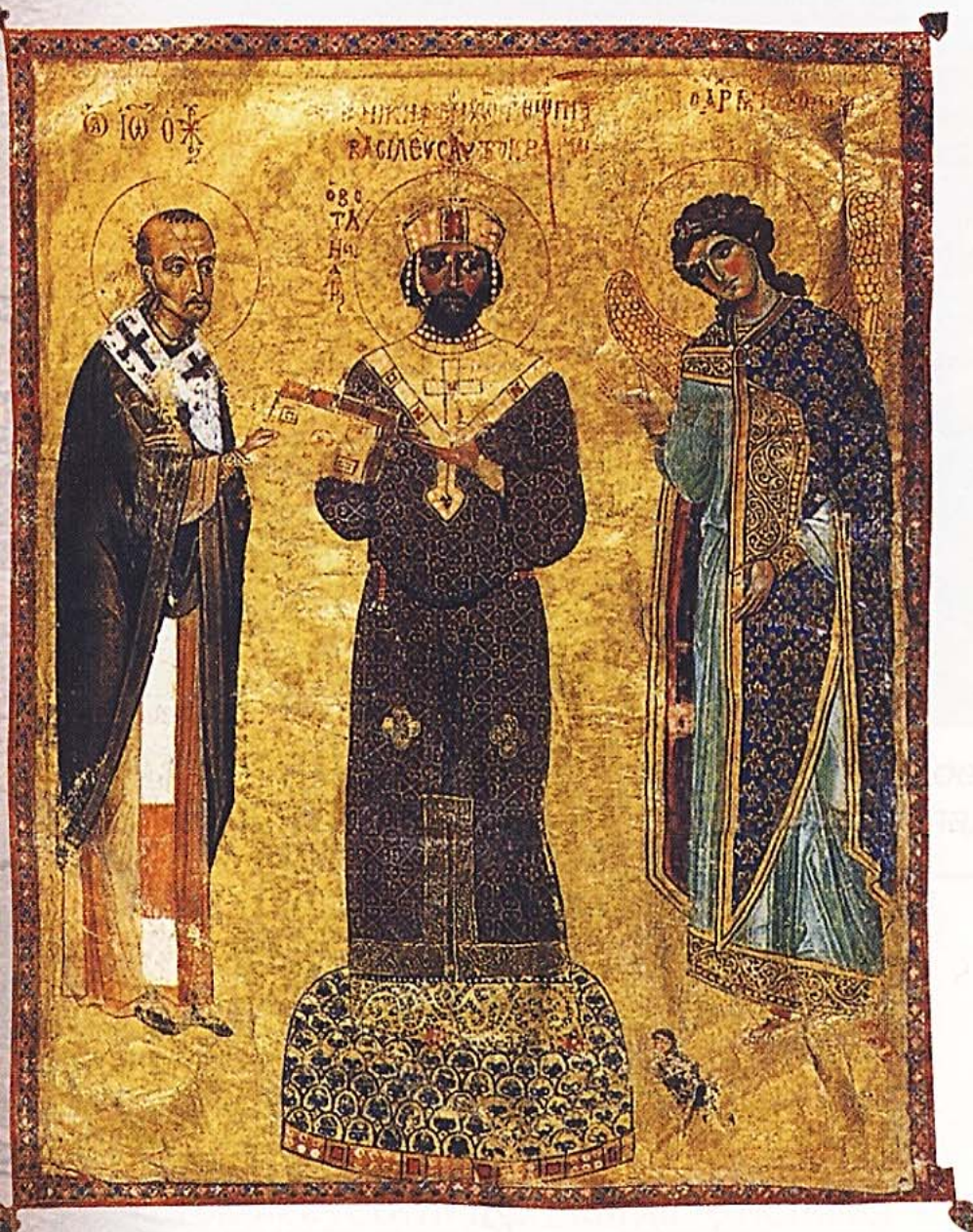
Пройдя горные теснины, византийское войско вышло напрямик к большому укрепленному лагерю печенегов у развалин бывшей болгарской столицы Преслава. На этот раз кочевники, укрывшиеся за частоколом и широким рвом, сидели в осаде, а регулярные войска ничего не могли с ними поделать. Наконец, на военном совете царских стратигов выяснилось, что у осаждающих заканчиваются запасы продовольствия, а новых взять негде, поскольку земли к северу от Балкан опустошены так же, как и на юге.

¹Тот самый Василий Монах, который еще в 1048 г. участвовал в разгроме печенежской орды хана Тираха.

²Имеются в виду тяжелые поражения, которые в 811 и 813 гг. почти в тех же самых местах нанесли византийцам болгары. См. об этом подробнее в книге «Византия — орёл и лев».

Столь неудачно начавшаяся кампания закончилась вполне по-византийски, т.е. довольно странно на взгляд нашего современника. Император Константин IX хотел было набирать новую армию, но придворные мудрецы заявили, что «Богу, очевидно, не угодно, чтобы кем бы то ни было уничтожен был один из языков, существовавших в известном числе по его воле». Это означало, что печенеги должны жить, хотя народец они довольно-таки несносный. Наверное, такая трактовка ромейских неудач вполне отвечала настроению василевса. Он полностью отказался от продолжения вооруженной борьбы, а тут еще, весьма кстати, сами печенеги, «смягченные щедрыми дарами», предложили заключить мирный договор, который и был подписан в конце 1053 г. сроком на 30 лет. Согласно его условиям, пребывание печенегов на землях Паристриона (Подунавья), а также в Македонии на сербской границе, было официально признано и узаконено. А они, в свою очередь, обязались нести службу в качестве федератов Империи и, в частности, защищать вновь восстановленную северную границу Ромейского царства.

Никифор Вотаниат со Св. Иоанном Златоустом и архангелом Михаилом.
Византийская миниатюра

К фактическому поражению в войне 1048-1053 гг. Византию привел целый ряд обстоятельств. Важнейшим из них было ослабление Западной армии империи, развернутой на Балканах. После жесткого правления Василия II, с авторитетом, силой и волей которого приходилось считаться всем соседям Византии, преемники этого василевса уже не могли жестко контролировать ситуацию ни на пограничных рубежах державы, ни даже внутри страны. Почти до самого конца XI в. престол занимали представители чиновничества, а то и вовсе люди случайные, включая разнообразных фаворитов, не обладавших никакими способностями. И часто случалось, что их неадекватные решения крайне негативно сказывались на судьбах государства.

После аннексии Армении в середине XI века Византия лишилась на Востоке буферной зоны, отделявшей ее от мира варваров, подобно тому, как это произошло на Севере после покорения Болгарии. Многочисленный и энергичный этнос — турки-сельджуки, используя типичную для всех кочевников тактику внезапных опустошительных набегов, для отражения которых новая армянская граница оказалась совершенно не оборудованной, начали наносить империи тяжелые поражения. Для устранения их последствий, приходилось перебрасывать наиболее боеспособные войска из Европы. В свою очередь, на Балканах и в итальянских владениях Ромейской державы во второй четверти XI столетия одно за другим произошли несколько восстаний честолюбивых полководцев, которые каждый раз удавалось подавлять с большим трудом. В этой ситуации высшая бюрократия в Константинополе опасалась собственных военачальников в гораздо большей степени, чем внешних врагов. Поэтому есть все основания полагать, что в эти годы вооруженные силы Византии и в первую очередь ее Западная армия сознательно ослаблялась центральной властью. Финансирование войск урезалось, а на высшие командные и административные посты назначалось столько евнухов, священнослужителей и прочих лиц, не имевших к военному делу никакого отношения. Безусловно вынужденная, такая кадровая политика вела лишь к новым поражениям. Ромеи несли значительные безвозвратные потери, а восполнять их было нечем, так как армия не могла защитить

жителей земель, подвергавшихся вторжениям кочевников. Погибало множество людей, а их хозяйства уничтожались, так что налоговые поступления в казну и возможности рекрутских наборов сокращались. Привлечение наемников-иностранцев также не могло кардинально исправить ситуацию, потому что, из-за подрыва экономики, у государства просто не было денег для формирования контингентов необходимой численности.

Получался странный парадокс: стремление к экономии денежных средств приводило к всё большей их нехватке. В результате, к середине XI века Византия почти лишилась своих балканских владений. Положение начало медленно меняться лишь, когда во главе империи вместо чиновных бюрократов стали вновь появляться автократы-воины.

Как и предполагалось, мир с печенегами, долго не продлился. Ведь «все люди этого племени опасны и вероломны, договоры о дружбе для них ничего не значат, и, даже поклявшись над жертвами, они не держат своего слова, ибо никакого божества, не говоря уже о Боге, они не почитают: все, по их мнению, происходит само по себе, и смерть для них конец всякому существованию. Поэтому они с легкостью заключают мир, но когда хотят воевать, сразу отказываются от договоров. Если ты берешь верх, они снова домогаются твоей дружбы, если же в сражении берут верх сами, то одних пленных убивают, других выводят на торжественную распродажу, за богатых запрашивают высокую цену, а если им ее не дают, предадут смерти и их».

С 1053 г. в течение шести лет о печенегах ничего не было слышно. В 1059 г., уже в царствование императора Исаака Комнина, они вновь «выползли из нор, в которых скрывались». Не исключено, что на подобный шаг их вождей спровоцировал венгерский король Эндре (1046-1061 гг.). Дело в том, что как раз в это время на территорию Византии вторглись какие-то венгерские отряды¹, и василевс, являвшийся прирожденным воином, повел армию на северо-запад, чтобы отразить нападение. В районе Сердики его уже ожидали послы венгерского короля, которые поспешили подписать мирный договор. После этого у Исаака оказались развя-

заны руки, и он отправился за Балканы, чтобы привести к покорности печенегов.

**Император
Исаак I
(1057-1059 гг.).
Золотой Тетартерон**

Кампания оказалась не особенно трудной. Почти не оказав сопротивления, вожди варваров припали к милости государя и поклялись (в который уже раз) хранить ему верность. Лишь хан Сельте пытался упорствовать, укрывшись на какой-то придунайской скале. Дальнейшее описано у Пселла: «Враги страшились самого Исаака и его армии, на царя, как на громовержца, не дерзали даже поднять глаз, а завидев плотно сомкнутые ряды его войска, разбежались. Только отдельными группами нападали они на нас и с громким воем устремлялись на неколебимых наших воинов. Но не могли они одолеть нас с помощью засад, ни встретить в открытом бою, и потому назначили сражение на третий день, а сами еще до вечера, бросив свои палатки и неспособных к бегству стариков и детей, рассеялись по труднодоступным местам. Согласно договоренности, царь выступил во главе построенного в боевые порядки войска, но ни одного варвара нигде не было видно, а от преследования царь отказался, во-первых, из страха перед скрытыми засадами, а, во-вторых, потому что враги ушли уже за три дня до этого. Исаак разрушил их палатки, взял всю добычу, которую там нашел, и как победитель двинулся назад».

Правда, на обратном пути, войско ромеев понесло немалый урон от обрушившейся на него 24 сентября 1059 г. страшной бури, когда потоки воды в вышедшей из берегов реке Осмы уносили людей сотнями. Зато потом, приведя себя в порядок, византийцы вступили в Константинополь подлинными триумфаторами.

¹Об этом см. выше.

После успешного похода василевса Исаака Византия восстановила свое господство в Подунавье. Мир на северной границе мог воцариться на долгое время, но то чего не удалось добиться варварам-печенегам, осуществили константинопольские интриганы. Прошло всего два месяца, и однажды на охоте за медведями и кабанами автократора «ударила в бок струя холодного воздуха». Государь простудился и на следующий день уже не мог встать с ложа, сваленный горячечным ознобом. Диагнозы, поставленные придворными врачами, оказались противоречивы. Одни говорили об обычной лихорадке, другие о малярии. Ближайшие родственники царя начали заживо его оплакивать, прощаясь с мужем и отцом. Наверное, государь и в самом деле чувствовал себя очень плохо и готовился предстать перед судом небесным. Собравшись с силами, он заявил окружающим, что хочет принять монашеский постриг...

ума во мне нашел больше, чем в остальных, то ли нравом моим был пленен, во всяком случае, на других почти и не смотрел, а меня отличал и любил так нежно, что жить не мог без моих речей и моей души», так ведь, как постарался нас убедить этот специалист широкого профиля, подобным образом получили достойную оценку его вполне реальные заслуги. Хотя злые языки утверждали, что именно Пселл «продвинул» на престол кандидатуру своего человека и даже специально вызвал Константина из Эдессы, где тот проживал на полуопальном положении.

Итак, все остались довольны. И хотя Исаак Комнин ко всеобщему удивлению поправился, но было уже поздно. Обратной дороги из монашества на трон не существовало, и когда через год бывший василевс упокоился в монастырской келье, то душа его, наверняка обрела царствие небесное. А Пселл стал наиболее влиятельным царедворцем нового государя Константина X (1059-1067 гг.).

Скалы в Северной Болгарии. Современное фото. Именно такие естественные укрытия помогали печенегам отражать нападения византийцев

Сейчас невозможно утверждать точно, сам Исаак пришел к такому решению, или, воспользовавшись испугом больного человека, его деликатно подвели к этому выбору. Согласно Михаилу Пселлу, Комнин уже был готов испустить дух, когда, откликаясь на мольбы царицы назначить себе преемника, повелел привести «славного родом» Константина Дуку. Ну а то, что этот вельможа, по словам Пселла, «то ли потому, что

Император являлся высокообразованным человеком и слыл поборником, как бы мы сейчас сказали, «правового государства», считая, что все спорные вопросы следует решать в судебном порядке. Правда, вскорости работа судов оказалась парализована из-за того, что они были завалены исковыми заявлениями, а вынести обоснованное решение стало почти невозможно, что во все неудивительно при наличии в Византии

широкого сословия профессиональных клеветников (т.е. лжесвидетелей).

А еще Константин X был талантливым финансистом, всемерно заботясь о пополнении государственной казны. Человек сугубо гражданский, он, как это не раз случалось в истории Византийской империи, начал с экономии на войске, что в самом скором времени привело к очень тяжелым последствиям.

Константин X.

Золотой гистаменон.

В царствование этого миролюбивого василевса Византия буквально чудом избавилась от нашествия многочисленного и безжалостного противника — кочевников узов

Когда в сентябре 1064 г. на левом берегу Дуная появились несметные полчища узов, империя не располагала достаточными силами, чтобы отразить готовящееся вторжение. Не было выхода и у степняков. На севере их разбили русские князья, и теперь они устремились на юг. На выдолбленных челнах-однодревках и кожаных мешках, наполненных соломой, 600-тысячная орда узов форсировала великую реку и легко смяла передовые греческие и болгарские заслоны, составленные из местных ополченцев. Затем кочевники устремились на юго-запад, к Фессалонике и Элладе.

Император Константин X потерял голову. С военным делом он был незнаком, да и сама мысль о том, чтобы противостоять в открытом поле мириадам хищников, выглядела безумной. Тем более что каждый из них, можно сказать, родился с копьем и луком в руках и с самого раннего детства проводил жизнь в седле. Какие-то вожди узов все же явились по приглашению василевса в Константинополь и были умиротворены богатыми дарами, но чтобы подкупить всех варваров не хватило бы сокровищ византий-

ской казны. Поэтому Фракия и Македония подверглись ужасающему опустошению. Казалось, что возвращаются страшные времена Аттилы.

Враг появился даже в окрестностях столицы. В богоспасаемом царственном граде всерьез обсуждалась возможность переселения жителей за Босфор — в Азию. Не надеясь на защиту властей земных, люди обращались к заступничеству сил небесных. В Константинополе объявили всенародный пост и покаяние, ежедневно проводились крестные ходы с православными реликвиями. Сам император горько плакал на глазах у обескураженной толпы.

Хотите, верьте, хотите, нет, но именно в те самые драматические дни в Византию пришло спасение от неминуемой гибели. Из плена начали возвращаться ромеи, и из уст в уста в столице передавались их рассказы о полной гибели варваров. А дело было так: сначала узы, подобно саранче, истребили на захваченных землях все, хоть мало-мальски пригодные в пищу, запасы. Затем в их становища естественным образом пришли голод и эпидемии. Так и сгинули сотни тысяч варваров и лишь самые дальновидные вожди вовремя увели свои отряды за Дунай, ощущая в кошельках приятную тяжесть ромейского золота. Но радоваться им предстоит недолго. Их добьют печенеги. А пока, к югу от Дуная выживших, но оставшихся без сил узов, безжалостно топтала коваными копытами боевых коней византийская кавалерия, и давили колеса обозных телег.

После окончания нашествия горожане приписывали избавление одному лишь Господу Вседержителю, потому что ни храбрость войска, ни умение стратигов несколько в том не участвовали. Находились даже «очевидцы», которые рассказывали, как неподалеку от стен Константинополя, во время очередного крестного хода, внезапно появившийся отряд узов был обращен в бегство невидимой силой, «воздушным войском, которое метало свои стрелы и не оставило ни одного врага не уязвленным». «Таким образом, — писал византийский историк, — при царе Константине, с одной стороны, обрушились сильные удары на ромейскую землю, с другой — последовало избавление от величайшей опасности: враги были поражены неожиданной гибелью, какой никто и никогда не мог надеяться». После этого

узы больше не беспокоили империю. Некоторое их количество было расселено в Македонии на условиях несения царской службы; причем, в отличие от печенегов, федератами они оказались гораздо более спокойными. В дальнейшем и те, и другие принимали участие в походах византийского войска против турок-сельджуков.

Спаситель. Мозаика Святой Софии Константинопольской

После смерти Константина X престол перешел сразу к трем его несовершеннолетним сыновьям при регентстве их матери, Евдокии Макремволитиссы. Образованные ромеи знали, что женское правление не приносило процветания Византии. Действительно, натиск врагов на всех границах усиливался, и держава теряла все новые территории. В этой обстановке представители высшего армейского командования настояли, чтобы вдовствующая императрица избрала себе нового супруга, который смог бы навести порядок в стране и дать отпор северным, восточным и всем прочим варварам.

Перспектива установления правления «солдафонов» никак не устраивала чиновную бюрократию, но ей быстро заткнули рот. Евдокия вышла замуж за решительного и волевого полководца Романа Диогена, который за время своего правления стремился восстановить былую мощь ромейского воинства, но поражение, нанесенное византийцам в 1071 г. турками-сельджуками в битве при Манцикерте, и поднявшие голову изменники в Константинополе, лишили этого василевса власти, а затем и самой жизни.

Новым императором стал подросток сын Константина Дуки, Михаил VII, который формально считался государем еще с 1067 г., но реальной властью не обладал. Возможно, что человек он был неплохой, но для автократора Византии этого оказалось явно недостаточно. Подобно отцу, Михаил экономил на финансировании армии. Войска почти перестали получать жалованье, и результаты не замедлили последовать. Годы правления Михаила VII (1071-1078) остались в истории Византии как период тяжелых испытаний и территориальных потерь. После Манцикерта сельджуки установили контроль над Малой Азией. На Балканах восстали болгары, Хорватия и Зета¹ фактически стали независимыми. В нижнем Подунавье образовалось самостоятельное владение печенежского хана Татуша с центром в Дристре (Доростоле). В 1077 г. мятежники подступили к стенам Константинополя. Овладеть столицей они, конечно же, не могли, но зато на обратном пути превратили в пепелище Фракию и Македонию.

Положение осложнялось то и дело вспыхивавшими восстаниями честолюбивых полководцев, стремившихся отстранить молодого василевса от власти. В некоторых из этих «апостасий» принимали участие кочевники-печенеги и другие «скифы», периодически появлявшиеся из-за Дуная. Смутное время настало в Византии.

Весной 1078 г. Михаил VII, утративший контроль над ситуацией, отрекся от власти, а василевсом, в соборе Святой Софии, был провозглашен один из мятежных военачальников — 77-летний Никифор III Вотаниат (1078-1081 гг.). Стремясь обрести опору в официальных государственных

¹Современная Черногория.

структурах, он, в отличие от своих предшественников, начал щедро раздавать деньги: церкви, армейской верхушке, чиновным бюрократам. Надо сказать, что делу это не помогло, и спокойствие в империи так и не наступило. Мятежи продолжались, а внешние враги, казалось, еще больше озлобились.

Император Никифор III Вотаниат на троне. Византийская миниатюра

К этому времени в причерноморских степях активизировалось новое племя пришельцев-кочевников — *половцы*, известные также под именем куманов. Достаточно яркую характеристику этих степняков оставил еще один греческий автор, Евстафий Солунский: «Это народ, не имеющий прочного, постоянного пребывания, — писал он, — не знающий оседлой жизни и потому не гражданственный. Всякой землей он стремится завладеть, но ни одной не может заселить, и посему — это народ *многоблуждающий*. Это летучие люди, и поэтому их нельзя поймать. Они не имеют ни городов, ни сел, оттого за ними следует зверство... Волчи

обычаи воспитали таких людей: дерзкий и прожорливый, волк легко обращается в бегство, когда появится что-нибудь страшное. Точно таков и народ скифский; если он встретит мужественное сопротивление, он озирается назад и обращается в бегство».

Типичный кочевой этнос, половцы всю жизнь проводили в седле. И, как и у всех кочевников, главным их богатством были кони, крупный рогатый скот, овцы, и даже верблюды, а пищей служили мясо, молоко и молочные продукты: кумыс, реже сыр. Впрочем, иногда в молоке варили просо, или рис (хотя специально зерновые культуры куманы, конечно же, не разводили). Такое кушанье считалось лакомством.

На войне основным оружием половцев являлись лук со стрелами, сабля, аркан, значительно реже копье. Защитное вооружение почти не использовалось. Для сражения половцы строились в две линии, применяя расчлененный по фронту боевой порядок, состоявший из отдельных клиньев. Вторую линию составляли резервы, а между ними помещались телеги с женщинами и детьми. Если же сражаться предстояло в обороне, то половцы ограждали стан повозками, оставляя извилистые проходы, чтобы обеспечить себе путь для внезапных вылазок и, наоборот, затруднить противнику проникновение внутрь обороняемого периметра.

Народ половецкий делился на 11 колен (племен), которые зачастую вели боевые действия независимо друг от друга. Начиная с 60-х гг. XI века от половецких набегов начинает жестоко страдать Киевская Русь. В 1078 г. куманы осуществляют вторжение на территорию Византии. Их легкая конница проникла до Адрианополя, где немедленно вспыхнул антиправительственный бунт, поднятый еретиками-богомилами, только и ждавшими случая, чтобы выступить против василевса и официальной православной церкви. Все эти многочисленные нестроения (не забудем турок-сельджуков в Малой Азии и норманнов на восточном побережье Адриатики) отвлекали внимание законных властей, заставляли Константинополь распылять силы. Только в 1080 г. Византия заключила с половцами мирный договор. Но главные беды все еще ждали ромеев впереди.

В 1081 г., в результате очередного военного переворота, на трон василевсов возшел крупный военачальник Алексей Комнин (1081-1118 гг.), основавший новую династию императоров Византии. О военных и государственных деяниях этого человека историки судят по знаменитой книге «Алексиада», написанной его дочерью, принцессой Анной. Труд сей являет собой яркий пример восторженного панегирика,

но следует признать, что редко кому из ромейских государей доводилось принять державу в столь плачевном состоянии, и тем большего уважения заслуживает василевс Алексей I, что ему удалось справиться с многочисленными нашествиями, грозившими стране. А наследникам своим, он оставил царство, победив большую часть опасных и безжалостных врагов. Но пока что эта нелегкая борьба только начиналась...

Половецкие воины XI-XII вв.

Превосходные наездники, в совершенстве владевшие искусством стрельбы из лука на полном скаку, куманы-половцы наводили ужас на противника. В начале их воины практически не имели никакого защитного вооружения. Позднее, когда половецкие отряды принимали участие в боевых действиях на Балканах, их экипировка включала немало предметов, заимствованных у соседей.

Знатный воин верхом на коне защищен надетым поверх кольчуги пластинчатым панцирем (вероятно, византийской работы). Шлем с личиной, воспроизводящей черты человеческого лица, скорее восточного происхождения. Оснащение спешенного лучника (шлем и кольчуга) также достаточно надежное, что свидетельствует о тесных контактах половцев с армиями европейских государств.

Любопытным элементом снаряжения обоих воинов являются сапоги с мягкими голенищами, пристегнутыми к поясу специальными ремнями.

Иллюстрация
Е.Ю. Емельянова,
© В.Н. Шиканов

1086-1091 гг.

В 1086 г. засевший в Дристре хан Татуш и некоторые полунезависимые болгарские владетели заключили союз с задунайскими печенегами, и кочевники беспрепятственно вторглись в пределы империи. Они разграбили придунайские земли и даже захватили несколько городов. Дальше — хуже. Богомилы подняли новое восстание и заняли горные проходы на Балканах. Затем они призвали на помощь печенегов. Так разгорелась новая византийско-печенежская война...

Весной обеспокоенный автократор Алексей направил на север сильное войско под командованием доместика Запада Григория Бакуриани. В настоящей империи знать всегда многонациональна, но служит она единому государю и общему делу. Вот и этот полководец, принадлежавший к знатному грузинскому роду, верой и правдой служил василевсу. В недавно завершившейся войне с итальянскими норманнами он проявил незаурядные стойкость и личное мужество и сейчас должен был дать отпор очередным варварам, вторгшимся в пределы Византии.

Противники встретились близ городка Белятово¹. С первого взгляда было видно, что печенеги обладают значительным численным перевесом. Доместик Григорий не хотел вступать в бой, понимая, что армия может быть разбита, не принеся никакой пользы. Большинство воинов пришли в ужас от одного вида неприятеля, настолько плотными были его боевые порядки. Однако ипостратиг Николай Врана, «храбрый и многоопытный в военных делах», сразу начал горячиться: «Вперед! Атаковать с ходу, и варвары побегут!» И дрогнул отважный Бакуриани. Дабы никто не смел заподозрить его в трусости, царский любимец встал во главе тагм и сам повел их в наступление. Стремительно ударили ромеи на врага и потеснили его, но увязли их мечи в плоти печенежской. Долго длилась упорная сеча, а затем изнемогать стали византийцы. Многие из них погибли. Пал от смертельной раны Николай Врана. Вслед за ним рухнул и главнокомандующий Григорий Бакуриани. Уцелевшие воины обратились в бегство, но спаслись немногие...

Архангел Михаил. Византийская икона. Золото, серебро, перегородчатая эмаль

Получив из Болгарии горестные вести, автократор Алексей оплакивал павших: каждого в отдельности, и всех вместе, а затем стал собирать государь новую армию, ведь на собственном опыте хорошо знал василевс, что важно не сражение выиграть, а кампанию. Теперь царь возлагал все надежды на крещеного турка Татикия. «Сын несвободных родителей», этот человек со временем достиг высших придворных степеней, сделался полководцем и одним из самых доверенных людей императора. Как и Бакуриани, он отличился в войне с норманнами, и сейчас отправился в Адрианополь формировать свежие части.

Располагая большими казенными суммами, Татикий, по царскому приказу, сразу же выплачивал воинам годовое жалованье, так что вооруженные отряды стекались

¹Современное местонахождение не локализуется.

к нему со всех сторон. Да еще командир западных наемников Константин Умбертопул¹ привел из Кизика отборных «кельтов».

После этого Татикий смело выступил в поход. В окрестностях Филиппополя его войско обнаружило печенегов, когда один из их отрядов с захваченной добычей возвращался из набега. Послав в погоню кавалерию, стратиг приказал главным силам облачиться в боевое снаряжение и двумя «фалангами» выступил вслед за авангардом. Как и следовало ожидать, «скифы» привели византийцев к своему стану на берегу реки Марицы. Татикий с ходу атаковал врагов и нанес им решительное поражение. Многие были убиты, остальные разбежались. Вся их добыча досталась победителям и была доставлена в Филиппополь.

Строя планы продолжения кампании, Татикий разослал конную разведку, чтобы выяснить местонахождение и силы варваров. Сведения начали поступать незамедлительно. Печенеги опять скопились у Белятово, и было их великое множество. Сомнения закрались в душу командующего, и чувства пришли в смятение, ибо считал он, что не может противостоять такой массе степняков. И, тем не менее, «оттачивал он свое оружие и вдохновлял войско к битве», а когда узнал, что печенеги сами приближаются к нему, выступил неприятелю навстречу.

Противники сошлись за Марицей, но никто из них не решался начать битву. Византийская армия поражала варваров стройностью рядов, осененных пышными цветными знаменами, блеском оружия и доспехов. Франки Умбертопула «точили на врагов зубы и железо», так им не терпелось броситься на печенегов, но Татикия смущал численный перевес «скифов», и он категорически запретил своему помощнику атаковать. Два дня продолжалось напряженное противостояние. Войска выходили из лагеря и выстраивались, оцетинив ряды длинными копьями, но сражение так и не началось. На третий день нервы печенегов не выдержали, и они

ушли на север, к Балканам, да так скоро, что ромеи при всем старании не могли за ними угнаться. Тогда Татикий отвел армию в Адрианополь, и на этом кампания завершилась.

В следующем, 1087 г. Византии пришлось столкнуться с еще более грозной опасностью. На этот раз против империи объединились сразу несколько противников. Свергнутый с престола двоюродными братьями бывший венгерский король Шаломон (1063-1074 гг.) вступил в союз с печенегами и половцами и вторгся в пределы Ромейской державы. Были у него и собственно мадьярские приверженцы. Всего же в этой авантюре участвовало до 80 тысяч человек. Вполне возможно, что Шаломон собирался таким образом создать для себя на балканских землях новое государство.

Король Шаломон и его кузен герцог Геза (будущий король Венгрии в 1074-1077 гг.).

Средневековая миниатюра

Страшный этот поток, проникнув в Македонию, беспрепятственно прокатился мимо Адрианополя и по долине Марицы устремился дальше — к самому морю. Местное население бежало в города, но и там

¹Между прочим, это был племянник знаменитого Роберта Гвискара.

люди не находили спасения. Немало укрепленных пунктов попали в руки варваров и были разорены дотла.

Византийские военачальники долго не отваживались вступить в открытый бой со столь грозным и многочисленным противником, и только «имевший давний боевой опыт» Николай Маврокатакалон, после тяжелых раздумий и сомнений, на дороге из Эноса в Константинополь дал сражение печенегам, которых возглавлял хан Челгу.

Как обычно, кочевники превышали византийцев числом воинов. Зато ромейский полководец применил тактическую новинку — расчлененный на три части боевой порядок. Такое построение позволяло маневрировать войсками в ходе битвы и наращивать по мере необходимости силу удара на том или ином направлении. На этот раз греки полностью переиграли противника, и хотя Челгу, подавая пример, сражался мужественно и даже «приводил в замешательство целые фаланги», множество «скифов» (и среди них сам вождь) были убиты и ранены¹. Ромеи, не имевшие легкой подвижной конницы, не преследовали разбитого врага, но и без этого множество варваров утонуло на переправах через многочисленные реки, которые им пришлось пересекать.

Эта победа заставила печенегов очистить Македонию и отступить к Дунаю, но там они продолжали хозяйничать, жестоко опустошая окружающие территории, и периодически осуществляли набеги во Фракию, даже зимой прорываясь через горные перевалы. Император Алексей решил довершить поражение надломленного врага и, собрав в районе Адрианополя сильное войско, летом 1088 г.

выступил в поход, чтобы изгнать варваров за Дунай. Подойдя к Балканам, его армия разбила лагерь у Диамполиса, печально памятного ромеям разгромом 1049 г. На протяжении сорока дней сюда подходили все новые подкрепления из европейских фем. В то же время эскадра Георгия Евфорвина получила приказ войти в устье Дуная и подняться вверх по реке до Дристра, чтобы не позволить печенегам уйти безнаказанно. Согласно стратегическому замыслу императора, их орды подлежали полному разгрому.

Столь масштабные военные приготовления произвели на степных ханов сильное впечатление, и они снарядили представительное посольство, чтобы просить императора о мире. Взамен вожди предлагали Алексею клятву верности и 30-тысячный контингент своей легкой конницы, которая служила бы Византии. Василевс хорошо

знал цену слова этих дикарей, и отверг их предложения. Кроме того, в запасе у Комнина имелось еще одно средство воздействия на печенегов, и носило оно психологический характер.

Зная от находившихся в царской ставке астрологов о предстоящем солнечном затмении², василевс, грозно нахмурив брови, объявил послам, что передает дело на Суд Небесный. «Пусть Бог нам будет судьей. — Сказал Алексей. — Если сегодня на небе появится какое-нибудь знамение, да будет оно для вас знаком, что я по справедливости отвергаю ваше весьма подозрительное предложение. Если же знамения не будет, то это послужит доказательством ошибочности моей догадки». И вот, не прошло и двух часов, как свет дневной померк, и «весь круг солнечный покрылся тьмою». Надо ли

**Император Алексей I
Комнин (1081-1118 гг.).
Византийская миниатюра**

¹Согласно ряду византийских источников, их судьбу разделил и экс-король Шаломон, в то время как венгерские говорят, что ему удалось спастись, после чего он «встал на путь раскаяния» и в дальнейшем вел уединенную жизнь праведника.

²20 июля 1088 г.

говорить, насколько были поражены увиденным печенежские делегаты. Но изумление это возросло еще больше, когда их, как обманщиков, взяли под стражу и отправили в Константинополь (правда, по дороге им удалось бежать).

После этого происшествия, сконцентрировав, наконец, все наличные силы армии, василевс Алексей перешел Балканы и двинулся сначала к развалинам Плиски, а затем и к придунайскому Дристру. Печенежские конные отряды рыскали вокруг, но нападать на сомкнутые ромейские колонны не осмеливались. Зато они старались истреблять отдельные партии фуражиров, хотя серьезного вреда византийцам такие нападения не причиняли.

Когда армия вышла к Дунаю, стены Дристра были сокрушены тяжелыми стенобитными машинами. В образовавшиеся проломы хлынули ударные штурмовые отряды, и город пал. Только в цитадели удержался печенежский гарнизон, а их предводитель Татуш ушел за Дунай искать помощи у половцев.

Между тем, византийцы так и не смогли овладеть цитаделью Дристра и сняли осаду. Тем не менее, Комнин не уводил армию с Дуная, надеясь навязать печенегам решающее полевое сражение. Затем, узнав, что главные силы врага находятся южнее Преслава, император выступил к древней болгарской столице, рассчитывая использовать ее в качестве надежного опорного пункта для дальнейших боевых операций. Именно в окрестностях Преслава ромеи и столкнулись с передовыми отрядами печенежской конницы.

Почти сразу же завязалось ожесточенное сражение. Статная фигура василевса красиво выделялась за центром ромейского войска в окружении отборного эскорта, состоявшего из наиболее доверенных соратников императора. Сначала печенеги с дальней дистанции обстреливали византийцев из луков. Затем противники начали медленно сближаться, и когда расстояние между ними сократилось «до уздечки», произошла ужасающая резня. Несколько раз

ромеи пробивались к вражескому лагерю, но так и не смогли прорваться сквозь ограждавшие его и связанные между собой повозки.

Бой длился целый день, но так и не принес видимого перевеса ни одной из сторон. Зато к вечеру к печенегам подошли сильные подкрепления — до 36 тысяч человек. Вот тут-то ромеи не устояли и обратились в бегство. Государю пришлось рубиться как простому воину. На него бросились сразу трое «скифов». Одному из них он отсек руку единым взмахом меча, другой от мощного удара по голове замертво свалился на землю, третий обратился в бегство. В левой руке Алексей сжимал омофор Богоматери Влахернской, надеясь собрать вокруг этой святыни дрогнувших солдат. Но личное мужество полководца не могло повлиять на уже предрешенный исход битвы. Протостратор (начальник конницы) Михаил Дука настойчиво просил царя позаботиться о собственном спасении. «Лучше умереть в мужественном бою, чем сохранить жизнь ценой позора», — достойно ответил император. Но теперь надо было думать не о том, чтобы убить еще несколько врагов и умереть смертью воина. Как глава государства и главнокомандующий, Алексей должен был принять все меры для продолжения кампании и переломить ее ход. В общем, пришлось василевсу, подобно простым стратиотам, бежать с поля боя, прокладывая себе дорогу мечом.

Панорама Балканских гор. Современное фото

Царь спасся, благодаря быстроте коня, хотя и был сильно контужен. Безостановочная скачка продолжалась до Голои на южном склоне Балкан, а острые на язык византийцы, хотя и любили василевса, но все же сочинили по этому поводу ироническую поговорку: «Хорош перегон от Дрис-тра до Голои, Комнин».

Но не всем повезло даже так. Множество ромеев попали в плен. Среди них оказались и высокопоставленные офицеры. Сначала варвары хотели их просто перерезать. Затем решили получить большой выкуп. Вот и понадобилось василевсу распечатывать царскую казну. Только деньги эти печенегам впрок не пошли. Вскоре после описанных событий за Дунаем появились половцы, которых привел Татуш, и потребовали раздела добычи, заявив: «Мы пришли вам на помощь, чтобы делить с вами как опасности, так и победы. Мы выполнили свой долг, и вы не можете от-править нас назад с пустыми руками. Поэтому если вы не разделите с нами всю добычу, то мы станем вашими врагами, а не союзниками».

Жадные печенеги не восприняли такого рода шантаж. Вспыхнула ссора, затем драка, перешедшая в побоище. Закончилось оно тем, что куманы загнали несостоявшихся союзников в нижнедунайские болота. Лишь недостаток продовольствия помешал одним варварам дожидаться, пока другие не передохнут с голоду в речных плавнях. Половцы ушли за Дунай, имея твердое намерение вернуться в ближайшее время.

Ну а пока что оправившиеся от поражения печенеги опять перешли Балканы и раскинули шатры у Диамполиса, где еще недавно собирались византийские войска. В ответ император начал стягивать части к Адрианополю. Его положение осложнялось известиями о готовящемся новом вторжении куманов. Автократор долго размышлял, какой из врагов представляет большую опасность, а затем, решившись, ценой золота и подарков заключил с печенежскими ханами мир и выставил заслоны у горных балканских проходов.

Как выяснилось, принятые меры предосторожности были совсем не напрасны. Половецкие орды перешли Дунай и стали требовать, чтобы их пропустили и выделили проводников. И все ради того, чтобы они могли сразиться с печенегами. Византийцы поблагодарили за такое предложение помощи, после чего, одарив ханов не менее щедрыми дарами, все же сумели выпроводить их восвояси.

Сретение. Византийская миниатюра XI в.

К сожалению, за прошедшее время нравы и привычки печенегов несколько не изменились. Как только половцы ушли, они снова стали грабить прибалканские города и селения. Эти варвары заняли такой крупный центр как Филиппополь, куда их звали богомилы, а Комнин мог противопоставить потоку злосчастия лишь партизанскую тактику, уничтожая мелкие вражеские отряды. Помогало это мало, так как печенежские разъезды появлялись даже в окрестностях Константинополя. И снова василевс просил мира у ханов. Такой мир, а точнее перемирие, был куплен накануне зимы 1089-1090 гг. Однако и после этого печенеги остались недалеко от Адрианополя. Здесь они провели зимние месяцы, терроризируя население окрестных мест.

Весной 1090 г. военные действия возобновились. К этому времени Алексей пополнил и довооружил армию. Особые надежды он возлагал на сформированную и обученную им тагму *архонтопулов*, составленную из сыновей павших в боях ромейских военачальников. Без сомнения, все эти юноши были

безгранично преданы императору и горели желанием отомстить варварам за погибших отцов, но первый же не учебный, а реальный бой поставил крест на плане государя.

По замыслу василевса, архонтопулам предстояло атаковать с тыла печенежский лагерь, как обычно окруженный походными телегами. Вместо этого, они сами попали в засаду и были истреблены в яростной рукопашной схватке. Долго еще автократор оплакивал почти 300 молодых воинов, поименно вспоминая каждого. Ведь юноши составляли цвет имперской знати, и многих из них царь знал лично...

Надежды Комнина переломить неблагоприятный ход событий оживились, когда из Западной Европы прибыл великолепный отряд из 500 отборных тяжеловооруженных всадников, предоставленных в распоряжение императора графом Робертом Фландрским¹, но затем удача снова отвернулась от василевса. В Малой Азии участились нападения сельджуков, а мусульманский эмир Смирны Чахан обзавелся собственным флотом и начал совершать грабительские рейды на острова Эгейского моря и европейское побережье империи. Опасность особенно увеличилась, когда появились сведения, что Чахан собирается заключить антивизантийский союз с печенегами, чтобы взять Ромейское царство в клещи, подобно тому, как это попытались сделать в начале VII столетия персы и авары. В результате Алексею пришлось отправить латинских рыцарей и другие подкрепления на вновь открывшийся Восточный фронт.

Летом 1090 г. император чувствовал себя неважно. Живя в полевых условиях, он заболел, и теперь его трепала жестокая лихорадка. Управление боевыми операциями нарушилось. Небольшая стычка с отрядом печенежских фуражиров у фракийского городка Русий неожиданно перешла в крупное сражение, в котором ромеи были разбиты. На следующий день к византийцам подошло подкрепление — закаленный в ряде кампаний отряд норманнов. Комнин воспрянул духом и долго разрабатывал схемы ведения новой битвы, в которой твердо намеревался взять реванш. Однако и на этот раз фортуна жестоко посмеялась над государем. Высо-

копоставленный «скиф» из ближнего царского окружения оказался перебежчиком и выдал секретный план печенегам; так что, когда сражение началось, ромеи оказались разбиты наголову и рассеялись.

Василевс был одним из немногих, кто в тот несчастный день не потерял голову. Он лично прикрывал поспешное отступление войск, давая возможность беглецам укрыться за городскими укреплениями Русия. Даже теперь он не собирался прекращать борьбу. Алексей мнил себя знатоком военного искусства. Бессонной ночью он хмурил брови, собирал в кулак густую и окладистую, черную с проседью бороду и измыслил таки для завтрашнего боя тактическую новинку. Выстроив кое-как приведенные в порядок отряды, он двинул навстречу приближавшейся печенежской коннице шеренги пеших лучников. Это было очень рискованное решение. Степняки на своих стремительных конях могли единым махом преодолеть отделявшее их от противника расстояние и смести заслон стрелков. И все же на этот раз успех сопровождал осознанному риску. То ли печенежская лава, замешкавшись на переправе через реку, медленно набирала ход, то ли византийские стрелки действовали особенно сноровисто и быстро. Во всяком случае, «скифы, изнемогшие под градом стрел, пришли в ужас» и повернули назад. Настал черед главных сил ромеев нанести решающий удар. Император лично возглавил атаку тяжелой кавалерии. Пытавшихся спастись варваров с налета кололи в спину, прошивая пиками насквозь. Ноги степных лошадей подламывались на каменистом речном дне, а их наездники вылетали из седел, разбивались о камни и тонули в водоворотах. Тех, кто успел ускакать подальше, доставали стрелами лучники, натягивая тетиву до плеча. В общем, «самодержец, проявив наивысшую доблесть, победителем вернулся в свой лагерь». Но даже такое славное дело принесло победу лишь над одной из печенежских орд. Остальные продолжали бродить по Фракии, опустошая ее многострадальную землю. И часто случалось, что победители становились побежденными и наоборот.

¹Роберт I, граф Фландрии, Зеландии и Голландии, возвращавшийся из паломничества в Иерусалим, был с почетом принят в Константинополе и принес императору Алексею присягу вассальной верности.

Как-то раз ставка василевса, находившаяся в Цуруле, была окружена кочевниками. Ромеи укрепились на холме и столкнули оттуда на варваров тяжелые телеги. Эти средневековые «танки» разметали ряды атакующих, а затем греки контратаковали пришедшего в смятение противника и обратили его в бегство.

Но и это снова был лишь частный успех. Вскоре государю потребовалось идти на выручку гарнизону крепости Хировакхи¹. Не менее 6000 «скифов» опустошали ее окрестности, и василевс решил разгромить их молниеносным ударом. Разведка доложила, что значительный отряд печенегов расположился на вершине холма. Советники считали, что атаковать врага на столь выгодной позиции было бы актом самоубийства, но император сам повел солдат в бой и первым зарубил мечом одного из этих дикарей. Следом за ним и другие ромеи стали наносить удары направо и налево. Печенеги даже не успели вскочить в седла и были перебиты или взяты в плен. Затем, переодевшись в их косматые малахаи («так, что можно было испугаться самих себя»), византийцы выступили навстречу тем врагам, которые ранее отправились за добычей. Вечером те встретились с мнимыми соплеменниками и также были разгромлены.

В понедельник последней седмицы перед Великим постом 1091 г. император вернулся в Константинополь. В его торжественном въезде в столицу, в память столь необычной и яркой победы, участвовали, как византийские воины, переодетые степняками, так и настоящие, связанные печенеги. Пленных вели крестьяне окрестных сел, которые еще совсем недавно трепетали, услышав одно имя варваров. За ними греческие всадники везли пики с вздетыми на них жутковатыми трофеями — отрубленными головами врагов. Надо ли говорить, с каким восторгом население Богоспасаемого града встретило своего государя...

Но и после столь впечатляющего триумфа, печенежская угроза не была устранена. Силы варваров во Фракии оставались очень велики. В первое воскресенье Великого поста, 2 марта, константинопольцев настолько ошеломило зрелище их конных

**Олицетворение
Константинополя.**
Византийская
золотая монета

отрядов, появившихся у стен столицы, что городские ворота пришлось запереть наглухо. В те же дни в Царьграде нежданно выпал такой обильный снег, что люди не могли открыть двери домов, чтобы выйти на улицу. Согласитесь, картина странная и даже угрожающая для приморского города, привыкшего почти всегда нежиться под южным солнцем. Что же говорить о самих суеверных византийцах, на которых это предзнаменование произвело прямо-таки гнетущее впечатление. Казалось, сама природа готовит Столицу мира к тому, что отныне в ней будут жить и властвовать пришельцы с севера.

В такой обстановке император Алексей лихорадочно искал способ набрать новое войско, но особых ресурсов для пополнения армии у него не имелось. Под скипетром василевса почти не оставалось земель, где стояли бы ромейские гарнизоны. Обращение к половцам сулило большой риск, ибо этот союзник был опаснее некоторых врагов. Находясь в безвыходном положении, автократор признал невозможность самостоятельно справиться со сложившейся ситуацией и призвал на помощь латинский Запад, обратившись с письмом к европейским монархам. Некоторые историки считают это послание позднейшей фальшивкой западных дипломатов, изготовленной, чтобы оправдать действия их государей в отношении Византии. Но, наверное, все-таки не случайно, что именно в это, столь тяжелое для Ромейской державы время было положено начало Крестовым походам.

Наступила весна 1091 г. Нападения на Константинополь так и не произошло, но будущее не сулило царственному граду ничего

¹Цурул, Русий, Хировакхи и ряд других упоминаемых здесь пунктов находились в непосредственной близости от Константинополя, что лишний раз подчеркивает степень опасности, угрожавшей империи в описываемый период со стороны печенегов.

хорошего. На море господствовал флот эмира Чахана, в долине реки Марицы во Фракии, по-прежнему, хозяйничали печенеги.

Правда, царский зять (муж сестры) кесарь Никифор Мелиссин сумел осуществить военный набор в Македонии и частично во Фракии. Для спасения Византии были также призваны болгары и влахи из Фессалии. Да еще из Малой Азии василевс отозвал 500 фламандских рыцарей, составивших ударный костяк имперского воинства. Имелась в распоряжении василевса и маленькая военная флотилия.

Сборным пунктом частей стал Энос в устье Марицы. Место для лагеря государь выбрал сам. С одной стороны оно было прикрыто рекой, с другой — заболоченной равниной. Такая местность сводила на нет численное и тактическое превосходство печенегов, не позволяя им применить в бою свою превосходную легкую конницу. Теперь император ждал подкреплений, сформированных Никифором Мелиссином. И все же, когда автократу сообщили о приближении не регулярной пехоты, а несметной конной массы кочевников, сердце Комнина дрогнуло, и решил василевс, что надежды на спасение больше нет. Погибнет и он сам, и держава его.

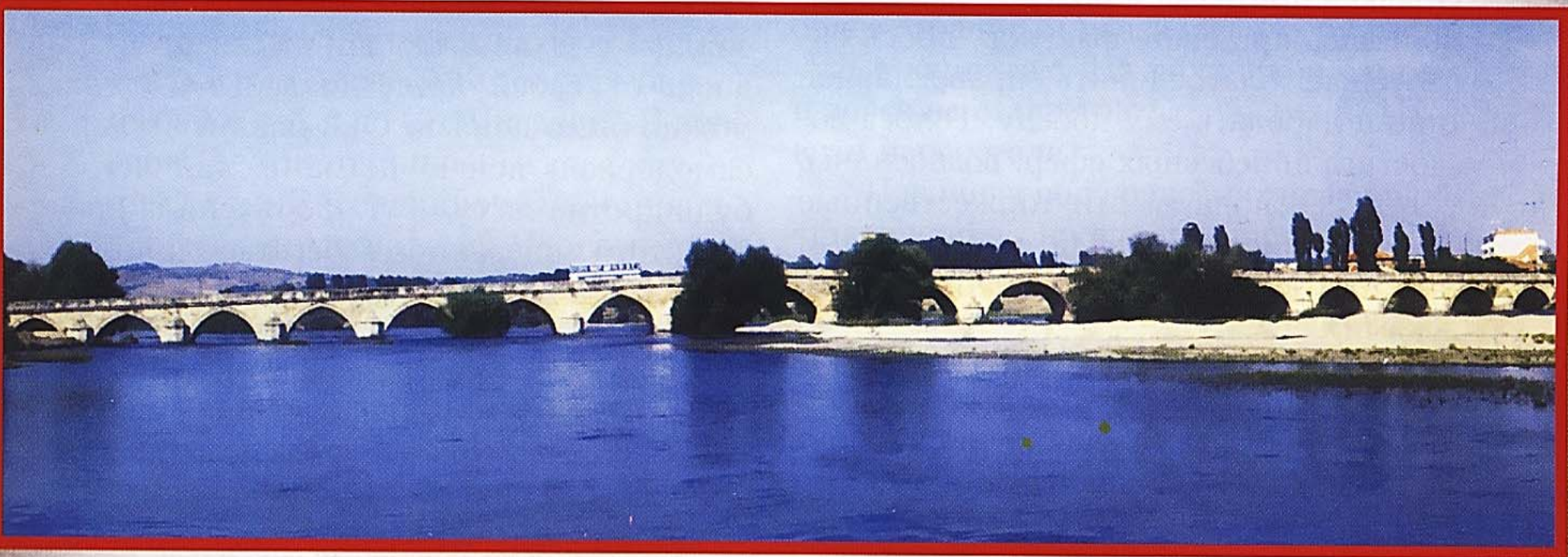
Но судьба, как видно, благоволила Алексею I. То были не печенеги, а 40-тысячная орда половцев, которых возглавляли ханы Тугоркан и Боняк (по определению историка «два хищника»). Несмотря на то, что по дороге от Дуная они разоряли и жгли владения империи, как самые безжалостные враги, сейчас они принесли Ромейскому царству не гибель, а спасение.

Алексей поспешил пригласить куманских вождей разделить с ним трапезу. Вряд

ли изысканные царские яства произвели сильное впечатление на людей, привыкших есть сырое мясо, перетертое под седлом лошади, но выбирать не приходилось. Василевс даже расцеловался с ними и щедро одарил подарками. Подобное обращение принесло желаемые плоды. «Умягченные» варвары заявили, что готовы сделать для византийского императора все, что ему угодно. Правда, они согласились при условии, что сражение с печенегами состоится в ближайшие три дня, и они получат за участие в нем половину добычи. В свою очередь, Алексей предложил отдать Боняку и Тугоркану все трофеи, если после сражения половцы будут преследовать печенегов в течение десяти дней. На том и порешили. Ханы дали соответствующую клятву и обещали прислать заложников.

Вслед за этим подошли и отряды, набранные Никифором Мелиссином. И вновь сначала ромейские стратиги не на шутку разволновались, увидев приближение какой-то неопрятной толпы и длинной вереницы телег. Однако, когда затем выяснилось, что спешно призванные Мелиссином славяне просто не умеют ходить строем, а в обозе везут их пожитки, то все успокоилось. После этого Алексей даже вступил в бой с одним из печенежских отрядов и одержал над ним победу.

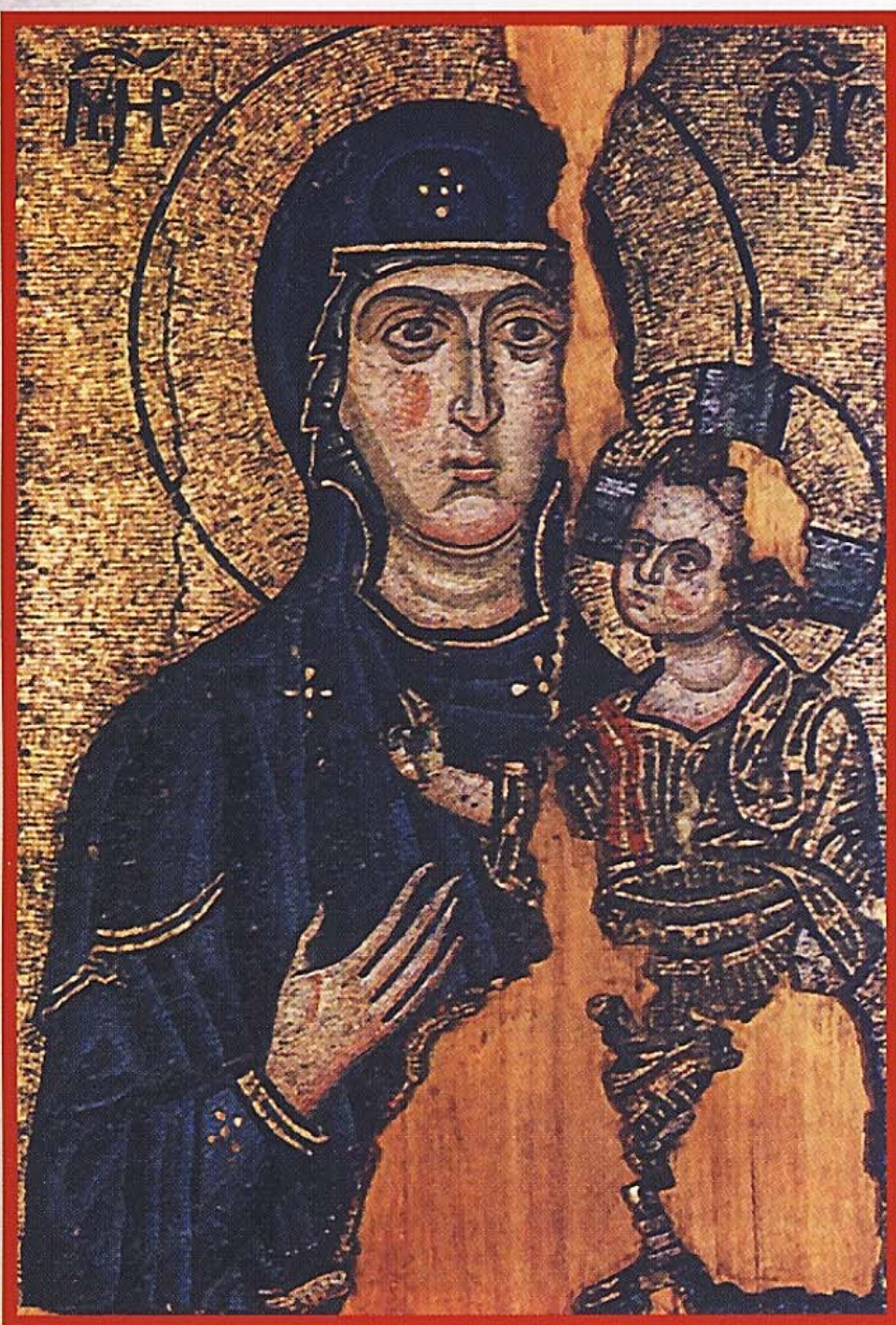
В то же время, византийское высшее командование тревожили появившиеся сведения о подозрительных контактах между половцами и печенегами, а ведь как император, так и его приближенные хорошо знали, чего стоят любые клятвы варваров в верности. Впрочем, вскоре стало ясно, что дело тут вовсе не в измене. Просто куманов сжигало

Река Марица. Современное фото

нетерпение вступить в сражение, причем, неважно с кем. Возникла новая опасность: если уже на следующий день не состоится битва с печенегами, то половцы нападут на византийцев. Их послы так и заявили василевсу: «с восходом солнца мы отведаем мяса волка или ягненка».

Богоматерь Одигитрия.
Мозаичная икона XI в.

Ночью в притихшем полевом лагере ромеи молились при свете факелов, прося силы небесные благословить православное воинство и даровать ему победу. Голоса воинов достигали небесных сфер, возносились к престолу Господа, и эти торжественные гимны резко диссонировали с гортанными половецкими криками (а может быть даже и плясками).

Развязка наступила 29 апреля 1091 г. «С первой улыбкой утра» византийцы и половцы устремились на печенегов, чей ла-

герь был огражден телегами. Сам император находился в первых рядах атакующих¹. И случилось неожиданное. Сопротивление «скифов» оказалось минимальным. Некоторые из них сдались половцам, умоляя о пощаде. Большинство же были безжалостно перерезаны, подобно бессловесному скоту на бойне.

К полудню солнце пекло настолько, что воины уже не могли убивать, и тогда царь послал гонцов в ближайшие деревни, повелев, чтобы крестьяне доставили на поле битвы меха и большие кувшины со студеной водой. После этого, освежившись, греки и половцы снова принялись за «работу». В результате, как свидетельствует Анна Комнина, «здесь можно было видеть новое зрелище, как целый народ, считавшийся не десятками тысяч, а превышавший всякое число, с женами и детьми, погиб в один день».

Это явно преувеличенная оценка. Принцессе хотелось подчеркнуть и приукрасить масштабность победы, одержанной ее августейшим отцом. Впрочем, были у такого утверждения и реальные основания. Дело в том, что на каждого византийского солдата приходилось по тридцать пленных. Если бы они оправились от первого чувства смятения и восстали, то победители легко могли превратиться в побежденных, и уж их бы «скифы» точно не пощадили.

Той же ночью ромеи, «повинуясь божественному гласу, или по другой, неизвестной причине», перебили всех пленников. Зрелище крови, которую отказывалась впитывать земля, и сваленных в кучи трупов оказалось не для слабонервных. Даже половцы, привычные ко всякого рода злодействам, были потрясены настолько, что снялись с места и бежали на север, отказавшись от своей доли добычи. Степняков можно было понять. Они боялись, «как бы самодержец ночью не замыслил чего-нибудь против них», — так объяснила причину этого внезапного бегства принцесса Анна. А в Константинополе даже сложилась особая поговорка про 29 апреля: «Иза одного дня не пришлось скифам увидеть мая». В действительности Византии еще придется воевать с печенегами, но после по-

¹Весьма любопытно свидетельство Анны Комниной, согласно которому, василевс был вынужден облачить часть своего войска в «однотонные одежды», так как стальных доспехов на всех не хватало.

грома, случившегося в 1091 г., они надолго присмирели. Незначительное количество степняков, неким странным образом уцелевших в ужасающей резне, было поселено в Македонии. В дальнейшем они составляли легкоконный контингент в составе византийской армии.

В начале мая 1091 г. император торжественно вернулся в столицу из заваленной тысячами гниющих трупов, отравленной смрадом долины Марицы. Заметим, что помощи от Запада ромеи так и не дождались. Но теперь в ней не было особой необходимости. Византийцы сами справились с эмиром Чаханом, который лишился союзников. Полководец Иоанн Дука разрушил его крепости и сжег верфи, сразу же ослабив мощь турецкого флота. Дальше — больше. Византийцы оговорили Чахана перед его сюзереном (и тестем) Иконийским султаном Кылич-Арсланом. Правителю были представлены «совершенно достоверные» сведения о том, что Чахан собирается лишить его престола, и Кылич-Арслан, не задумываясь, приказал убить зятя.

У Империи оказались развязаны руки. В 1094-1095 гг. византийцы смогли во всеоружии встретить нападение половцев, вновь и в одночасье ставших из союзников врагами. На этот раз куманы прельстились посулами авантюриста, выдававшего себя за сына давно свергнутого василевса Романа Диогена — Константина. Этот самозванец был хорошо известен в официальном Константинополе. Ранее его сослали в крымский Херсонес, а оттуда он бежал к половцам. И вот теперь те же самые ханы Боняк и Тугоркан, «в жажде хлебнуть человеческой крови, вкусить человеческого мяса и унести богатую добычу», повели свои орды за Дунай.

Решение относительно способов борьбы с новой напастью Алексей Комнин выбирал, мечая жребий и гадая по Св. Писанию. В конце концов, все источники высказались за военный поход. Экспедиционная армия сосредоточилась в Анхиале на Черном море. Здесь стало известно, что крестьяне-влахи уже провели половцев через Балканы. При этом гарнизоны ряда крепостей не оказали варварам никакого сопротивления. А в Голые сами жители «заключили в оковы начальника крепости» и выдали его куманам.

Теперь Лже-Константин держал путь прямо на Анхиал, намереваясь покончить дело одним ударом и захватить трон. Такая

**Алексей I
Комнин.**
Золотой гистаменон

демонстрация силы не произвела на законного государя никакого впечатления, поскольку Анхиал расположен на узком приморском мысу. Варвары не могли овладеть крепостью и двинулись на Адрианополь, но и этот город уже был приведен в оборонительное состояние.

Семь недель простояли здесь половцы. А в это время, в их лагерь прибыл посланный Комнином человек «с позорно обритыми бородой и волосами». Для правдоподобия, он даже изувечил себе лицо и, конечно же, выдавал себя за «жертву режима», уверяя, что едва ускользнул от жестокого обращения Алексея.

В дальнейшем события развивались по классическим канонам византийских спецопераций. Расположив к себе Лже-Константина, лазутчик отправился с ним в одну из крепостей, говоря, что ее комендант пообещал признать «законного наследника престола». Само собой разумеется, что и этот офицер на самом деле действовал в соответствии с приказами императора.

Самозванец был принят с почетом, и, после обильного угощения и возлияния, заснул сном праведника. Наверное, Лже-Константину снились счастливые сны. Тем более страшным оказалось пробуждение — уже в кандалах. На спутников самозванца и вовсе не стали тратить времени. Их деловито перерезали.

Пленника под конвоем отправили в Константинополь, но еще по дороге, в Цуруле, ослепили. Теперь у половцев не оставалось законных мотивов для пребывания в пределах империи, и они занялись откровенными грабежами. К счастью, юго-восточнее Адрианополя, в Малой Никее, войско Алексея настигло этих хищников. Семь тысяч половцев легли на месте под ромейскими мечами и стрелами, еще три тысячи взяли в плен. И хотя остальные бежали, но брошенную

ими добычу вернули местным жителям, что резко повысило в народе популярность законных властей.

Восстановив справедливость, василевс вступил в Адрианополь, и здесь к нему явилось половецкое посольство, изъявляя готовность отныне жить с империей в мире и служить государю-самодержцу. Конечно, куманы просто тянули время, чтобы основная орда успела уйти за Балканы. Византийцы пустились в погоню. У «Железного запора»¹ они настигли вражеский арьергард и нанесли ему немалый урон, но основная масса кочевников сумела скрыться за Дунаем. Тем не менее, император счел кампанию законченной и вернулся в Константинополь. Византия же от набегов кочевников так и не избавилась.

Авторитет империи возрос с началом крестовых походов, когда знатные западноевропейские сеньоры, направлявшиеся для освобождения Гроба Господня, были вынуждены, даже вопреки желанию, приносить в Константинополе ленную присягу василевсу. С другой стороны, половцы потерпели ряд тяжелых поражений от русских князей, которые их «уронили до Дуная, побиша и в полон взяша». На какое-то время куманы притихли, а потом в ковыльных степях подросло новое поколение воинов, не дорожившее ни своими, ни, тем более, чужими жизнями, и все началось сначала.

Осенью 1114 г. автократор получил с северной границы известия, что половцы готовятся форсировать Дунай у Видина. Не теряя времени, Комнин двинул на северо-запад сильную армию, чтобы не допустить прорыва кочевых орд во внутренние районы Фракии и Македонии, как это не раз бывало в минувшие годы. Но теперь стратегическая ситуация на Балканах была совсем иной, и Алексей чувствовал себя вполне уверенно. Развернув штаб-квартиру в Филиппополе, царь продвинул войска еще дальше — до Ниша и Браничева на Дунае. Готовясь к боевым действиям против многочисленной степной конницы, государь требовал от стратиггов уделять особое внимание состоянию конского состава кавале-

рии. Впрочем, у него оставалось время и на ведение религиозных диспутов с «манихеями», которых он приобщал к сладостному учению православия. По-видимому, спокойная уверенность императора произвела на половцев сильное впечатление. Они так и не решились перейти Дунай и повернули обратно в степи.

Преображение. Мозаичная икона

Зато в следующем, 1115 г. произошел вполне реальный набег. Половцы переправились через Дунай на кожаных «плотах»² и захватили важную крепость Видин. Государь и на этот раз не мешкал. Он отправился к Истру, но когда ромеи вышли на зеленые берега великой реки, то куманов там не обнаружили. Узнав о переходе византийцев в наступление, варвары, как уже не раз случалось, сразу же убрались из Видина. Зато дальнейшие события показали,

¹Очевидно, Вырбишский горный проход.

²Это были простые и в то же время удобные приспособления, позволявшие форсировать даже очень широкие водные преграды. Для изготовления одного плота сшивались десять лошадиных шкур, которые затем привязывались к хвостам тянувших их вплавь лошадей. Современники утверждали, что такие плоты выдерживали вес не только нескольких человек, но даже тяжело нагруженные телеги.

насколько кардинально изменилась за прошедшие годы военно-политическая обстановка на Балканах.

Автократор Алексей не удовлетворился тем, что враг покинул пределы империи. Комнин отобрал храбрейших из воинов и приказал им перенести боевые действия на территорию противника. Впервые за несколько веков ромеи предприняли карательную экспедицию за Дунай. Три дня длилось это преследование. Благодаря скорости ног своих неказистых на вид лошадок, половцы ушли от погони, растворившись в бескрайней степи. Византийцы вернулись назад, так и не вступив в бой, но они по праву чувствовали себя победителями.

С 1118 по 1148 гг. имя куманов исчезает из византийских исторических источников. Зато именно в период царствования сына Алексея Комнина, автократора Иоанна II (1118-1143 гг.) Ромейской державе вновь пришлось скрестить оружие с подзабытыми уже печенегами. В 1121-1122 гг. произошла т. н. Веройская война, позволившая империи, наконец, навсегда избавиться от угрозы вторжения этих варваров.

По обыкновению, перейдя Дунай с женами и детьми, пачинакиты распространи-

лись по окрестным землям, оставляя за собой пепелища. Вместе с тем, ромейские полководцы были уверены, что им удастся не пропустить кочевые орды за Балканы.

Византийская армия концентрировалась у южного склона Главного Балканского хребта, в Верое¹. Верховное командование над войсками принял сам василевс Иоанн II, спешно возвратившийся из Малой Азии, где он вел кампанию против турок-сельджуков. Государь еще надеялся уладить конфликт дипломатическими средствами, договорившись с вождями отдельных родов. Его посланцы дарили ханам роскошные шелковые одежды, богато украшенные кубки и серебряные блюда. Некоторых вождей действительно удалось подкупить, «отуманив и расстроив ласками умы скифов», но у остальных дары лишь разжигали алчность и увеличивали претензии. Несмотря на заключенное перемирие, отдельные отряды печенегов совершали дальние рейды. Поговаривали, что их можно было увидеть даже в окрестностях Константинополя.

Тогда царь решил покончить с варварами одним ударом. Прежде всего, Иоанн велел арестовать всех печенегов, оказавшихся в ходе перемирия в греческих городах.

Император Иоанн II Комнин с супругой Ириной Венгерской перед Богоматерью с младенцем. Мозаика из Храма Св. Софии в Константинополе, первая половина XII в.

¹Близ современной Стара-Загоры в Болгарии.

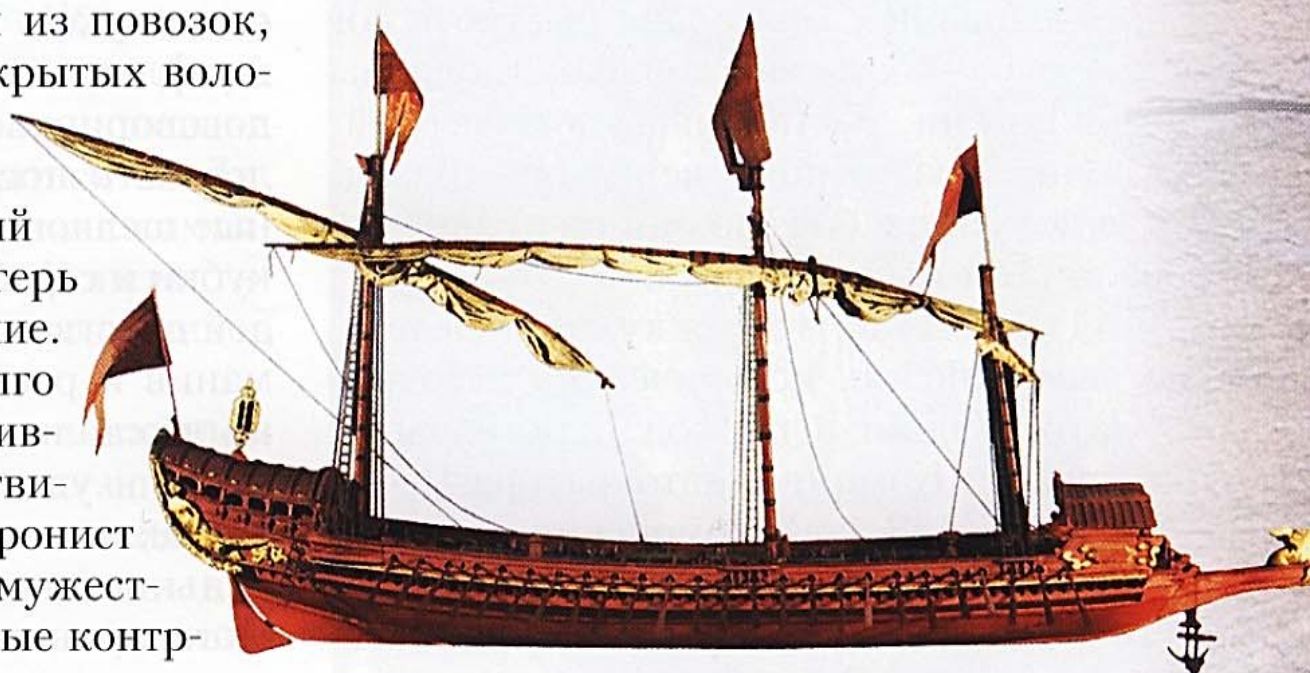
В одном только главном лагере византийской армии взяли около 3000 таких «гостей». Затем ромейские тагмы ночью выступили из-под Верои, чтобы внезапно обрушиться на врага.

В первом же бою печенеги потерпели поражение и понесли большой урон пленными (хотя император и сам был ранен). Однако большинство степняков успели уйти в свой укрепленный стан, по варварскому обычаю окруженный кольцом из повозок, сцепленных между собой и покрытых воловьими кожами. Кроме того, уже внутри этого кольца обороняющиеся насыпали высокий земляной вал, превратив лагерь в почти неприступное укрепление.

Печенегам довольно долго удавалось отбивать атаки противника, причиняя ромеям чувствительный урон. Византийских хронист признает, что они сражались мужественно и не раз наносили сильные контрудары, с дикими криками, от которых леденела душа, на галопе вылетая из оставленных в линии ограждения проходах, и «наводя ужас своими конными атаками».

Василевс тяжело переживал неудачный ход боя и горячо молился у образа Пресвятой Богородицы. Наконец, он велел коннице спешиться и решил лично вести ее на штурм, но высшие армейские офицеры воспротивились этому ненужному героизму. Тогда вперед был двинут отборный отряд гвардейцев-англичан. Своими огромными секирами англы прорубили широкие проходы во вражеском заграждении и ворвались внутрь печенежского стана. Здесь произошла короткая, но яростная резня. Бывало, что с одного удара двуручного топора гвардеец разваливал щуплого степняка надвое. Землю заливала алая, быстро темнеющая кровь. Уцелевшие печенеги сдались. Часть пленников позднее продали с торгов. Других поселили в качестве федератов, обязав в случае войны выставлять воинский контингент определенной численности в армию империи. «Так, — записал историк, — совершился переход скифских племен в Римскую империю».

После столь стремительно завершившейся кампании Иоанн II учредил специальный праздник в память победы над пачинаками, который еще долго официально отмечался в Византии. А сами печенеги, подобно многим кочевым народам, как до, так и после них, вскоре исчезли со страниц истории. К концу XII в. их остатки осели на территории Венгрии, где постепенно и ассимилировалась.

Макет византийского военного корабля эпохи Комнинов

В царствование императора Иоанна Комнина Византия торжествовала над всеми своими врагами. Его сын и преемник, автократор Мануил I (1143-1180 гг.) воевал еще больше, но далеко не каждый поход увенчивал оружие ромеев победными лаврами. Непокойной в годы его правления оставалась и северная граница державы. Так, в 1148 г., готовясь выступить в поход против норманнов, захвативших остров Корфу¹, Мануил узнал об очередном вторжении куманов. Справедливо рассудив, что «сицилийский дракон» является противником гораздо более опасным, василевс не стал отправлять дополнительные войска в Подунавье. Ближайшие события показали, что расчет императора оказался ошибочным. Половцы опустошили эти земли до самых Балкан. А Мануилу пришлось платить дважды. Экспедиция против Корфу была отложена, и царь повел свои рати к Дунаю. В то же время флот получил приказание

¹Об этом см. в книге «Византия. Римская мечта».

собраться в черноморском Анхиале и отсюда подняться к Дунаю, чтобы отрезать врагу путь к отступлению. Этот верный в целом план снова разбился о жестокие реалии.

Он не учитывал мобильность половецкой конницы. Каждый куманский воин имел по 10-12 верховых лошадей, что позволяло степнякам, меняя их под седлом одну за другой, передвигаться в 5-6 раз быстрее, чем это делали соединения регулярной византийской кавалерии. Оставалось надеяться, что на обратном пути из грабительского набега варваров будет сдерживать их добыча, но и здесь василевса ожидало разочарование. Ему сообщили, что орды кочевников уже успели уйти за Дунай. И тогда упрямый автократор, подобно своему деду, решил преследовать врага за рекой, в бескрайней степи. «Пусть я не буду тот, кому свыше вручено владычество над римлянами, если скифы не понесут тотчас же наказания за свою дерзость», — грозно пообещал василевс.

Ударная группа из 500 кавалеристов, была на барках переброшена на северный берег Истра и бросилась в погоню. Скорее всего, половцы почувствовали себя в безопасности и расслабились, вот тут-то их и настигла тяжелая рука царского гнева. Ромеи изрубили и рассеяли один из куманских отрядов. Император лично участвовал в сшибке и, сражаясь, как простой воин, проявил чудеса героизма. Ударом копья он повергал наземь не одного, а сразу двух врагов. Более ста половецких воинов попали в плен.

Конечно же, масштабы одержанной победы не стоит преувеличивать, но после нее Мануил довольный и счастливый вернулся в пределы империи, где его ожидало продолжение войны с норманнами.

К началу 1160-х гг. половцы навсегда прекращают набеги на территорию Византии. В 1159 г. одного известия о приближении ромейского войска во главе с ва-

силевсом оказалось достаточно, чтобы они повернули вспять. После этого куманы, расселившиеся на царских землях, в основном несли службу в качестве стратиотов. В то же время из-за Дуная регулярно перебегали в Империю представители половецкой знати. Автократоры жаловали их вотчинами и зависимыми крестьянами. Так продолжалось почти до конца XII в., когда возродившаяся Болгария отделила Византию от Великой Степи. С этого времени половцы часто сражались вместе с болгарами против греков (1197, 1199, 1201 гг.), действуя, как обычно, в качестве легкой конницы¹. С другой стороны в 1205 г. именно половцы решили исход битвы при Адрианополе, в которой болгарский царь Калоян наголову разбил войско вновь образованной Латинской империи.

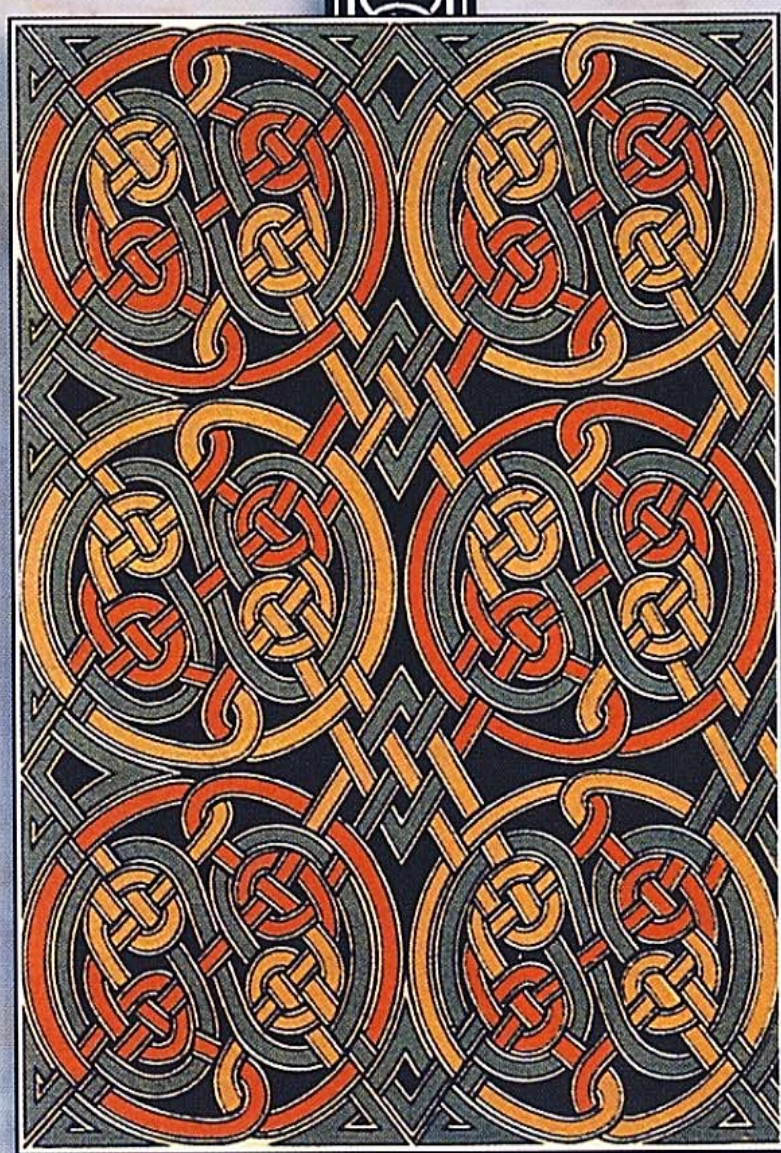
У куманов, оставшихся за Дунаем, оказалась своя, весьма драматическая судьба. Они упорно боролись с Венгрией и Русью. При этом русские князья иногда вели боевые действия по просьбе византийского командования, координируя их с греками. В XIII веке смертельный удар половцам нанесли хлынувшие в здешние степи монголы. В конце 1230-х годов часть куманов, спасаясь от натиска безжалостных врагов, вступила на Балканы. Никейский император Иоанн III Дука Ватац (1222 — 1254 гг.) сумел привлечь их на свою сторону, крестил и поселил около десяти тысяч человек во Фракии, Македонии, а также в Малой Азии — во Фригии и на реке Меандр. В Никейской империи из половцев были сформированы подразделения легкой конницы, составившие значительную часть так называемого «скификона» (азиатских войск) — одного из контингентов в составе армии возрождающейся Византии. Считается, что половецкие всадники сыграли решающую роль в изгнании в 1261 г. латинян из Константинополя.

¹Интересную характеристику половцев этого периода оставил участник IV крестового похода, французский рыцарь Робер де Клари, подчеркивавший их невероятную подвижность («передвигаются они столь быстро, что за одну ночь и один день покрывают путь в шесть или семь, или восемь дней перехода»). Он же упоминал о ежегодных «облавных» набегах на владения империи. При таком способе действий отряды степняков охватывали максимально большую территорию, а затем приступали к захвату добычи. При этом «император не имел достаточно сил, чтобы избавиться от них».

СЕРБЫ

Свадьба Стефана Душана. С картины худ. П. Йовановича. Династический брак сербского короля и болгарской царевны был призван объединить силы двух славянских стран в борьбе против Византии.

Из всех славянских государств у Сербии, пожалуй, самая драматическая судьба. Предки современных сербов и хорват пришли на Балканский полуостров с севера, где они обитали в верхнем течении рек Заале, Лабы и Одры, не с первой волной славянского расселения, а позднее, на рубеже 20-30-х гг. VII столетия.

Воспользовавшись ослаблением аварского каганата, сначала пустились в путь хорваты. Они переместились на территорию бывшей римской провинции Норик¹, но эти земли оказались уже столь плотно населены другими славянскими племенами, что хорваты двинулись дальше на юг и вторглись в Далмацию. Здесь им пришлось вести упорную борьбу с аварами, отчаянно цеплявшимися за ускользавшее из их рук пространство. «Несколько лет они воевали друг с другом, — сообщал анонимный славянский автор, — и одолели хорваты; одних авар они убили, прочих принудили подчиниться». Вслед за этим императору Ираклию оставалось

лишь признать свершившийся факт, сделав вид, что все произошедшее случилось с его разрешения: «по воле василевса» хорваты осели в Далмации.

Но даже теперь авары, по-прежнему, прочно удерживали придунайские земли в районе Сирмия. Чтобы создать здесь какой-то заслон против них и прикрыть границу, император Ираклий пригласил на эти территории сербов. Привлеченные возможностью переселиться на освободившиеся от прежних хозяев земли, они двинулись вслед за своими родичами, перешли реки Драву и Саву и получили в дар от василевса огромные угодья от Сингидуна (Белграда) до самой Адриатики.

Тем не менее, славянские племена, расселившиеся на северо-западе Балканского полуострова, долгое время не могли создать единого централизованного государства. Этому препятствовал сильно пересеченный характер местности. Небольшие долины, благоприятные для земледелия, разделялись между собой грядами возвышенностей и горными цепями, обрекая население на

¹Часть территории современной Австрии.

изолированное, замкнутое существование. Конечно, крестьянские общины подчинялись какому-нибудь местному *жупану*, *кнезу* или *властелю*, но каждому из этих правителей было трудно подчинить даже ближайших соседей, не говоря уже об объединении всего края.

Положение не изменилось, когда возникшее в конце VII в. Первое Болгарское царство на востоке отделило сербов от Византии, а с запада к их землям вплотную приблизились владения империи Карла Великого. Тогда зависимость сербов от Ромейского царства стала формальной, а франки, покорившие словенцев и частично хорват, утратили наступательный порыв и больше не стремились к дальнейшему расширению границ, сосредоточившись, как когда-то римляне, на обороне пограничных областей — *марок*. Но даже эти, внешне благоприятные обстоятельства не пошли славянам на пользу. Получилось наоборот. Отсутствие необходимости отстаивать независимость, вовсе не способствовало укреплению сербской государственности. Княжества оставались мелкими и замкнутыми на самих себя.

Позднее формирование единой нации ослабил религиозный фактор. Народ оказался разорван. Сербь приняли православие по византийскому обряду, а говорившие на том же языке хорваты стали католиками и *навсегда* сделались непримиримыми врагами своих единокровных братьев. Сербам пришлось воевать и с другими соседями: болгарами, венграми, ромеями, и не только с ними. Никому они не покорились, но, окрепнув в борьбе, сербское государство так и не превратилось в региональную сверхдержаву. Процесс возвышения Сербии, начавшийся в XIV в. был прерван османским нашествием на Балканы, последствия которого оказались не преодоленными, несмотря на прошедшие столетия. После короткого усиления в XX веке, южные славяне не смогли объединиться, а современная Сербия сведена почти к тем же границам, которые она занимала в начале века XIX. Но лучше вернемся в интересующую нас эпоху и расскажем обо всем по порядку.

В византийских источниках первые упоминания о сербах встречаются в IX в. В следующем столетии о них подробно рассказывал ученый император Константин Багрянородный. В сочинении «Об управлении империей» он повествует, что «сербам на языке ромеев обозначаются «рабы». И это прозвище они получили потому, что стали рабами василевса ромеев». Впрочем, как мы уже знаем, когда массы славян хлынули на территорию империи, чаще всего они вообще ни у кого не спрашивали разрешения.

Константин VII
(913-959 гг.)
Золотой солид.

Уже с середины VII в. зависимость сербов от Византии носила номинальный характер. А когда «царство ромеев по небрежению и неопытности правивших в то время опустилось почти до ничтожества, особенно при Михаиле Травле¹, то они и вовсе, — как вынужденно признал Константин Багрянородный, — стали самостоятельными, не подвластными ни василевсу ромеев, ни кому-либо другому». Византийцам удалось закрепиться лишь на побережье Адриатики, где находилась их крепость и военно-морская база Диррахий.

Зато сербам пришлось неоднократно воевать с болгарами, хотя во второй половине IX в. оба народа крестились по православному обряду, приняв веру из Константинополя. В ходе этих конфликтов со стороны Сербии сражались воинские ополчения отдельных княжеств, и верх брала то одна, то другая сторона. Войско болгарского царя Симеона превратило Сербию в пустыню, но и военно-политические ресурсы Болгарии оказались подорваны. Так что, когда хорватский король Томислав в 926 г. нанес

¹Император Михаил II (820-829 гг.).

тяжелое поражение до тех пор непобедимой болгарской армии, держава Симеона быстро пришла к краху¹. Его «тишайший» сын Петр не сумел удержать прежние завоевания, и сербские жупаны, которые в ходе сербско-болгарских войн выступали в качестве союзников Византии, в новых условиях признали себя вассалами автократора ромеев.

Болгарская угроза опять нависла над Сербией в конце X столетия, когда многие ее земли были захвачены энергичным и воинственным царем Самуилом, но непреклонная воля императора Василия II стерла Болгарию с политической карты Европы, после чего сербы, хорваты и другие славянские племена, жившие близ Адриатики, изъявили покорность грозному повелителю ромеев. С этого времени весь Балканский полуостров снова оказался во власти Византии.

Впрочем, край этот доставлял Константинополю множество беспокойств. Славяне неоднократно поднимали восстания, чему в немалой степени способствовала «кадровая политика» Василия Болгаробойцы. Дело в том, что беспощадный автократор милостиво обошелся с местной знатью, оставив ей значительные властные полномочия. По прошествии нескольких десятилетий, когда трон Святого Константина занимали совсем другие люди, несопоставимые по своим деловым и личным качествам с грозным покорителем Болгарии, эта мина замедленного действия сработала. Мятежи в Болгарии, Сербии, Хорватии неизменно находили вождей в среде местной аристократии.

В 1035 г. поднялось затерянное в горах княжество Зета. Правда, продержаться долго мятежникам не удалось. Флот, вышедший из Диррахия, и сухопутные войска ромеев взяли их в клещи. Восста-

ние было подавлено, а зетский жупан Стефан Воислав попал в плен и был отправлен в Константинополь. На беду византийцев этот человек «обладал природной смекалкой и мудростью, основанной на опыте». Прошло несколько лет, и когда всем уже казалось, что высокопоставленный пленник освоился в своей золотой клетке и привык к ней, Стефан Воислав бежал. Ему удалось добраться до родины, и весь его народ поголовно восстал против власти империи. По иллирийскому побережью Адриатики прокатились страшные антигреческие погромы, в ходе которых было вырезано множество людей, невзирая на их пол и возраст. Более того, согласно выражению византийского хрониста, «не прекращавшиеся набеги его стремительных банд несли грабежи и пожары во все районы Иллирии, подвластные империи, и даже в Македонию».

Пока византийцы собирали войска для карательной экспедиции, жупан времени не терял. Он захватил императорский корабль с грузом золота, прибитый бурей к берегам Зеты. Даже после столь откровенного акта разбоя император Михаил IV обратился к Воиславу с письмом примирительного содержания, обещая не воспринимать произошедшее, как предлог к войне, лишь бы зетцы

Западно-Балканский регион

¹См. об этих событиях в книге «Византия — орёл и лев».

вернули несправедливую добычу. Уверенный в неуязвимости, Стефан даже не ответил на царское послание. Затем он собрал ополчение и, выступив навстречу ромейским войскам под командованием никудышного полководца, евнуха Георгия Проваты, разбил их в узких горных проходах, где численное преимущество противника сводилось на нет самим характером местности. «Почти все наше войско осталось там», — с горечью писал Иоанн Скилица.

Эти события датируются приблизительно 1040 г. Обстановка в империи была чрезвычайно сложная. Восстала Болгария, и для подавления мятежа потребовались крупные воинские контингенты. В самом Константинополе безостановочно сменяли друг друга на троне случайные и, в общем-то, не слишком талантливые люди. Сразу целый ряд обстоятельств сложился таким образом, что до наведения порядка в Зете у византийцев просто не доходили руки. Наконец, в 1042 г. улыбчивый василевс Константин IX Мономах двинул в горы более чем 40-тысячную армию патрикия Михаила. И хотя был этот стратиг «изнеженным и неопытным», но противостоять такой силе в открытом бою Стефан Воислав не рискнул.

Войско Михаила, в состав которого входили и союзные контингенты из других сербских княжеств, вторглось в Зету с юга и разорило ее долины. Самые умные военачальники могли бы заподозрить неладное, ведь победа далась слишком легко, но кому же хотелось в такие дни думать о неприятном? Зато ближайшее будущее показало, что ромеи снова недооценили противника.

Отряды Воислава заняли горные теснины, и, когда на обратном пути византийцы втянулись в эти проходы, на их головы обрушились град стрел, громадные камни и целые скалы. При этом сербы оставались на неприступных кручах, а ромеи двигались по таким узким тропам, что даже два всадника не могли свободно разъехаться. Вместо битвы произошло настоящее избиение. Армия стратига Михаила была уничтожена практически полностью: от высших офицеров и до рядовых стра-

тиотов, которые полегли тысячами. Спасаться удалось немногим, так что разгром получился неслыханным, а Зета обрела полную независимость.

**Император
Константин IX
Мономах
(1042-1055 гг.).
Золотой гистаменон**

После этого византийцы попытались хитростью избавиться от столь опасного противника. Стратиг приморской крепости Рагузы¹ Катакалон Клазоменит захотел «водрузить трофей с помощью притворной дружбы». Узнав, что у Воислава родился ребенок, он пожелал быть его крестным отцом. Стефан согласился и пригласил новоявленного кума к себе в гости. Однако, слишком уж не доверяли друг другу столь искушенные политики, какими являлись герои нашего рассказа. Поэтому, в конце концов, они договорились встретиться на борту корабля прямо в открытом море. Катакалон предупредил своих людей, чтобы, по первому же его знаку, они схватили серба и доставили в Рагузу. Но точно такой же план составил и сам князь Зеты. Едва кумовья, обнявшись, расселись для дальнейших переговоров, как по данному Стефаном сигналу стратига в одну минуту связали по рукам и ногам и вместе с сыном и всей свитой увезли в одну из зетских крепостей. Там же отвели и дромоны его. «Так, какими силками и сетями хотел уловить стратиг, был он сам уловлен к посрамлению ромеев», — меланхолично заметил византийский автор.

Вскоре Стефан Воислав смог еще больше расширить свои владения, и Византия признала этот факт. Занявший в 1051 г. престол Зеты сын Стефана Михаил был даже пожалован титулом протоспафария и принят, согласно формулировке, сохранившейся еще со времен Древнего Рима, в число

¹Современный хорватский Дубровник.

«друзей и союзников ромеев». Позднее, уже в 70-х гг. XI в. его сын Константин возглавил очередное антивизантийское восстание в Болгарии¹. Положение Михаила еще более укрепилось, когда в 1077 г. он получил от Папы римского королевскую корону, стал *кралем* и, таким образом, папским вассалом, а Константинополю оставалось лишь смириться с этим унижением. Преемник Михаила, Константин Бодин (1082-1101 гг.) сначала занимал уклончивую

Панорама македонских гор. Современное фото

позицию по отношению к Византии, затем его политика приняла откровенно агрессивную направленность. «Архонт сербов, человек весьма воинственный и исполненный коварства, не пожелав оставаться в пределах своей страны, ежедневно совершал набеги на ближайшие к Далмации села и присоединял их к своим владениям».

Во второй половине 1080-х гг. византийцам пришлось вести войну против давнего врага империи по всем правилам военного искусства. Наместник Диррахия Иоанн Дукка, действуя в труднейших условиях сильно пересеченной горной местности, сумел нанести сербам поражение и захватил в плен их предводителя. Остается в точности неизвестным, каким образом вернулся к власти Бодин, но он занимал трон до самой смерти, и не сила ромейского оружия сломала правителя Зеты, а его собственные родственники. Не доверявший никому король истребил своих братьев, зато племянника Вукана явно недооценил, назначив его жупаном Рашки. Именно это княжество послужило новым центром формирования сербского государства.

Вукан, «муж искусный, как в речах, так и в делах», «вышел за пределы своей страны и стал опустошать соседние города и земли». Император Алексей Комнин совсем недавно закончил тяжелую войну с печенегам, но, лично встав во главе большого войска, в 1093 г. повел его на северо-запад. Как это обычно бывает, разбойник, почувствовавший даже угрозу отпора,

сдаст назад. Вот и Вукан поспешил направить послов с мирными предложениями. Правда, сделал он это в довольно странной форме, объяснив свои действия ответом на нападения на Сербию «царских сатрапов» (sic!) Тем не менее, Комнин согласился принять от князя Рашки заложников и отбыл назад — в Константинополь. Похоже, что Вукан именно этого и добивался. Во всяком случае, никаких заложников он не выдал, и уже в конце года вновь предпринял набег во владения Византии.

На этот раз Алексей поручил возглавить экспедицию против сербов своему племяннику Иоанну, юноше, не имевшему военного опыта, но «пылавшему жаждой битв». Такое решение василевса оказалось опрометчивым и принесло ромеям немало бед. Вукан снова вступил в мирные переговоры, а затем, усыпив бдительность молодого человека, непроглядной ночью напал на византийский лагерь. Среди ромеев вспыхнула слепая паника. Многие были убиты прямо в палатках. Другие бежали, тщетно пытаясь укрыться за рекой Липеней². Долго еще ее холодные волны несли раздувшиеся трупы, а утром чудом спасшийся Иоанн в бессилии смотрел на многочисленные вражеские отряды, занявшие господствующие высоты, и не мог теперь стратиг с малыми остатками войска своего сразиться с многочисленным и окрыленным победой противником. Неудачливый царский племянник бесславно прибыл в Кон-

¹См. «Византия — орёл и лев».

²К северо-западу от Скопье — столицы современной Македонии.

стантинополь, а Вукан разорил всю Западную Македонию.

Чтобы положить конец этим бесчинствам, василевсу Алексею пришлось самому вести армию в Сербию. По-видимому, у Вукана была неплохо поставлена военная разведка. К жупану одно за другим стали поступать все более тревожные сообщения о том, что силы византийцев очень велики, и даже на походе они идут в плотно сомкнутых колоннах и в полном боевом снаряжении, тогда как обычно ромеи двигались налегке, а большую часть вооружения везли в обозах.

Тут уже Вукан решил не испытывать судьбу и прибег к испытанному средству. Он в третий раз направил к императору послов, обещая принять все условия Комнина и в будущем не причинять его царству никакого зла. И снова государь поверил сербу. Алексей лишь настоял на том, чтобы Вукан выдал ему для соблюдения мира знатных заложников, среди которых были и ближайшие родственники жупана. Таким образом, до войны дело не дошло, и летом 1094 г. василевс вернулся в царственный город.

Византия обрела политический контроль над сербскими княжествами, но так и не восстановила в данном регионе прежнего господства. Жупаны остались вассалами империи, обладая значительной степенью самостоятельности. Все, что мог сделать Константинополь в этой ситуации, так это разжигать вражду между правителями Зеты и Рашки и продвигать на их троны своих ставленников. Пока они вели себя лояльно, считалось, что ничего особенного в Сербии не происходит, и летописи обходили этот край молчанием, но стоило князю проявить строптивость, как наказание следовало незамедлительно, и тогда ромейские историки вносили в хроники строки, живописавшие ратные подвиги василевсов и их христолюбивого воинства.

В течение первых семи лет правления сына Алексея Комнина, императора Иоанна II (1118-1143 гг.) его человек в Рашке Грубеш являлся послушным проводником воли автократора, но затем его сверг некий Григорий. Реакция Константинополя не заставила себя ждать. В 1124 г. армия Иоанна вторглась в Рашку и¹ предала эту страну огню и мечу. Византийцы захватили боль-

шую добычу, а взятые пленные по повелению самодержца были переселены в район Никомидии в Малой Азии, где должны были сражаться против турок-сельджуков.

**Император
Иоанн II Комнин.
Золотой иперпирон**

Позднее сербские правители выступали против Ромейской державы вместе с Венгрией, силой распространявшей свое влияние за Саву и Дунай. Мы уже знаем, что с начала XII в. мажарские короли, заключив династическую унию, стали управлять Хорватией. В 1130-х гг. они установили контроль и над Боснией.

После смерти Иоанна Комнина в Сербии не прекращались войны за власть, которые вели между собой представители правившего в Рашке семейства Воиславичей. Их было так много, что даже сведения, содержащиеся в источниках, противоречиво называют степень существовавшего между ними родства. История оказывается настолько запутанной, что понять, кто там был чьим отцом или сыном, братом, дядей или племянником, почти невозможно. И при этом все они хотели добиться независимости от Византии. Только правитель Зеты князь Радослав оставался верен империи, но он проиграл и лишился почти всех владений. Царствовавший в ту пору автократор Мануил I (1143-1180 гг.) не мог помочь своему вассалу. Как раз в это время

**Христос
Вседержитель.
Золотая монета
императора
Мануила I Комнина**

¹Так и хочется сказать: «восстановила конституционный порядок».

ему самому пришлось сражаться с гораздо более опасным врагом — итальянскими норманнами, захватившими остров Корфу.

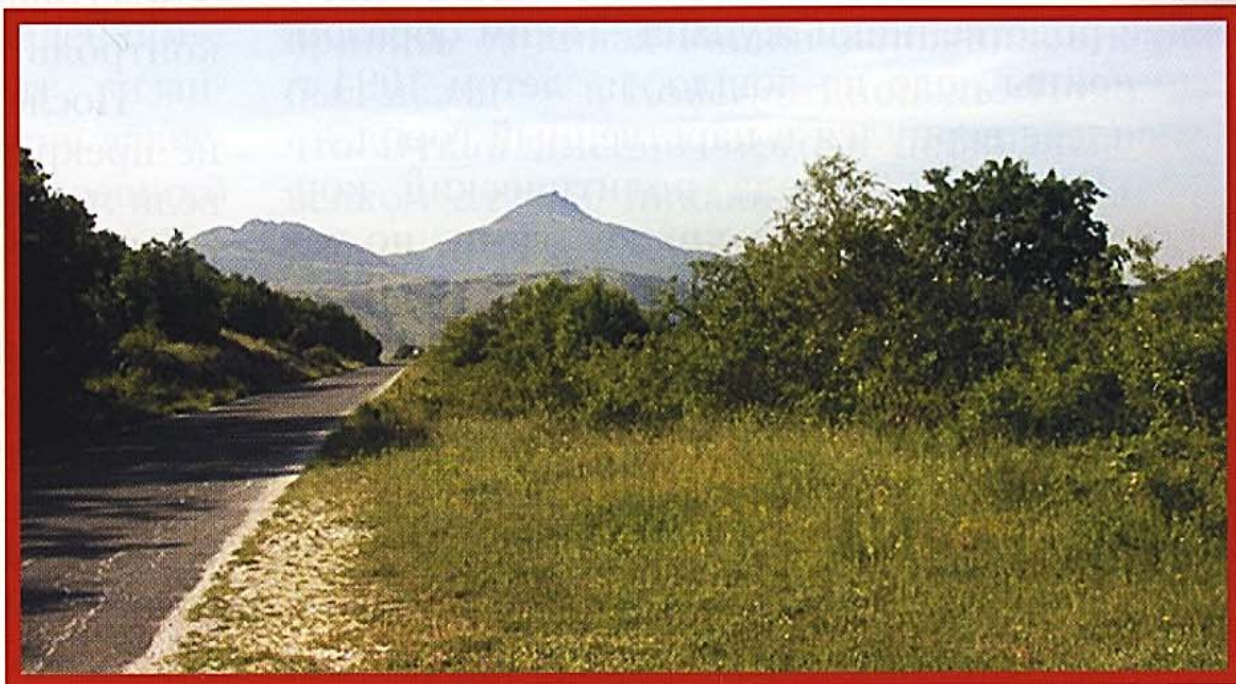
Возвращаясь осенью 1149 г. после завершения кампании, Мануил двинулся в долину Моравы вдоль течения ее притока, реки Нишавы. Не ввязываясь в бои с сербами, византийцы опустошили эти земли, повергнув в ужас местное население, которое с приближением вражеской армии бежало в горы и леса. Гарнизоны сербских крепостей сдавались без сопротивления. Упорство проявил только Галич. Два дня его укрепления подвергались непрерывному обстрелу из камнеметов. На третий он был взят приступом.

Как писал византийский историк: «царь словно лев, уверенный в своей силе, рассеял скопища варваров, как стада быков и коз, сжег много принадлежащего им имущества и захватил немалое количество рабов». Пленных отправили в Сердику, а для оккупации покоренного региона Мануил оставил войска под командованием племянника, паниперсеваста Константина Ангела. Вскоре от этого сановника пришли тревожные известия. Сербам удалось восстановить свои силы. Узнав, что размещенные Мануилом гарнизоны не столь уж многочисленны, они снова восстали. Царь немедленно выступил в поход, чтобы заставить мятежников врасплох и окончательно разгромить их, но замысел василевса сорвался. С приближением ромеев, славяне опять ушли в горы.

Наступившая зима прервала кампанию. Император вернулся в Константинополь. Весна следующего, 1150 г. застала Мануила в македонской крепости Пелагония, где он собирал войска для очередного похода против сербов. Василевс ждал осени, и, когда леса сбросили листву, предпринял новое вторжение. Это был тонкий тактический прием, и надо сказать, что расчет автократора оказался верен. Теперь леса не могли служить врагу убежищем и не годились для устройства засад против наступающих византийских колонн.

Быстрому и окончательному разгрому сербов помешал их союз с венграми¹, Боль-

шое мадьярское войско перешло Саву, и, несмотря на угрожающие маневры византийской армии, смогло соединиться с отрядами Первослава Уроша. В конце концов, противники сошлись в долине реки Тары, но и теперь они не рвались в бой. Кроме того, сам характер местности не позволял развернуть здесь большие воинские массы. Правда, согласно историку Иоанну Киннаму, именно здесь император Мануил лично участвовал в кровавых сечах и, рискуя жизнью, вершил прямо-таки сверхъестественные ратные деяния. Но этот автор был известным панегиристом данного василевса, и, чтобы не смущать читателя, мы не станем подробно описывать их. Вместе с тем, как раз Киннам не упоминает о каком-либо крупном сражении, выигранном ромеями на берегах Тары. Скорее всего, дело ограничилось незначительными столкновениями (хотя и в них, без сомнения, могли совершаться героические подвиги).

Вершина Висока, Македония. Современное фото
Согласно мнению ряда историков,
именно на этой горе стояла крепость Пелагония

Тем не менее, после этих боев сербы заявили о покорности. Урош сам прибыл в греческий лагерь и простерся перед Мануилом, умоляя о прощении. Автократор был человеком незлопамятным. К тому же, милосердие к поверженному противнику черта истинно великого государя. Комнин велел князю встать и одарил его царственной лаской.

Вассальный статус Рашки был восстановлен. С этого времени сербы должны были выставлять вспомогательные воинские контингенты под знамена императора: 2000 чел.

¹Король Венгрии Геза II приходился племянником архижупану Первославу Урошу.

в случае ведения боевых действий в Европе, и 500 чел. для походов в Азию. И все же, мирный договор 1150 г. не изменил коренным образом характера сербско-византийских отношений, так как вассалами сербы были весьма ненадежными.

Всего три года спустя, после заключения мира с Венгрией, Мануил Комнин специально нанес визит в Рашку, чтобы получить подтверждение покорности сербов и их разрыва с мадьярами. Затем в течение нескольких лет на северо-западных рубежах Византии царило спокойствие.

В 1161 г. Мануил еще раз вознамерился навести порядок в сербских делах. Вместо Первослава он поставил Белуша, но уже год спустя передал Рашку его брату Деше, даровав ему титул архижулана. Этот выбор царя также оказался неудачным. Деша пытался высвободиться из под руки своего благодетеля, не останавливаясь перед сменой политической ориентации на Германию, или Венгрию. В 1162 г. армия Мануила сосредоточилась у Ниша, угрожая Сербии вторжением. Деша поспешил явиться в полевую ставку императора, свидетельствуя преданность и покорность. Но ему бросили в лицо неопровержимые свидетельства тайных контактов с венграми, арестовали и отправили в Константинополь. Тем не менее, ему, вероятно, удалось оправдаться перед автократом. Во всяком случае, на протяжении следующих нескольких лет (о точной хронологии событий, говорить, к сожалению, не приходится) Деша снова занимал престол Рашки.

Полученный урок явно не пошел впровод. На рубеже 1165-1166 гг. Деша поднял мятеж и был окончательно лишен власти императором. Мануилу надоели династические эксперименты, и он разделил Сербию на четыре части, поставив во главе

Родословное древо Неманичей

каждого владения братьев из боковой ветви Воиславличей. Они также грызлись между собой, то вступая во временные союзы, то с легкостью разрывая их. Одному из них — Стефану Немане суждено основать династию, которая будет править Сербией больше ста лет и принесет стране славу и могущество, о которых ее правители до сих пор не смели и мечтать. За свое тридцатилетнее правление этот человек доставит Византии большое количество неприятностей и войдет в историю Сербской державы как один из самых талантливых

ее властителей¹. Византийский историк Никита Хониат называл его «сербским сатрапом», считал «несдержанным грубияном» и «нахальным мальчишкой, который назойливость почитает проницательностью», Скажем прямо: в таких отзывах звучит раздражение представителя проигравшей стороны. На самом деле, упорная борьба, которую Неманя поведет за независимость края, завершится полной победой, и Стефан лишь немного не доживет до краха некогда грозного ромейского царства.

Ну а пока, Стефан, правивший в 1165–1166 гг. захудалым уделом в Топлице, восстал против своего старшего брата Тихомира, которому ранее сам византийский император пожаловал титул архижупана. Неманя одолел не только Тихомира, но и двух других братьев. Побежденные бежали в Византию и обратились за помощью к императору. Мануилу очень не понравилось, что какой-то выскочка вздумал разрушить столь тщательно выстроенную им — василевсом «вертикаль власти», и послал в Рашку войско. Дальнейшие события опрокинули все расчеты автократора и доказали, что предыдущие успехи Стефана были не игрой слепого случая, а являлись закономерным результатом проявления ума, воли, изворотливости и решительности этого, без сомнения, одаренного от природы исторического персонажа.

В том же году Стефан разбил в Косово императорские войска, состоявшие, помимо греков, из франкских и турецких наемников, захватил в плен братьев и заставил их признать себя в качестве архижупана Рашки. Еще важнее, что около 1168 г. с новым статусом Немани согласился Мануил Комнин. Сложно сказать, почему василевс принял такое решение. Возможно, что, несмотря на всю свою, до мозга костей византийскую натуру, практичный автократор принял во внимание клятвы и заверения в верности, которых не жалел новый правитель Сербии. Чтобы закрепить себя во власти, Стефан даже пошел на прямые территориальные уступки в пользу империи. Зато, в конце концов, вассал явно переиграл сюзерена.

Человек кипучей энергии, Неманя немедленно приступил к расширению своих владений. Вступив в союз с Венецией, он начал захватывать земли на побережье Адриатики. Сербь осадили важный порт Рагузу, и только прямая угроза Константинополя применить против них вооруженную силу, заставила Неманю отступить. Он бежал в горы и умолял василевса о прощении. Незлобивый Мануил предал дело забвению, но совсем скоро архижупан, презрев собственные уверения, атаковал территорию империи, пытаясь вернуть области, уступленные им ранее.

На этот раз терпение государя, похоже, иссякло. В 1172 г., даже не ожидая сосредоточения всей армии, Мануил всего с несколькими тысячами человек совершил стремительный марш в горы Сербии, чтобы захватить коварного врага врасплох. Сначала Неманя, повинаясь инстинкту самосохранения, решил бежать и укрылся в горной пещере, но затем счел за лучшее предстать перед Комнином в уничижительном положении просителя. Процедура получилась откровенно постановочной. Устраивать подобные представления архижупан был большой мастер. Стефан пришел в византийский полевой лагерь с непокрытой головой, босой, в рубище, с мечом в руке и веревкой на шее, подчеркивая, что вверяет жизнь и судьбу на милость василевса. Он лежал перед государем, простершись во прахе, и «молил не причинять ему тяжких страданий», более всего опасаясь, как бы император не отдал его удел кому-либо из свергнутых им же родственников.

Мануилу понравилась столь демонстративное выражение покорности, и он даровал сербу прощение. Самое забавное, что почти сразу после этой патетической сцены Неманя попытался заручиться военно-политической поддержкой короля Венгрии. Дело сорвалось из-за того, что Бела III, как мы уже знаем, действительно был человеком, несокрушимо верным Комнину, которого считал своим благодетелем. Впрочем, когда об этой некрасивой истории доложили

¹Еще раз подчеркнем, что описываемые времена являются одним из наиболее «темных» периодов в сербской истории. Здесь ничего нельзя утверждать наверняка. Ряд историков вообще считают, что Стефан Неманя и Деша это одно и то же лицо.

Мануилу, он приказал арестовать Неманю, под конвоем отправить его в Константинополь и поместить в одну из дворцовых тюрем (были в царственном граде и такие). Впрочем, говорят, что и в заключении архижупан чувствовал себя достаточно комфортно. Ему, например, очень нравилось разглядывать во Влахернском дворце мозаики, сюжеты которых были посвящены войнам Мануила с ним — Стефаном Неманей.

И все же, в Константинополе, где надзор за важными гостями-пленниками осуществлялся неусыпно, властитель Рашки присмирел. В 1176 г. сербские войска принимали участие в походе императора Мануила в Малую Азию против турок-сельджуков, и вскоре после этого Неманя получил свободу. А когда вернулся на Родину, то с помощью привычных для него средств занялся укреплением своей державы.

До самой кончины василевса Мануила в 1180 г. он стремился не раздражать Византию. Позднее, пользуясь незначительностью преемников великого автократора и быстро прогрессирующим упадком Ромейского царства, вновь начал действовать без какой-либо оглядки на Константинополь. Вступив в союз с Венгрией, Неманя уже в 1182 г. присоединил к своим владениям Ниш близ болгарской границы, а затем захватил Южную Далмацию. Позднее архижупан пытался вовлечь в антивизантийскую коалицию одного из вождей Третьего крестового похода, германского императора Фридриха Барбароссу.

Образование в 1185-1187 гг. Второго Болгарского царства и тяжелая война, которую Византии пришлось вести на Балканах с норманнами, еще более упрочили его положение. Только в 1190 г. империи удалось вернуть часть утраченных территорий. В похвальном слове василевсу Исааку II Ангелу историк Никита Хониат, вполне в духе цветистой византийской риторики, несоразмерно преувеличил одержанную на берегах Моравы победу. «Бросив свой луч на балканских отступников, — писал этот автор, обычно трезво относившийся к окружающей действительности, — ты ослепил их. Затем ты прошел на запад и, как огонь всепожирающий, явился перед жалким далматинцем. Неманя растаял, как воск, и просил на конце пальца утолить его жажду. Сложив с себя символы власти и обнаженный господ-

ства над далматами, он пришел коснуться прекрасных ног твоих и пытался ослабить удары неумолимой секиры твоей». И так далее, в том же духе. На самом деле все было с точностью почти до наоборот. У распадающейся Византии не было сил для затяжной борьбы. Поэтому бесталанному Исааку Ангелу пришлось заключить мирный договор, де-факто признавший независимость Сербии. Вынужденный характер подписанного трактата подтверждается и оформленным тогда же династическим браком. Сын Немани был обручен с племянницей Исаака.

Так что своим преемникам Стефан Неманя оставил сильное государство. Его граница тянулась вдоль долины Моравы на юг к Нишу, а затем поворачивала на запад и выходила к Адриатическому морю в районе г. Антивари¹. Таким образом, Стефан не только соединил под своим скипетром прежние сербские княжества (в первую очередь Рашку и Зету), но и прибавил к ним земли, которыми его предшественники никогда

Святой Симеон (Стефан Неманя).
Православная икона

¹Современный Бар в Черногории.

прежде не управляли. А потом случилось неожиданное. В 1196 г. великий жупан отрекся от престола и стал смиренным иноком Симеоном, обретя упокоение души в основанной им же Студеницкой обители. Вскоре после предания его останков земле православная церковь признала этого незаурядного человека святым.

Завидной энергией отличались и сыновья Стефана — первые Неманичи. Младший, Растко уже в пятнадцатилетнем возрасте правил одной из провинций, а затем, пойдя наперекор воле отца, бежал на Афон, где принял постриг и прославился праведной жизнью. Православные люди чтят его как великого святого — Савву Сербского. Два других сына Немани без устали оспаривали друг у друга верховную власть. При этом оба они, похоже, совсем не принимали в расчет катившуюся в пропасть Византию. Когда младший, Стефан, уличил свою жену Евдокию (между прочим, дочь императора Алексея III) «в страсти», то он выставил ее, едва ли не голую, из дворца и «велел несчастной, как блуднице, идти прочь». Женщину снабдил одеждой ее деверь Вукан и отправил в Константинополь. И что же, василевс Алексей Ангел проглотил неслыханное оскорбление, нанесенное не только его дочери, но и Ромейскому царству в целом.

В дальнейшем Вукан, тяготевший к католическому Риму, опирался на союз с Венгрией. Стефана поддерживали единоверцы-болгары. Победил Стефан, после чего он также избрал для себя новые внешнеполитические ориентиры. В 1217 г. великий жупан отправил в Рим посольство с просьбой о даровании ему от имени Святого престола королевской короны в обмен на лояльность, как в политике, так и в вопросах веры. Папа Гонорий III не упустил случая расширить влияние среди бывших схизматиков и направил в Рашку легата, который короновал Неманича¹. Стефан стал первым общесербским королем (1217-1227 гг.) и остался в истории с неотделимым от него гордым прозванием «Первовенчанный». Его полный титул звучал очень внушительно: «краль всей сербской и поморской земли, Диоклитии и Травунии, и Далматии и За-

холмья». Сын Первовенчанного Радослав (1228-1233 гг.) поддерживал союз с деспотом Эпира Феодором Ангелом, яростным конкурентом никейских императоров. Такой приоритет на длительное время предопределил характер отношений Сербии и Никеи. Пока никейцы оставались в Малой Азии, разделявшие их с державой Неманичей латинские владения просто не оставляли места для зоны непосредственных политических и военных контактов. В это время Сербия боролась с Болгарией, раздвигая границы на юг и частично на восток, но когда василевс Иоанн III Ватац и его преемники во второй половине XIII столетия развернули Реконкисту Балканского полуострова, давние противники снова начали встречаться на полях сражений.

Стефан Первовенчанный.
Легендарный портрет, относящийся к более позднему времени.

Около 1257 г. сербы (по мнению византийского историка, «народ вероломный и никогда не питающий чувств благодарности к людям, сделавшим ему добро») вторглись в македонские земли, над которыми

¹Вместе с тем, в 1219 г., никейский патриарх рукоположил сербского архиепископа в качестве автокефального (самостоятельного) священноиерарха, сделав, таким образом, сербскую православную церковь самоуправляющейся и независимой (прежде всего от Болгарии) епархией.

ранее установила контроль Никея, и стали грабить окрестности крепости Прилеп. Начальник здешнего гарнизона Ксией хотя и обладал придворным рангом skuteria (т.е. щитоносца и знаменосца василевса), но в военном деле не имел ни опыта, ни познаний. Не организовав разведки и не выяснив сил противника, Ксией предоставил полную свободу действий своим подчиненным, поручив им по собственному усмотрению вести борьбу с отдельными отрядами сербов. Закончилась эта нестандартная тактическая инициатива плачевно. Подразделения ромеев, одно за другим, оказались разбиты сами. «Одни из них сделались жертвою меча, а другие были захвачены в плен и уведены связанными». Потерпел поражение и сам Ксией. После этого остатки византийцев заперлись в Прилепе и уже не могли высунуть носа за ворота крепости. Лишь через некоторое время разгром антиникейской коалиции в битве при Пелагонии (1259 г.), вынудил короля Стефана Уроша I (1243-1276 гг.) отказаться от территориальных приобретений в Македонии. В дальнейшем восстановитель Византии и основатель последней династии василевсов Михаил VIII Палеолог, у которого, по-прежнему, хватало внешних врагов, пытался вовлечь Сербию в орбиту византийского влияния дипломатическими средствами.

В 1266 г. император направил к Урошу представительное посольство, с целью достижения практических договоренностей о заключении брака своей дочери Анны с королевичем Милутином. Такой династический альянс выглядел вполне реальным. Тем более, что Милутин был вторым сыном Уроша и не являлся наследным принцем, так что сербская знать могла не опасаться, что королевство попадет в руки греков. Правда, на послов произвел неприятное впечатление довольно затрапезный и обносившийся вид королевского семейства. Оценивая убожество сербского двора, они пришли к выводу, что «простота и бедность царствовали там до такой степени, что будто бы они питались только краденными животными».

Вместе с тем, византийцы умели улыбаться и льстить даже в более сомнительных ситуациях. Гораздо хуже, что самому

Урошу не понравился слишком уж роскошный вид ромейских дипломатов, официальных евнухов и вообще всей свиты. Как же в таком случае должен выглядеть приславший их повелитель? В общем, свадьба так и не состоялась, а вскоре Стефан Урош и вовсе лишился престола. Для начала он затеял военную авантюру против Венгрии, а когда был разбит и попал в плен, победители потребовали, чтобы он разделил власть со старшим сыном Драгутином.

Чтобы еще полнее закрепить достигнутый успех, венгерский король Иштван V выдал замуж за Драгутина свою дочь. Прошло несколько лет, и сын сверг отца с трона. При короле Стефане Драгутине (1276-1282 гг.) сербско-византийские отношения оставались весьма напряженными. Даже когда набожный монарх отрекся от короны¹ и передал власть младшему брату Милутину, византийцам еще долго пришлось ждать подходящего момента, чтобы все начать сначала.

К концу XIII столетия активная военная экспансия Сербии привела к значитель-

Король Сербии Стефан Милутин.
Фрагмент фрески

¹Стефан Драгутин канонизирован сербской православной церковью. В житии этого святого особо подчеркивается, как, «возлюбив отшельничество», он затворился в Среме, где совершал тайные подвиги в собственноручно выкопанной яме-могиле. Скончался Стефан Драгутин в 1316 г.

ному расширению ее территории. В 1296 г. войска короля Стефана Уроша II Милутина (1282-1321 гг.) захватили важнейший оплот Византии на Адриатике Диррахий. Еще более опасным оказалось их продвижение на юг. Сербы преодолели горную цепь Шар-Планины и заметно потеснили византийские владения в Македонии. Теперь сербский контроль распространялся на обширные земли в верхнем течении реки Вардар вокруг Скопье. Последний являлся не только крупным городом, но и мощной крепостью. Милутин перенес в Скопье столицу королевства, и вскоре стало понятно, что в дальнейшем он самым естественным образом будет стремиться распространять влияние на юго-восток вдоль Вардара, впадающего в Эгейское море. В таком случае Византия могла лишиться большей части балканских владений. Под угрозой оказывался и второй город империи — Фессалоника.

Силами для вооруженного отпора сербскому наступлению ромей не располагали. Занимавший в то время престол василевсов Андроник II (1282-1328 гг.), подобно целому ряду предшественников, до предела урезал государственные расходы на армию и распустил флот. Всесторонне образованный человек, знаток литературы и музыки, он в гораздо большей степени полагался на искусство дипломатов. В 1299 г. новое посольство добилось согласия Милутина жениться на пятилетней (!) дочери Андроника Симониде. При этом, согласно заключенному договору, обширные завоевания сербов в Македонии (земли к северу от Охрида, Прилепа, Штипа) передавались королю в качестве приданого невесты.

К этому времени Сербская держава обладала совершенно иным политическим весом. По-другому выглядел и королевский двор. Парадное одеяние Милутина смотрелось ничуть не хуже, чем у константинопольских императоров, а его сановники, казалось, купаются в роскоши (особенно на фоне общего упадка ромейского царства). Византии оставалось смириться и признать уже существующие расклад сил и положение вещей. Андроник хотел лишь обе-

зопасить и без того стремительно сокращавшуюся империю от новых территориальных потерь в будущем. Но даже таким скромным расчетам оказалось не суждено сбыться.

XIV век начинался для Византии с тяжелого противостояния сразу на нескольких фронтах. Раздираемая внутренними противоречиями империя ввязалась в военные конфликты с высадившимися на Балканском полуострове войсками Неаполитанского королевства, венецианским флотом, турками-османами, восставшими против василевса наемниками каталанцами и франками Пелопоннеса. Казалось, наступают последние дни существования тысячелетнего Ромейского царства...

Гибель империи удалось отсрочить не за счет концентрации военных ресурсов (их почти не было), а скорее хитроумными дипломатическими комбинациями. Каталанцы, устроившие в Малой Азии кровавую баню туркам, были «канализированы» против латинских князей Эллады. Отразить нападения неаполитанцев помог союз с греческим государством в Эпире. Сербия втянулась в очередную войну с Болгарией, но даже все эти благоприятные обстоятельства дали Византии лишь временную передышку.

Помимо многочисленных и уже ставших традиционными внешних врагов, от которых можно было на время отделаться, уступив какую-нибудь провинцию (хотя, признаем, их становилось все меньше и меньше¹) державу ромеев поставили на край пропасти два субъективных обстоятельства. В самой империи честолюбивый внук василевса Андроника II, названный в честь него также Андроником², развернул непримиримую борьбу против деда, считая, что он и так уже засиделся на престоле и должен уступить трон молодому, энергичному, динамичному и во всех отношениях более достойному представителю династии Палеологов. В конце концов, молодость действительно победила, а старый и ослепший Андроник II закончил свои дни в монастыре. Сменивший его Андроник III ни в чем себе не отказывал и жил очень вкусно, являясь единоличным

¹По меткому выражению историка Никифора Григоры, это было, как если бы кто, «желая подружиться с волками, перерезал бы себе во многих местах жилы и позволил волкам пить его кровь и насыщаться».

²Отец принца Михаил IX, являвшийся соправителем Андроника Старшего, скончался еще в 1320 г.

правителем Византии на протяжении тринадцати лет (1328-1341 гг.), что необычайно много для тех беспокойных времен. После его кончины смута в империи вспыхнула с новой силой. Помимо законного наследника, девятилетнего Иоанна VI, василевсом был провозглашен его опекун Иоанн Кантакузин, происходивший из знатного аристократического рода. Различные придворные группировки (без преувеличения их можно назвать кликами) обзавелись наемными вооруженными отрядами и ввергли Византию в кровопролитную Гражданскую войну.

Святые воины. Средневековая фреска. Монастырь Манасия, Сербия

С другой стороны, и в Сербии, перенимавшей внешние атрибуты власти василевсов, короли из династии Неманичей правили вполне по-византийски. Отец мог ослепить наследника-сына, а королевич за просто свергал постаревшего родителя и, в лучшем случае, заставлял его принять монашеский постриг.

Как мы уже знаем, король Стефан Урош II Милутин был женат вторым браком на византийской принцессе Симониде. Желая обеспечить трон за своим сыном, гречанка настроила мужа против наследного принца, также носившего родовое имя Стефан, обвинив его в заговоре с целью свержения отца. Милутин велел ослепить первенца и отправил под надзор в Константинополь. «Но и в изгнании Бог не оставил терпеливого Стефана», — сообщается в житии святого¹. После восьми лет, проведенных на чужбине, Стефан получил отцовское прощение и вернулся в отечество.

В октябре 1320 г. король Милутин скончался, а в январе следующего года Стефан был коронован в качестве нового краля Сербии Стефана Уроша III (1321-1331 гг.). Правда, чтобы утвердиться во власти, ему пришлось вступить в борьбу со сводным братом Константином (сыном Симониды), но, в конце концов, национально ориентированные круги сербской знати одержали победу над сторонниками провизантийской ориентации, так что Стефан Урош стал единоличным монархом.

На его правление пришлась короткая и победоносная война с Болгарией, выступившей союзницей рвавшегося к власти в Византии Андроника III. Стефан же поддерживал старого Андроника II, к которому он питал глубокое уважение еще со времени своего пребывания в Константинополе. 28 июля 1330 г. «отборное сербское войско, в блестящем вооружении» наголову разгромило армию болгарского царя Михаила в сражении при Вельбужде². Особо отличился в этой битве сын короля Стефан Душан. Возглавляемый им превосходный отряд западных рыцарей таранным ударом опрокинул боевые порядки противника и обратил болгар в паническое бегство. Возглавлявший их Михаил Шишман попал в плен. Источники утверждают, что Душан самолично отсек неудачливому царю голову. Но еще более зловещую роль этот человек сыграет в судьбе родного отца.

После триумфа при Вельбужде сербская знать надеялась на полное покорение Болгарии, но Стефан Урош решительно от-

¹Согласно каноническому жизнеописанию, по заступничеству перед Господом чудотворца Николая Мирликийского, Стефан даже прозрел. Но на то и составляются жития святых, чтобы подчеркнуть беспредельную и неизъяснимую милость Божию, изливающуюся на праведников. Ученые историки об этом феномене, разумеется, умалчивают, хотя и признают, что в Серию Стефан Урош вернулся полуслепым.

²Современный болгарский г. Кюстендил.

верг подобные предложения¹. Зато он вступил в македонские владения Византии, где засел его враг Андроник младший, и овладел несколькими городами в течении реки Вардар, добровольно раскрывшими ворота перед сербами. Казалось бы, внешняя угроза миновала, и Сербия избавилась на Балканах от опасного соперника. Теперь набожный король мог всецело посвятить себя богоугодным делам, «всегда составлявших отраду его жизни». Однако уже само откровенно благостное житие Стефана ярко свидетельствует, что он никак не отвечал личным качествам, которые должны были присутствовать в характере средневекового монарха.

Прошло совсем немного времени, и среди высшей сербской знати, недовольной незначительностью результатов войны с болгарам, созрел заговор. Особенно усердствовали *властели* в окружении Стефана Душана, управлявшего Зетой. Они не уставали нашептывать «младому кралю» (т.е. соправителю), что отец собирается ослепить его, подобно тому, как с ним самим поступил когда-то король Милутин. Умело разжигаемую подозрительность не могла потушить даже примирительная встреча между отцом и сыном. Несмотря на то, что Стефан Урош, занятый благотворительностью, совершенно успокоился, королевич нагрянул в замок Петрич, служившей его отцу резиденцией, и коварно лишил его свободы и короны.

Но даже постриг и схима, о которых, наверное, как о величайшем божьем даре, мечтал Стефан Урош, ему не суждено было обрести. По приказу Стефана Душана 11 ноября 1331 г. несчастного задушили в замке Звечан. Ему едва исполнилось 46 лет. Официально было объявлено, что «краль» умер естественной смертью, но в народе Стефана Уроша почитали, как страстотерпца и великомученика².

Его место на троне занял человек, чье честолюбие могло соперничать разве что с непреклонной волей в достижении намеченных целей. Стефан Душан был «красен взором образа и добротой тела», т.е. нового короля отличали высокий рост, огромная физическая сила, острый ум, храбрость воина,

а также грубость, черствость и, как мы уже успели убедиться, жестокость.

После победы над Болгарией, в которой Душан сыграл решающую роль, он задумал создать всебалканскую великую державу со столицей в Константинополе. Стремясь к осуществлению грандиозной мечты, Стефан Урош IV (таково было официальное тронное имя Душана) за свое долгое, почти четвертьвековое царствование (1331-1355 гг.) совершил тринадцать походов против Византии.

Войско, во главе которого краль предпринял эти экспедиции, состояло как из территориальных ополчений, формируемых его жупанами в различных областях Сербии, так и из наемников-профессионалов.

Сначала основную часть сербской армии составляли именно пехотинцы, вооруженные копьями, короткими дротиками, кинжалами и луками. При этом сохранились свидетельства об использовании лучниками в бою отравленных стрел. До XIV в. мечи оставались относительно редким оружием. Тогда же сербы освоили и такой сложный вид вооружения как арбалет.

Защитные доспехи у сербов до XII в. встречались относительно редко. Причем, чаще это были кольчуги, чем панцири. С XIV столетия знатно вводятся в употребление разнообразные по конструкции пластинчатые латы западноевропейского образца.

Развитие горного дела и приток в казну драгоценных металлов позволили правителям Сербии к концу XIII в. привлекать на службу немалое количество иностранных наемников-профессионалов. Испанские пехотинцы и германская тяжелая кавалерия, служившие Душану, отличались высокими боевыми качествами. Личную гвардию короля также составляли немецкие рыцари. Зачастую первый же и единственный удар закованной в латы конницы решал исход полевого сражения в пользу сербов. Впрочем, если противник первым переходил в атаку, ее могли сорвать действия конных лучников (иногда эта роль отводилась татарам), располагавшихся на флангах боевого порядка сербской армии.

¹Стефан ограничился тем, что возвел на престол Болгарии сына погибшего Михаила и своего племянника Ивана Стефана. Дело в том, что, как это часто случалось, двух непримиримых врагов связывали узы династического брака. Болгарский царь был женат на родной сестре Стефана Анне.

²Тело короля было погребено в церкви Вознесения Господня в монастыре Дечани. Поэтому в истории этот монарх остался под именем Стефана Дечанского.

Избранная воинственным королем тактика оказалась, может быть, и не слишком оригинальной, зато весьма эффективной и позволила ему установить контроль над обширными землями в Македонии. Сербы вышли к устью реки Стримон и разрезали территорию империи на две части. Теперь сообщение между Константинополем, Фессалоникой и Элладой осуществлялось только морским путем. В 1334 г. ослабленной Византии пришлось заключить мир, закреплявший за Душаном почти все его приобретения. Позднее он возобновил боевые действия и вытеснил греков из Албании. К этому времени империя и так уже превратилась в небольшое государство, так что новые территориальные потери были особенно чувствительны. Неда-

ром византийский историк писал, что Душан «присвоил себе страну ромеев».

В 40-е годы XIV в., когда в Византии началась очередная усо-

бица, и окружение наследника Андроника III юного Иоанна V отстаивало права законного василевса на трон в борьбе с его умным и честолюбивым опекуном Иоанном Кантакузином, Душан поочередно выступал то на одной, то на другой стороне. Сначала он добился от Кантакузина обещания передать ему территории к западу от Фессалоники. Однако, когда выяснилось, что претендент не собирается выполнять принятые обязательства, король уже готов был выдать союзника константинопольским властям в обмен на ряд городов в Македонии. Кроме того, Душан не оставлял надежд захватить Фессалонику, вне зависимости от того, как к этому отнесутся обе противоборствующие византийские группировки. Столь высокие отношения привели к дальнейшему расширению масштабов вооруженного конфликта. В 1343-1344 гг. Кантакузин вторгся в пограничные районы Сербии и беспощадно опустошил их, а призванные им в Европу отряды турок разбили одного из лучших сербских воевод Прелюба.

Сербские воины XIII-XIV вв.

Тяжеловооруженный пехотинец, помимо длинного обоюдоострого меча, имеет весьма внушительное защитное вооружение: сегментно-клепанный стальной шлем, подшлемник из толстой кожи, защищающий не только голову, но также шею и верхнюю часть груди, кольчугу, достигающую до середины бедер, и большой круглый щит. Любопытна конструкция защитных наконечников. Это не чулки, сплетенные из стальных колец, а кольчужные полосы, завязанные на задней стороне голени. Таким образом могли выглядеть воины личной охраны сербского короля в походных условиях военной кампании.

Относящийся к более позднему периоду второй воин сочетает в своем снаряжении, как западные (каплевидный, «норманнский» щит), так и восточные (византийские кожаные полосы-птериги) элементы. Его мощный пластинчатый панцирь надет поверх кольчуги, а подшлемник не кожаный, а так же кольчужный. В сочетании с пикой и мечом такой комплект вооружения делает его владельца почти неуязвимым в схватке с любым противником.

Иллюстрация Е.Ю. Емельянова,
© В.Н. Шиканов

Емельянов Е.
СНБ. 2008 г.

На некоторое время Душан прекратил внешние завоевания и занялся укреплением своей власти в ранее присоединенных областях. Капитуляция измученных длительными осадами ромейских гарнизонов крепостей Верреи и Серры позволила ему овладеть почти всей Македонией (кроме Фессалоники и ее окрестностей) и открыть путь для вторжения во Фракию. Однако, прежде чем начать наступление, король позаботился об идеологическом обосновании дальнейших притязаний на Ромейское царство. В апреле 1346 г. он короновался в качестве «царя и самодержца Сербии и Романии». Таким образом, на Балканах появился еще один император, не делавший секрета из намерения взойти на единственно достойный его престол — в Константинополе.

Ну а пока, прямо сейчас, Душан начал вводить при дворе пышный византийский церемониал. Он, как настоящий василевс, раздавал высокие ромейские титулы не только сербам, но и переходившим на его сторону греческим вельможам. При этом греческий язык сделался официальным наряду с сербским. Любая империя интерна-

циональна. Отлично понимавший это царь Стефан привлекал к себе разноплеменных подданных и, в первую очередь, феодальную знать новообретенных владений. А их пределы постоянно расширялись.

Численно возросшая сербская армия заняла Эпир, Этолию, Акарнанию, Великую Валахию и вела упорные бои в Фессалии. К концу 1340-х гг. в состав державы Душана входили почти вся Северная и Средняя Греция, включая побережье Эгейского моря от Алмира до Коринфского залива. Правда, в 1350 г. Душана отвлекли дела на северо-западной границе Сербии. Здесь обострились отношения с Боснией, стремившийся расширить свою территорию, пока ее грозный сосед воевал на юге. Душан вторгся в Боснию во главе 80-тысячной армии и предал ее огню и мечу.

Пока он наводил там порядок, собравшийся с силами Иоанн Кантакузин, заручившись поддержкой турок, начал отвоевывать ранее утраченные византийцами земли в Македонии, Фессалии и Албании. Душан поспешил назад и вынудил греков отступить во Фракию, но эти события ясно показали, что

Коронация Стефана Душана. С картины худ. П. Йовановича

«Косовская девушка».

Картина художника У. Предича символизирует героизм и трагедию сербского народа после катастрофического поражения в битве на Косовом поле.

как бы ни был силен «царь ромеев и сербов», он не может успешно действовать против двух и более противников одновременно. К тому же, Душан отчетливо понимал, что без сильного флота Константинополем не овладеть, а его у сербов не было вообще. В то же время попытки привлечь к антивизантийскому союзу Венецию закончились безрезультатно. «Владычица Адриатики» сама была не прочь вернуть прежнее влияние на Босфоре, но не собиралась тратить силы и средства, чтобы в Царьграде утвердились сербы. Кроме того, путь туда, по-прежнему, преграждали турки, а с севера угрожали вторжением венгры. И все же смертельную угрозу, нависшую над столицей Византии,

отвела не сила ромейского оружия (понятие в середине XIV в. химерическое) и даже не дипломатическое искусство (с Константинополем на международной арене уже мало кто считался). Как когда-то во времена Симеона Болгарского¹ ее спасло случайное стечение обстоятельств.

В декабре 1355 г., готовясь к походу на Царьград, Стефан Душан неожиданно скончался. После его смерти в Сербии начались феодальные усобицы и крестьянские восстания. В результате, хотя официально на троне утвердился сын Душана Стефан Урош V (1355-1371 гг.), царство его распалось на мелкие независимые владения и в дальнейшем не смогло противостоять агрессии турок-осман на Балканах.

В битвах на Марице (1371 г.) и на Косовом поле (1389 г.) погиб цвет сербского воинства, и даже современникам тех трагических событий было трудно представить, как это еще совсем недавно воеводы царя Душана заставляли ромеев трепетать и всерьез грозили столице Византии. Ну а Константинополю, похоже, было не привыкать. Конечно же, по случаю избавления от сербской опасности были отслужены благодарственные молебны, но в целом у империи было столько врагов (да еще, не переставая, появлялись все новые), что исчезновение одного из них, уже не воспринималось как гарантия будущей безопасности...

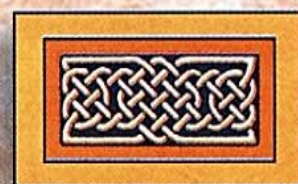
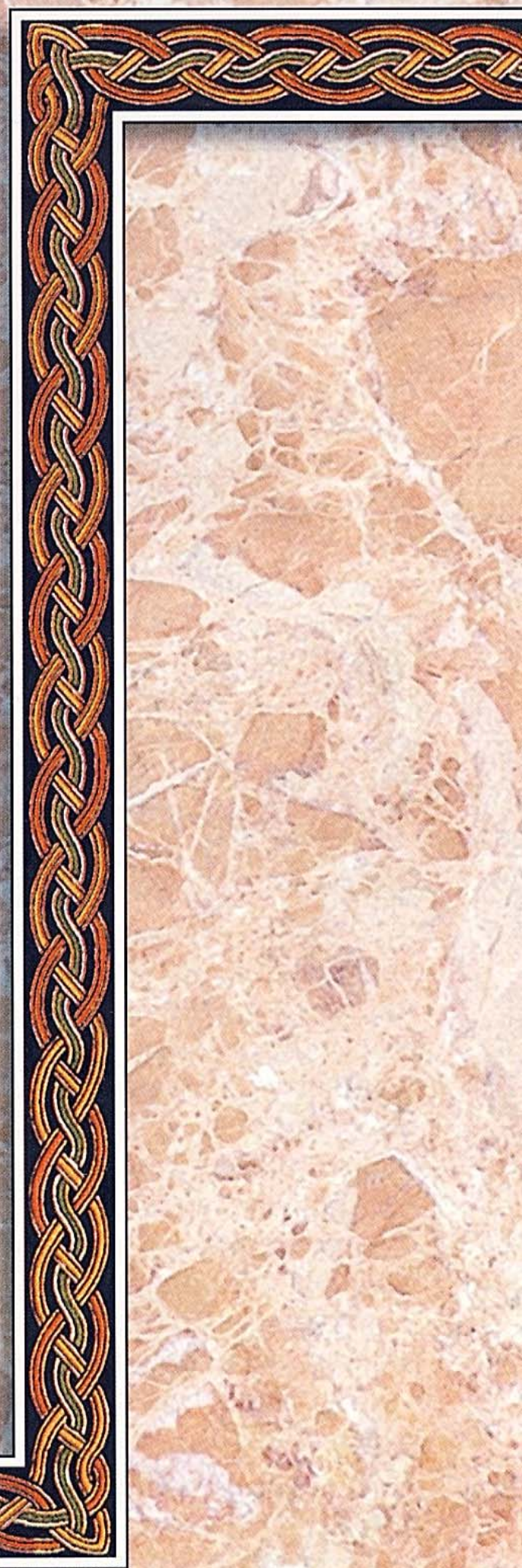

¹См. «Византия — орёл и лев».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дечанский монастырь, национальная святыня сербского народа.
Косово, Сербия. Фотография конца XX в.

северные войны оказались самыми длительными в истории Византии. Доставшись ей по наследству и без какого-либо перерыва от Римской империи, вынужденной более двухсот лет отстаивать Дунайский лимес, они продолжались до эпохи позднего Средневековья. Сила врагов, приходивших из-за Дуная, состояла, конечно же, не в техническом оснащении или превосходстве тактики (хотя, признаемся, регулярная армия ромеев часто бывала не в состоянии положить конец набегам легкой и неуловимой степной конницы). Мощь северных варваров заключалась в их численности. Зачастую у византийцев просто не хватало войск, чтобы сдерживать такую лавину. И все же, даже эти, «неправильные» войны, когда льву приходилось отмахиваться от мириад преобладающих пчел, в целом, закончились в пользу империи.

К середине XII столетия, кочевники, поголовье которых путем многолетнего проре-

живания оказалось, наконец, доведенным до разумных пределов, исчезают со страниц византийской истории. Венгры, покончив с разбойничьими привычками, сформировали полноценную нацию. При этом, приняв католическую веру и получив из Рима регалии королевской власти, Венгрия органически вписалась в западноевропейскую цивилизацию. Ее пути с Востоком окончательно разошлись, так что не сразу и поверишь, что ближайшие этнические родственники мадьяр до сих пор живут в Западной Сибири и Поволжье¹. Славяне, расселившиеся на Балканах, выстояли. Их национальные государства в дальнейшем сыграли роль буферной зоны между Византией и Великой степью. Крушение Ромейского царства после Четвертого крестового похода, парадоксальным образом избавило Константинополь от нашествия монголов. Благодаря сокращению пределов империи, вал монгольского нашествия, принесшего Восточной и Центральной Европе столько бед, не докатился до

¹Впрочем, и в сегодняшней Венгрии есть люди, искренне считающие себя потомками воинов Аттилы. В анкетной графе «национальность» они неизменно пишут «гуны».

Статуя монаха Юлиана. Будапешт.
Современное фото. Бенедиктинец, совершивший в далеком XIII в. путешествие в Приуралье в поисках прародины мадьяр, и сегодня смотрит на восток из самого центра венгерской столицы

Византии, зато во второй половине XIII века кривая татарская сабля оказалась занесена над Балканским полуостровом. Правда, осевшие в Причерноморье татары почти не выступали в качестве самостоятельного военно-политического игрока, а вовлекались в коалиции всеми участниками Большой геополитической игры на Балканах.

Чаще всего их старались использовать против Византии правители Второго Болгарского царства. Именно через татар получили ромеи последний привет из степи. Начиная с 1261-1262 гг. и в последующие десятилетия из-за Дуная не раз вторглись золотоордынцы. Отряды татарской конницы достигали окрестностей Константинополя, и василевсам с трудом удавалось покупать мир ценой ежегодной уплаты значительной дани.

В дальнейшем правители всех балканских стран стремились использовать татарский фактор в борьбе за гегемонию на полуострове. Причерноморские кочевые орды считались ценными, хотя и ненадежными союзниками. Болгары приглашали татар для набегов на империю, расплачиваясь с ними захваченной добычей. От них ромеи были вынуждены отбиваться, нанимая половцев и турок.

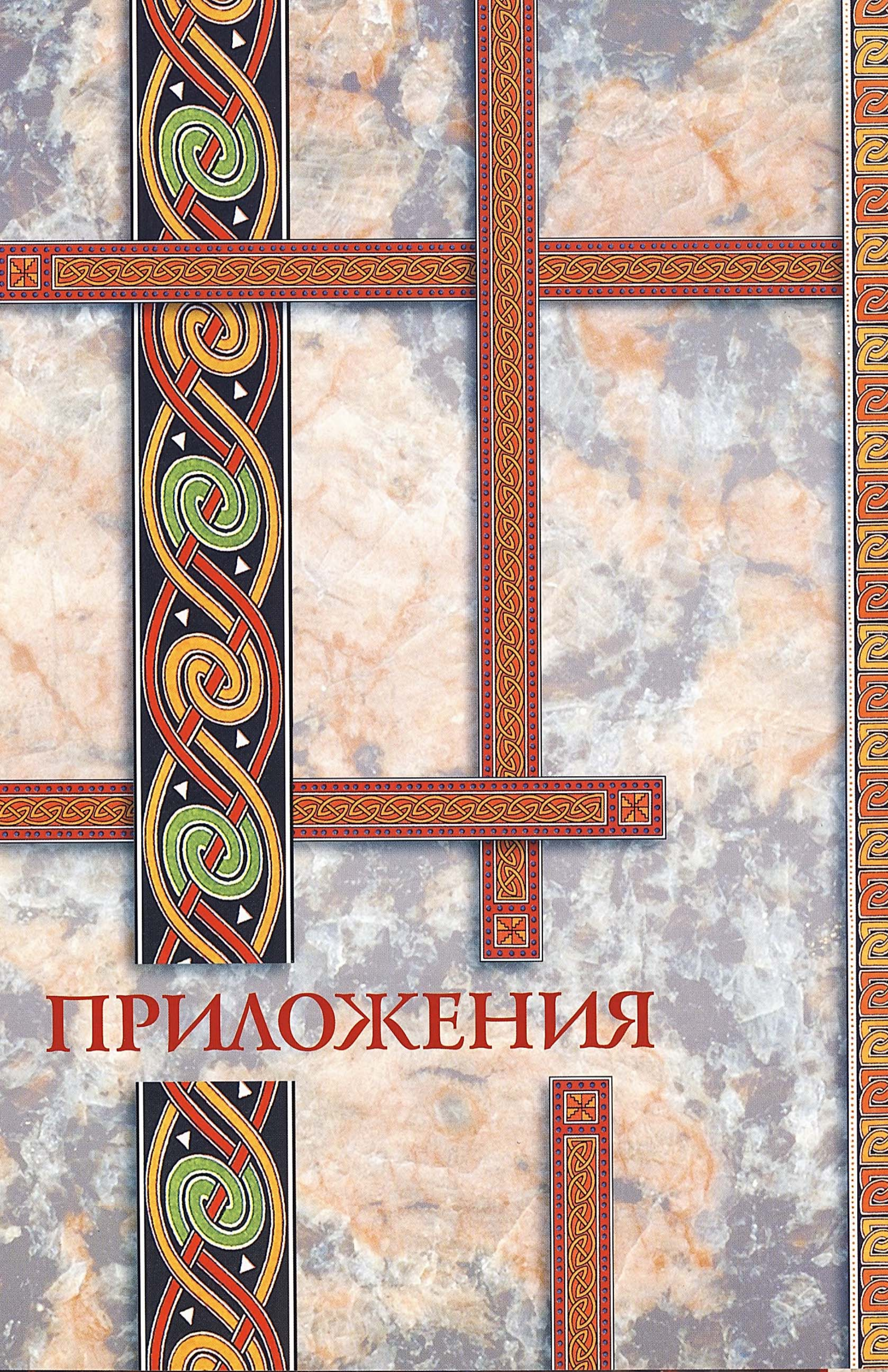
В конечном итоге оказалось, что православные государства, измотав друг друга, все вместе рухнули в пропасть, в которую веками стремились столкнуть противников. А плоды этой розни пожали османы, на пятьсот лет утвердившие свое господство на Балканах.

Тем не менее, несмотря на длительное вооруженное противостояние, Византия постоянно оказывала на балканских соседей такое мощное духовное влияние, что его последствия ощущаются и поныне. Единоверцы-славяне оплакали падение Константинополя в 1453 г. столь же искренне, как и греки. Романские правители Молдавии и Валахии стремились перенять политические и культурные традиции Византии. Более того, начиная с XVII в., представители греческих (т.е. потомки византийских) родов занимали престолы в обоих этих княжествах¹.

Сложнейшие геополитические процессы минувших веков неузнаваемо изменили политическую карту Балканского полуострова. Но Византийская традиция не исчезла здесь и в наши дни. Она проявляется в художественных формах и эстетических канонах национального искусства, особенностях народного менталитета. Даже (хотя на первый взгляд это кажется невероятным) в доктринах дальнейших путей государственного строительства. Ей верны монастырские обители и крестьянские общины, упорно не желающие утратить самобытность и самим фактом своего существования бросающие вызов, как лавине западно-латинской глобализации, так и новому всплеску агрессивного исламизма. Благодаря многовековому византийскому влиянию, такие государства Юго-Восточной Европы, как Болгария, Румыния, республики бывшей Югославии и даже православная Греция, не прошедшая великий социальный Эксперимент XX столетия, еще очень долго не станут органической частью Атлантического мира, как бы не стремились к этому, давно ставшие англоязычными, политические элиты соответствующих стран.

¹ Любопытно, что национальное возрождение собственно Греции осуществлялось в русле совершенно иных идей. В начале XIX века борцы за образование независимого греческого государства усматривали свой идеал не в средневековой Византии, а в античной Элладе.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Императоры Византии

Аркадий	(395-408)	Зоя и Феодора	(1042)
Феодосий II	(408-450)	Константин IX	(1042-1055)
Маркиан	(450-457)	Феодора	(1055-1056)
Лев I	(457-474)	Михаил VI	(1056-1057)
Лев II	(474)	Исаак I	(1057-1059)
Зиноп	(474-491)	Константин X	(1059-1067)
Василиск	(475-476)	Евдокия	(1067)
Анастасий I	(491-518)	Роман IV	(1068-1071)
Юстин I	(518-527)	Михаил VII	(1071-1078)
Юстиниан I	(527-565)	Никифор III	(1078-1081)
Юстин II	(565-578)	Алексей I	(1081-1118)
Тиверий II	(578-582)	Иоанн II	(1118-1143)
Маврикий	(582-602)	Мануил I	(1143-1180)
Фока	(602-610)	Алексей II	(1180-1183)
Ираклий	(610-641)	Андроник I	(1183-1185)
Константин III	(641)	Исаак II	(1185-1195)
Ираклеон	(641)	Алексей III	(1195-1203)
Констант II	(641-668)	Исаак II и Алексей IV	(1203-1204)
Константин IV	(668-685)	Алексей V	(1204)
Юстиниан II	(685-695)	Феодор I	(1208-1222)
Леонтий	(695-698)	Иоанн III	(1222-1254)
Тиверий III	(698-705)	Феодор II	(1254-1258)
Юстиниан II	(705-711)	Иоанн IV	(1258-1261)
Филиппик	(711-713)	Михаил VIII	(1259-1282)
Анастасий II	(713-715)	Андроник II	(1282-1328)
Феодосий III	(715-717)	Михаил IX	(1295-1320)
Лев III	(717-741)	Андроник III	(1328-1341)
Константин V	(741-775)	Иоанн V	(1341-1391)
Артавазд	(742-743)	Иоанн VI	(1347-1354)
Лев IV	(775-780)	Андроник IV	(1376-1379)
Константин VI	(780-797)	Иоанн VII	(1390)
Ирина	(797-802)	Мануил II	(1391-1425)
Никифор I	(802-811)	Иоанн VIII	(1425-1448)
Ставракий	(811)	Константин XI	(1448-1453)
Михаил I	(811-813)		
Лев V	(813-820)		
Михаил II	(820-829)		
Феофил	(829-842)		
Михаил III	(842-867)		
Василий I	(867-886)		
Лев VI	(886-912)		
Александр	(912-913)		
Константин VII	(913-959)		
Роман I	(920-944)		
Роман II	(959-963)		
Никифор II	(963-969)		
Иоанн I	(969-976)		
Василий II	(976-1025)		
Константин VIII	(1025-1028)		
Роман III	(1028-1034)		
Михаил IV	(1034-1041)		
Михаил V	(1041-1042)		

Верховные вожди и короли Венгрии Династия Арпадов

Арпад	(904-907)
Жольт	(907-947)
Файс	(947-952)
Такшонь	(952-972)
Геза	(972-997)
Иштван I	(997-1038)
Петер	(1038-1041, 1044-1046)
Аба Шамуэль	(1041-1044)
Эндре I	(1046-1061)
Бела I	(1061-1063)
Шаламон	(1063-1074)
Геза I	(1074-1077)
Ласло I	(1077-1095)
Кальман	(1095-1116)

Иштван II	(1116-1131)
Бела II	(1131-1141)
Геза II	(1141-1162)
Ласло II	(1162-1163)
Иштван IV	(1162)
Иштван III	(1163-1172)
Бела III	(1173-1196)
Имре	(1196-1204)
Ласло III	(1204-1205)
Эндре II	(1205-1235)
Бела IV	(1235-1270)
Иштван V	(1270-1272)
Ласло IV	(1272-1290)
Эндре III	(1290-1301)

Правители Сербии Рашка

Звонимир	(ок. 650)	ок. 970-980	болгарское завоевание
Будимир	(ок. 670)	Лютомир	(ок. 980-1018)
Радослав	(ок. 720)	1018-1050	византийское завоевание
Прелимир	(ок. 750)	Степан Доброслав	(1050-1054)
Вышеслав	(ок. 770-800)	Михайло	(1054-1083)
Радослав	(ок. 800-820)	Вукан	(1083-1114)
Просигой	(ок. 820-840)	Урош I	(1114-1130)
Властимир	(ок. 840-870)	Чудомир	(1130)
Мутимир	(ок. 870-891)	Белуш I	(1130-1136)
Првослав	(891-892)	Тихомир	(1136-1151, 1167-1168)
Петар	(892-917)	Урош II	(1151-1156)
Павел	(917-920, 920-923)	Белуш II	(1156 и 1162)
Захарие	(920, 923-924)	Деша	(1156-1162, 1162-1167)
924-927	болгарское завоевание	Стефан Неманя	(1168-1196)
Часлав	(927-955)	Стефан Первовенчанный	(1196-1202, 1203-1227)
...	(955-970)	Вукан	(1202-1203)

Зета

Петар	(ок. 900)	Кочапар	(1102)
Петрислав	(ок. 970)	Владимир	(1102-1114)
Иван Владимир	(ок. 980-1016)	Георгий	(1114-1116, 1125-1135)
Стефан Воислав	(1016-1050))	Грубеша	(1116-1125)
Михаил	(1051-1081)	Градина	(ок. 1135-1145)
Константин Бодин	(1082-1101)	Радослав	(ок. 1145-50, 1166-1168)
Доброслав	(1101-1102)	Мирослав	(1168-1179)
		Михаил	(1179-1189)

Королевство Сербия Династия Неманичей

Стефан Первовенчанный	(1217-1227)
Стефан Радослав	(1228-1233)
Владислав	(1234-1243)
Стефан Урош I	(1243-1276)
Стефан Драгутин	(1276-1282)
Стефан Урош II Милутин	(1282-1321)
Стефан Урош III Дечанский	(1321-1331)
Стефан Урош IV Великий	(1331-1355)
Стефан Урош V	(1355-1371)

ИСТОЧНИКИ

1. Аммиан Марцеллин. Римская история. СПб., 1994.
2. Анна Комнина. Алексиада. СПб, 1996.
3. Георгий Акрополит. История. СПб, 2005.
4. Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Рязань, 2004.
5. Иоанн Киннам. Краткое обозрение Иоанна и Мануила Комнинов. Рязань, 2003.
6. Иордан. О происхождении и деяниях гетов. СПб., 1997.
7. Кекавмен. Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века. СПб., 2003.
8. Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1989.
9. Лиутпранд Кремонский. Антаподосис. М., 2006.
10. Михаил Пселл. Хронография. М., 1978.
11. Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина, тт. 1-2, Рязань, 2003.
12. Никифор Григора. Римская история. Рязань, 2004.
13. Приск Панийский. Сказания. Рязань, 2005.
14. Продолжатель Феофана. Жизнеописания византийских царей. СПб., 1992.
15. Прокопий Кесарийский. Война с готами. М., 1996.
16. Стратегикон Маврикия. СПб., 2004.
17. Феофан. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына его Феофилакта. Рязань, 2005.
18. Феофилакт Симокатта. История. М., 1996.

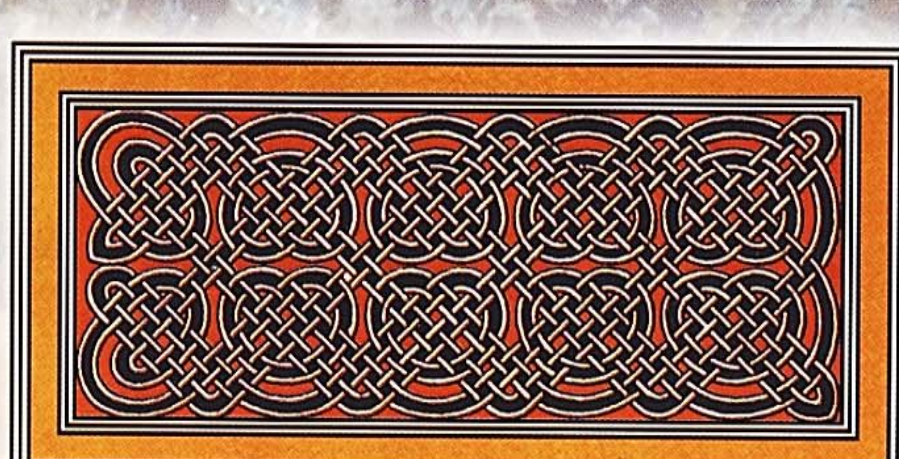
ЛИТЕРАТУРА

19. Алексеев С.В. Славянская Европа V-VI вв. М., 2005.
20. Алексеев С.В. Славянская Европа VII-VIII вв. М., 2007.
21. Васильев А.А. История Византийской империи. тт. 1-2. СПб., 1998.
22. Васильевский В.Г. Византия и печенеги. // Труды, т.1. СПб., 1908.
23. Голубовский П.В. Печенеги, торки и половцы до нашествия татар. Киев, 1884.
24. Дашков С.Б. Императоры Византии. М., 1996.
25. История Византии. тт. 1-3. / отв. ред. акад. С.Д. Сказкин. М., 1967. СПб., 1998.
26. Каждан А.П., Литаврин Г.Г. Очерки истории Византии и южных славян. СПб., 1998.
27. Князький И.О. Византия и кочевники южнорусских степей. СПб., 2003.
28. Контлер Л. История Венгрии. Тысячелетие в центре Европы. М., 2002.
29. Кулаковский Ю.А. История Византии. тт. 1-3. СПб., 1996.
30. Литаврин Г.Г. Византия и славяне. СПб., 1999.
31. Никоноров В.П., Худяков Ю.С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Атиллы. М., 2004.
32. Оболенский Д. Византийское содружество наций. М., 1998.
33. Томпсон Э.А. Гунны. Грозные воины степей. М., 2008.
34. Успенский Ф.И. История Византийской империи. тт. 1-3. М., 1996-1997.
35. Хэлдон Д. История византийских войн. М., 2007.
36. Шувалов П.В. Секрет армии Юстиниана. СПб., 2006.
37. Chalandon F. Les Comnène. t.2, P., 1912.
38. Karasulas A. Mounted Archers of the Steppe 600 BC - AD 1300 // Elite series № 120, Osprey military. Oxford, 2004.
39. Nicolle D. Atilla and the Nomad Hordes // Elite series № 30, Osprey military. Oxford, 1990.
40. Nicolle D. Hungary and the fall of Eastern Europe 1000-1568 // Men-at-Arms series № 195, Osprey military. Oxford, 1988.
41. The Oxford Dictionary of Byzantium. // ed. A.P. Kazhdan. 1991.
42. Schlumberger G. L'épopée byzantine à la fin du dixième siècle. tt. 1-3, P.1896-1905.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Бич божий	11
Авары.....	21
Славяне	42
Венгры	71
Номады дикого поля	105
Сербы	143
Заключение	163
Приложения.....	166
<i>Императоры Византии .....</i>	<i>167</i>
<i>Верховные вожди и короли Венгрии.....</i>	<i>168</i>
<i>Правители Сербии .....</i>	<i>169</i>
<i>Источники.....</i>	<i>170</i>
<i>Литература.....</i>	<i>170</i>

Шиканов Владимир Николаевич

Византия. Гроза над Дунаем
Северные войны Византии V—XIV вв.

Оригинальные цветные и черно-белые иллюстрации *Евгений Емельянов*
Дизайн и верстка *Панкевич А. В.*

Общероссийский классификатор продукции ОК-00-93 том 2, 953000 — книги, брошюры.

Подписано в печать 04.11.2008. Формат 60х84/8
Бумага мелованная 100г/м².

Гарнитура «Кудряшов».

Усл. печ. л. 20. Тираж 1000 экз. Заказ № 4930

Издательство «Рейтар», 103051 Москва а/я 116

Типография: ОАО «Подольская фабрика офсетной печати»
142100, г. Подольск, Московская область, Революционный проспект, д. 80/42

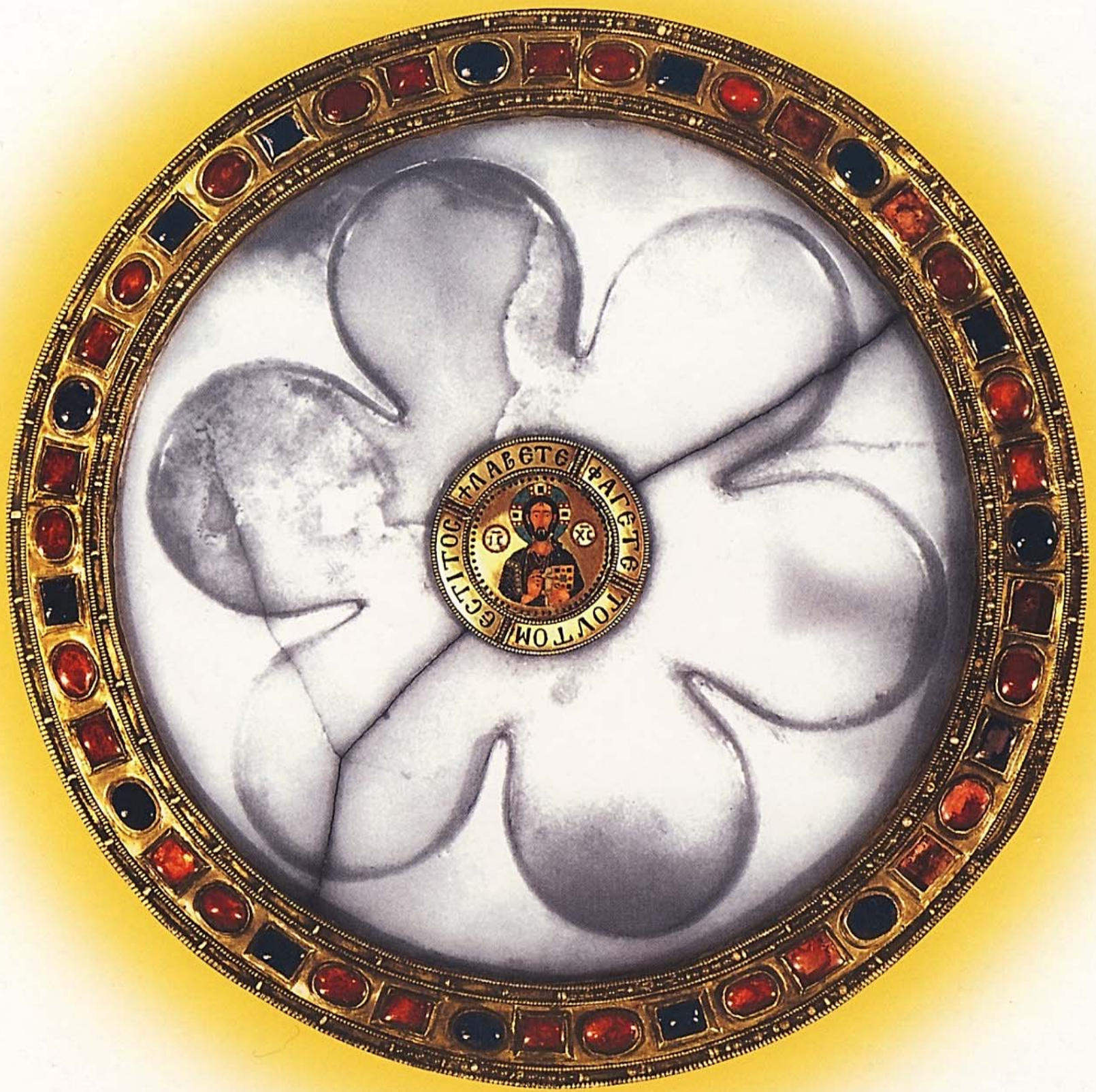

Византия и ее соседи
в середине XIV в.

ДУНАЙ

В течение нескольких веков эта великая река служила естественной границей между цивилизованным Югом и варварским Севером Европы.

Западная Римская империя пала под ударами германцев.

Византия столетиями сдерживала натиск кочевников Великой Степи.

В упорной борьбе судьба Православной империи Востока не раз висела на волоске, и все же орды номадов исчезли, а духовное наследие Константинополя и сегодня живет в культуре народов, создавших национальные государства в долине Дуная.

Четвертая книга проекта «Войны Византии» рассказывает о Северных войнах Римейского царства.

ISBN 978-5-8067-0044-5

9 785806 700446